

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

12015

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Сформировавшись как вспомогательная историческая дисциплина уже в начале XX в., российское историческое оружиеведение в советский период почти не развивалось, исчезнув не только из учебных программ, но и из специализированных изданий. Публиковались лишь отдельные работы, преимущественно в связи с археологическими исследованиями. Игнорирование исторического оружиеведения привело не только к снижению количества научных работ и подготовленных специалистов, но и к дефициту источников, которые были сосредоточены в спецхранах с очень ограниченным доступом.

Сегодня ситуация стремительно исправляется. Недостаток информации стали заполнять репринтные и адаптированные переиздания трудов российских и зарубежных оружиеведов XIX в., сравнительно недавние и совершенно новые исследования зарубежных специалистов XX - XXI в.в. Все больше появляется работ российских исследователей. Активно формируется и дискуссионная среда: как привычная - на конференциях, так и новые формы общения – на специализированных сайтах. Переживающее ренессанс российское историческое оружиеведение нуждается в регулярной систематизации и структуризации на академической основе. Эти задачи и должен выполнять журнал «Историческое оружиеведение» - единственное профильное научное периодическое издание в России.

В самом общем виде содержание журнала образует проблематикой, связанной с производством, бытованием, коллекционированием, экспонированием, реставрацией и изучением исторического оружия. Кроме того, на его страницах и на сайте будут публиковаться переводы иноязычных материалов и исследований, как старых, так и современных, а также анонсы и обзоры изданий об историческом оружии, выставок и конференций.

Основное содержание журнала представляет собой оригинальные научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы. Издание имеет сайт в сети Интернет, где в открытом доступе размещаются аннотации, ключевые слова и информация об авторах на русском и английском языках для всех статей и обзоров.

Потенциальными авторами журнала являются сотрудники российских и иностранных музеев, преподаватели и научные специалисты ВУЗов (исторических факультетов, кафедр), занимающиеся изучением оружия, аспиранты и докторанты, частные исследователи. Потенциальная читательская аудитория – русскоязычные и англоязычные специалисты, коллекционеры и любители исторического оружия.

Мы приглашаем всех принять участие в реализации этого проекта, чтобы российское историческое оружиеведение вновь завоевало самостоятельное положение в ряду исторических наук, как когда-то оно это уже сделало в самом начале XX в.

**С уважением,
редакция журнала
«Историческое оружиеведение»**

Учредитель: АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения»

Главный редактор: Самгин Сергей Владимирович

Адрес редакции: Российская Федерация, Москва, 107207, Уральская 6-1-277

E-mail info@historical-weapons.com. Сайт: www.historical-weapons.com.

СОДЕРЖАНИЕ

Бакрадзе И., Кизириа В. Западногрузинские палаши и сабли с наклонным эфесом открытого типа и их место в эволюции кавказского длинноклинкового оружия	5
Шереметьев Д. Колоть или рубить? Применение кинжала у народов Кавказа в XIX веке	30
Курочкин А. Об использовании индийских терминов для идентификации видов оружия	57
Лопарев С. Самодельное оружие в белорусском советском партизанском движении периода ВОВ - история возникновения и наиболее характерные черты явления	70
Архангельский А. Пареньский нож. Легенды и быль	82
Милосердов Д. «Южный» и «северный» луки в коллекции «Орудия лова» Государственного Дарвиновского музея	101
Захаров Д., Терехов Э., Устьянов А. Неописанный русский тесак Шуваловского Обсервационного корпуса	112
Аникин К. Шпага маркшейдера В.Ф. Лудлова	118
Самгин С. Опыт разработки лекционного комплекса «Введение в историческое оружиеведение»	124
Ленц Э. Несколько слов о старинном холодном оружии	136
Рецензия: Партизанское оружие: каталог коллекции. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны	157
Некролог М.В. Горелик	159
Summary	163
Наши авторы	170
Вниманию авторов	171

ИРАКЛИЙ БАКРАДЗЕ
ВАХТАНГ КИЗИРИА

**ЗАПАДНО-ГРУЗИНСКИЕ ПАЛАШИ И САБЛИ
С НАКЛОННЫМ ЭФЕСОМ ОТКРЫТОГО ТИПА И ИХ МЕСТО В
ЭВОЛЮЦИИ КАВКАЗСКОГО ДЛИННОКЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ¹**

В статье рассматривается кабиани кхмали, холодное длинноклинковое оружие, пока еще мало известное за пределами Республики Грузия. Этот тип шашек появился в конце 17 - начале 18 века в Самегрело и Имерети, районах Западной Грузии. Авторы анализируют отличительные черты кабиани кхмали, начиная с той, которая дала название оружию – «кабиани кхмали» буквально означает «меч в юбке». Оно было дано в связи с своеобразной формой защитной кожаной мантии расположены вокруг ножен меча таким образом, напоминающей юбку. Подобная традиция родилась с целью защиты ножен от попадания лошадиного пота, поскольку оружие держали ниже седла, между телом лошади и ногой всадника. Изучив миниатюры, созданные на Ближнем Востоке и некоторыми западными художниками, авторы смогли проследить корни этой традиции в 16 веке. Другими отличительными особенностями кабиани кхмали являются рукоять без гарды с наклоном к лезвию. Авторы полагают, что подобные конструктивные особенности

¹ Авторы статьи выражают признательность следующим лицам : научному сотруднику оружейного фонда ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург) Анисимовой М.А. за сотрудничество и содействие в изучении экземпляров содержащихся в собрании музея, профессорам Г.Абашидзе (Грузия, Тбилиси) и Д.Кизириа (Университет Индианы, США) за консультацию и помощь в работе по изучению надписей на эфесах, куратору Оружейного фонда М. Капианидзе и сотруднику отдела Георгия Лагидзе за содействие в работе с предметами коллекции ГНМ, а также профессору П.Скиннеру (Нью Йорк, США) за консультацию в поиске раритетных изображений по теме.

имеют функциональное значение и в целом лежат в русле традиции кавказского длинноклинкового оружия. Авторы указывают на сходство функциональных и конструктивных особенностей между кабиани кхмали и кавказской шашкой. Связь между ними подтверждается и анализом грузинских письменных источников и рукописей 17 - 18 века. В конце статьи авторы описывают в деталях несколько кабиани кхмали, которые хранятся в музеях Грузии, России и Европы.

Ключевые слова: кабиани кхмали, меч в юбке, шашка, Кавказ, Грузия, рукоять открытого типа.

Настоящая статья представляет на обозрение читателя специфический вид кавказского длинноклинкового оружия, удостоившийся внимания российской, а позже советской оружейной историографии, но по-прежнему недостаточно изученный. В среде российских коллекционеров и историков-оружиеведов этот тип оружия известен как грузинские палаши и сабли с «юбкой» [1] или с «юбочкой» [2, 3]. Название это было дано из-за бросающегося в глаза особого строения ножен, имевших конусообразный кожаный чехол, по ассоциации напоминавший юбку. Другой, менее заметной, но важной отличительной чертой ножен были обоймицы определенного дизайна и расположение колец для портупей, обеспечивающие тип подвеса оружия, идентичный подвесу черкесского длинноклинкового оружия шашки (то есть таким образом, что лезвие смотрело вверх и назад, а не вниз и вперед как у сабли). Отличительными чертами самого оружия, помимо специфического внешнего дизайна рукоятей были две детали - отсутствие крестообразной гарды у эфеса (в дальнейшем будем использовать термин эфес открытого типа), и сильно выраженный (варьирующий от 20° - до 30°) наклон рукояти к лезвию.

Общее число экземпляров грузинских палашей и сабель, сохраняющихся в государственных музеях Грузии, Европы и России, а также в частных коллекциях не велико, и его можно считать редким типом клинкового оружия. Некоторые палаши и сабли в собрании российских музеев представляют осо-

Рис. 1. Государственный исторический музей (Россия, Москва) палаш, мингрельский, инв. # 7326

Рис. 2. Государственный исторический Музей (Россия, Москва) сабля имеретинская, инв. # 7327

Рис. 3. Livrustkammaren / Оружейная палата (Швеция, Стокгольм) мингрельская шашка, палаш, инв.# 7323

Рис. 4. Государственный Эрмитаж (Россия, Санкт Петербург) палаш имеретинский, инв.#2965

Рис. 5. ВИМАИВиВС (Россия, Санкт Петербург) инв.#109/375

Рис. 6. Государственный исторический музей (Грузия, Кутаиси) палаш царя Соломона II, инв.№2810

Рис. 7. Государственный Музей Грузии им. Симона Джанашия (Грузия, Тбилиси), сабля мингрельская инв. #. 9810 «кабиани калди»

Рис. 8. Государственный Музей Грузии им. Симона Джанашия (Грузия, Тбилиси), палаш «кабиани»

Рис. 9. Историко-краеведческий музей имени П. В. Алабина (Россия, Самара), палаш, Грузия. инв. # КП-872

бую ценность как предметы мемориальные, связанные с именами известных правивших династий, князей и государственных деятелей Грузии 18-19 в². (Рис. 1-9)

Еще более редкими, чем само оружие данного типа, являются его изображения. В грузинской иконографии оно не запечатлено, а все известные нам рисунки были сделаны достаточно поздно, уже в 19 веке. (Рис. 10-12)

Впервые вниманию российских и европейских исследователей данный тип оружия был представлен в 1913 г., благодаря статье Эдуарда Ленца, оружейведа, работавшего с императорскими и великокняжескими коллекциями в России. Основной задачей статьи была попытка проанализировать метод определения подлинности старинных клинков, приписываемых итальянскому

² Грузинские экземпляры (палаш и обломок сабли) фонда музея ВИМАИВиВС рассмотрены в отдельной работе [4]

Рис. 10. Имеретинский князь. [5]

Рис. 11. Имеретинский князь. [6]

Рис. 12. Грузинская портретная живопись XVIII-XIX веков. [7]

оружейнику Андреа Феррара. Одним из экземпляров, рассматриваемых автором, был грузинский палаш из коллекции Великого князя Михаила, в свое время преподнесенный ему от семьи Дадзисиани, когда-то правящей фамилии грузинской области Самегрело (Мингрелии) [8]. По завершении основной темы Ленц посвятил заключительную часть статьи анализу грузинского па-

палаша, который привлек его внимание непривычным строением эфеса и ножен. Как указывает автор, «...рубящее оружие ... с каталожным номером 1313* вызывает особенный интерес ещё и потому, что его эфес расположен под необычно острым углом к режущей кромке клинка... Мы же столкнулись с данной проблемой, будучи дилетантами, и, к сожалению, не можем... определить соотношение, в котором конкретный случай рубящего оружия № 1313 относится к общему типу данного явления...».[8]

Несмотря на то, что Э. Ленц подчеркнул важность и необходимость дальнейшего исследования этого оружия, следующая работа появляется только полвека спустя. Это была статья Е.Денисова в трудах ГИМ 1956 г., посвященная двум экземплярам из оружейного фонда ГИМ, сабле Бежана Церетели и палашу Давида Дадияни.[2] В 80-90-х г.г. 20 в., т.е. четверть века спустя, в статьях писателя и исследователя кавказского оружия А.Кузнецова появляются короткие упоминания следующего содержания: «Рукоять его с головкой загнута к лезвию под углом в 25 градусов, что делает его непригодным для рубки. Это всего лишь парадная вещь, дань традиции: рукоять, бывало, немного наклоняли к лезвию, а здесь перестарались. Недаром палаш Дадияни одет в традиционную грузинскую «юбочку».[3] Как видим, в приведенной цитате сомнение в боевой функциональности данного типа оружия, высказанное Э. Ленцем и повторенное Е.Денисовым, превратилось в утверждение безо всякого исследования техники применения данного типа оружия. Ниже мы постараемся доказать, что данное утверждение ошибочно. В 1995 г. увидел свет монументальный труд Э.Аствацатурян «Оружие народов Кавказа».[1] В этой книге, в разделе «Закавказье», вновь были упомянуты и описаны грузинские палашы и сабли «с юбкой».

Сравнение вышеперечисленных источников, показывает, что все последующие за исследованием Э. Ленца работы, помимо добавления описания параметров новых экземпляров палашей и сабель с «юбкой», лишь повторяли некоторые высказанные им предположения, не предлагая анализа фактического материала. Исследование, предложенное и набросанное Ленцем, так и не было проведено. Вопросы, им поставленные, не были проработаны. Комплексное исследование описываемого типа оружия, начатое авторами этой

статьи, еще далеко от завершения, поэтому предлагаемый материал дан в сжатой форме, с целью лишь привлечь внимание оружейников к данному типу оружия.

Начиная наш обзор сабель и палашей с «юбкой», разберемся с той их характерной особенностью, от которой они и получили свое название.

Под влиянием ли российской терминологии или самостоятельно в грузинской научной среде также укоренился этот термин, который звучит как *кабиани хмали* (от грузинского *каба* (женское платье или юбка) и *хмали* (сабля)).[9] Этот термин предположительно возник среди музейных работников, и не зафиксирован в сохранившейся на сегодняшний день старинной традиционной терминологии.

Надо отметить, что первый исследователь этого оружия Э. Ленц в своей статье не использовал термин «юбка», а описывал ножны следующим образом: «В завершение остаётся также замечание о кожаной оболочке в форме воронки, предусмотренной для защиты бархатного покрытия ножен от трения о седло и ремень стремени. Такой вид защитной оболочки упоминает Шевалье де Гамба в описании своего путешествия на Кавказ в начале прошлого века, и до сих пор встречается у отдельных курдских племён, но сейчас это стало редкостью. Сейчас для этой цели используется тканевый чехол, плотно прилегающий к ножнам, свисающие концы которого скрепляются в середине ножен».[8]

Боевую функциональную специфику *кабиани хмали* определяют четыре особенности. Первая - сильно выраженный наклон рукояти к лезвию клинка. Вторая - открытый характер эфеса (без крестовидной гарды). Третья - устройство устья ножен, при котором одна из боковых сторон частично открыта. Такое устройство защищает наклонную рукоять и в тоже время не стесняет ее. Четвертая - расположение колец для портупей на обоймице, обеспечивающее подвес оружия лезвием клинка вверх и клювом навершия назад.

Именно первая особенность наиболее бросается в глаза. Наклон рукояти *кабиани хмали* варьирует от 20 до 30 градусов. Хотя такой явно выраженный наклон и озадачил первого исследователя Э. Ленца, тем не менее, он указал на исторические аналогии и авторов освещавших некоторые из них: «Конст-

руктивный принцип продольной оси сабли, имеющей именно такой излом рукояти эфеса, замечен и отмечен нашими ведущими авторитетами по саблям, такими, как Voeheim, Jahns, Hampel и другими. Они бы привели соответствующие указания на аналогии, но систематического исследования этого явления пока еще не проводилось ни со стороны теории, ни в практическом аспекте...».[1] Далее Э. Ленц перечисляет объекты из широкого временного и культурного спектров, отображающие по его мнению знакомство народов мира с подобной практикой использования холодного оружия с эфесом наклонного типа. В предложенном перечне археологических находок не только непосредственно оружие - курганные адыгские кавалеристские сабли 14 - 15 в.в. (Западный Кавказ); венгерские (мадьярские) мечи 8 - 10 в.в. (Европа), но и различные объекты изобразительного искусства - сасанидские серебряные блюда, с декором в виде рук с саблями (Иран), хеттские скульптуры (Зинджирли, Турция), пряжка ремня с фигурой воина (пещерная крепость Руча, Кумбулта, Осетия), находки в некрополе итальянского поселка Новилара, находки в захоронении на Подоле у Златоверхомихайловского монастыря (Киев, Украина) и т.д. Вдобавок к артефактам, Э. Ленц упоминает и бытовавшие до недавнего времени виды клинкового оружия с похожей характеристикой у некоторых народов Азии, Китая и Сибири.

Пояснения Э. Ленца по устройству и назначению чехла ножен полностью совпадают с устной западно-грузинской традицией о «мингрельских саблях», называющей их оружием кавалериста и упоминающей о двух вариантах походной экипировки этого оружия - закрепление с левой стороны, заворачивая в левую полу чохи (черкески), и размещение между ногой всадника и лошастью. Но остается вопрос, для чего требовалось усложнять устройство ножен добавлением воронкообразного чехла. Ответом может быть опять же устная традиция, дающая следующие пояснения: чехол защищал ножны и клинок от лошадиного пота, способствовал прижатию ножен к боку лошади, позволяя резкое выхватывание клинка без необходимости придерживать ножны левой рукой. Возможно также, чехол смягчал или скорее распределял трение между ногой кавалериста, ножнами и лошадиным боком. Действительно ли существовала такая необычная практика размещения клинкового

оружия между ногой кавалериста и лошадьё? Из-за отсутствия указаний этого мотива в грузинской иконографии, обратимся за помощью к иностранным произведениям живописного искусства и графики 16 - 18 в.в., изображающим сцены охоты или баталий. В Европе лучшей из ранних работ, которые могут послужить примером интересующей нас практики, является картина кисти фландрского художника Роланда Саверского «Марш польской конницы через лес» 1614 г. (Лувр, Париж, Франция). (Рис. 13)

Довольно раннее изображение, явно демонстрирующее кавалериста с мечом, подвешенным под седло и находящимся между ногой всадника и лошадиным боком. Разница лишь в одной детали - меч подвешен с правой стороны. Однако на работах польских художников 18 - 19 вв. мы находим меч, размещаемый также и с левой стороны. В разных случаях это или меч-пика, известный как «кончар» или тяжелая сабля, изображенная в картине Александра Орловского (1777 – 1832 гг.) «Польский крылатый гусар в латах», а также Джозефа Брандта (1841-1915 гг.) «Польская Гусария». Интересно,

Рис. 13. Марш польской конницы через лес. Худ. Роланд Саверский, 1614 г. Фрагмент.

что рукояти сохранившихся «кончаров» (польское *Konczarz* от татарского *Kandzar*) имеют «пистолетную» форму, то есть наклон от оси клинка.

Можно предположить, что практика такого ношения оружия существовала в Европе или была воспринята от воинской традиции и практики Османской Империи. Именно оттуда польские и венгерские воины-кавалеристы позаимствовали типы вооружения, технические термины и даже тактику кавалерийского боя в период экспансии Османской Империи в Европу. Есть

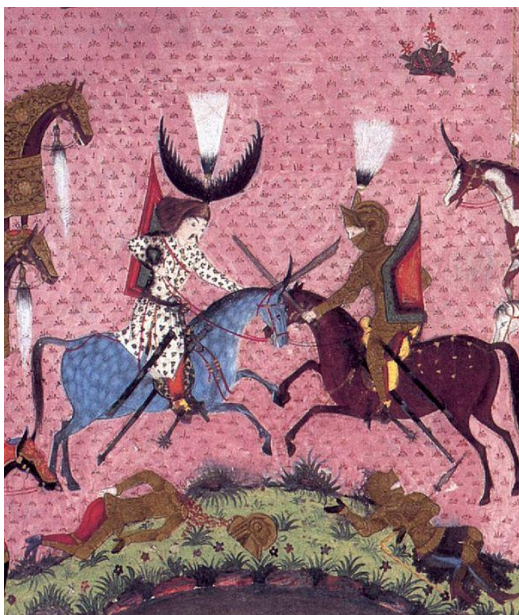

Рис. 14. Поединок османа Дели Синана и мадьяра Евгения. Сулейманнамэ, середина 16 в.

Рис. 15. Турецкие делибашы. Codex Vindobonensis, конец 16 в.

основание утверждать, что самые ранние изображения интересующей нас практики принадлежат именно турецкой иллюстрированной рукописи Сулейман-намэ (Топкапи дворец, Истамбул), созданной при правлении Султана Сулеймана I (1520 – 1566 г.г.). (Рис. 14)

Еще одним красочным изображением такой манеры экипировки всадника являются иллюстрации из Codex Vindobonensis (Национальная Венская библиотека), описывающие жизнь и традиции Османов. Codex был заказан для Императора Святой Римской Империи Рудольфо II, его послом в Константинополе Бартоломео Пещеном в 1586 -1591 гг. (Рис. 15)

К сожалению, как уже упоминалось ранее, в грузинской иконографии не сохранилось изображений воинов, носящих *кабиани хмали*. Однако тесные военно-культурные контакты и взаимовлияния Западной Грузии с Османским культурным ареалом возможно послужили распространению подобной практики и среди грузин.

В связи с нашей темой, значительный интерес представляют адыгские сабли Западного Кавказа[17], так как земли адыгов лежали в непосредственной близости от Имеретии и Самегрело, регионов Западной Грузии, где, как мы предполагаем, возник и распространился тип *кабиани хмали*. Но наклон

этих сабель, судя по образцам, добытым при исследовании захоронений Белореченских и Пятигорских курганов[18], весьма слабо выражен по сравнению с *кабиани хмали*. Кроме того, судя по иллюстрациям грузинских церковных и певческих манускриптов 14 - 17 в.в. из монастыря Джрочи (Грузинский национальный центр рукописей (Тбилиси), Псалмы H-1665, Q -104, S-1347), небольшой изгиб рукоятей мечей был, по-видимому, известен и в Грузии.

Наиболее приближенными к грузинским палашам и саблям по таким признакам как малая кривизна клинка и ярко выраженный наклон рукояти к лезвию, являются венгерские кавалерийские сабли, найденные в Европе и датированные 8 - 10 вв. К этому же типу относится и известная сабля Карла Великого (король франков 768 - 814 гг.), хранящаяся в Вене и на протяжении веков являвшаяся коронационным оружием королей Франции.[10] (Рис. 16)

Рис. 16. Группа эфесов венгерских мечей/сабель:

1. Меч, снабженный сабельной гардой, из захоронения венгерского воина, X в., Нитра, Словакия. Хранится в Венгерском национальном музее.
2. Сабля X в., обнаруженная в Трновце над Вагом, район Таланта, Словакия. Хранится в Институте археологии САН.
3. Сабля из захоронения венгерского воина, X в. Хранится в Венгерском национальном музее.
4. Сабля Карла Великого

Венгерский меч (№1) отличается от сабель слабо выраженным наклоном хвостовика к лезвию и двумя отверстиями для крепления рукояти. Данный экземпляр по форме хвостовика и слегка загнутой в сторону острия защитной гарды поразительно похож на упомянутые адыгские сабли из Пятигорских и Белореченских курганов. Клинки венгерских сабель (№2, 3) почти прямые, кривизна может составлять не более 10 мм (длина перпендикуляра от центра клинка до воображаемой линии, соединяющей нижний край эфеса и острие

клинки). Клинки не имеют сильно выраженного острия и иногда плавно закругляются к обуху.

Угол наклона сабельной рукояти некоторых венгерских сабель достигает угол наклона рукоятей *кабиани хмали*, то есть $20^{\circ} - 25^{\circ}$, хотя излом начинается не от линии гарды, а выше, на расстоянии $1/3$ от всей длины рукояти. Хвостовик клинка закрепляется в рукояти, так называемым всадным методом и закреплением одной заклепкой. Шарообразное навершие рукояти слегка каплевидно вытянуто.

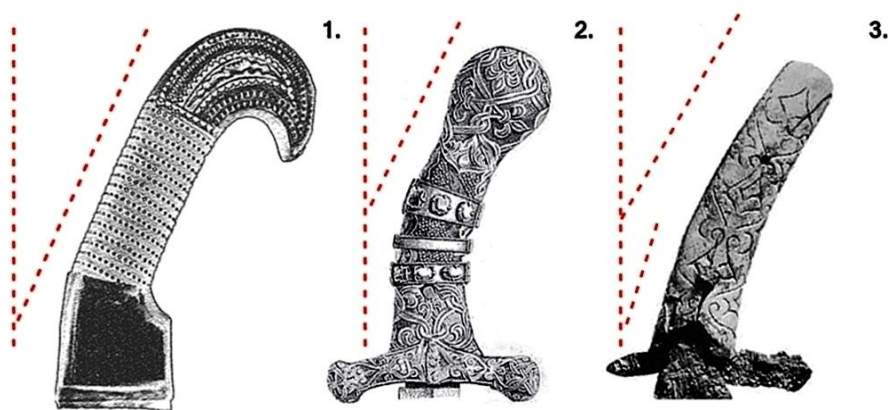

Рис. 17. Сравнение углов наклона рукоятей эфесов кабиани (18 - 19 в.в.), сабли Карла Великого (8 - 11в.в.), сабли венгерской из Трновца (10 в.)

Одним из наиболее ранних и известных экземпляров сабли с изогнутой рукоятью является сабля Карла Великого (№4), ныне хранящаяся в бывшей имперской сокровищнице, во дворце Хофбург в Вене.[10] Наличие ряда взаимоисключающих преданий об обретении ее Карлом Великим не вносят ясности в ее происхождение. Но сабля явно обладает многими характеристиками венгерской «гунской» сабли. В контексте данной статьи важнее сам факт существования таких сабель в Восточно-европейском ареале в период 8 - 10 вв. (Рис. 17)

Размышляя о функциональных качествах и особенностях клинкового оружия с рукоятями наклонного типа, невозможно не отметить это явление в европейском и американском оружии, имевшее место в 19 - начале 20 вв.

В 1812 - 1813 гг. оружейник-сабельщик Натан Старр (Nathan Starr) из города Мидлтаун, штат Коннектикут, получил первый в истории США большой заказ от правительства на производство 10.000 сабель для конных драгун

по образцу сабель некоего Уильяма Роуза. Сабли Старра этой серии отличались выраженной кривизной клинка и наклоном рукояти эфеса к лезвию. Клинок имел равномерный изгиб по всей длине от эфеса до острия. Рукоять имела S-образную крестово-дуговую гарду. Угол наклона рукояти к лезвию у сохранившихся экземпляров варьирует между 10° – 15° . Сабли этой серии уступали в дизайне саблям, импортируемым из Европы, и поэтому считались простоватыми для офицерства. Однако как боевое оружие они хорошо себя зарекомендовали и состояли на вооружении в период англо-американской войны 1812 - 1815 гг., американо-мексиканской войны 1846 - 1848 гг. и Первой, Второй и Третьей Семинольских войн 1814 - 1858 гг.[11, 12] (Рис. 18)

Рис. 18-а. Сабли американского оружейника Натана Старра, 19в.

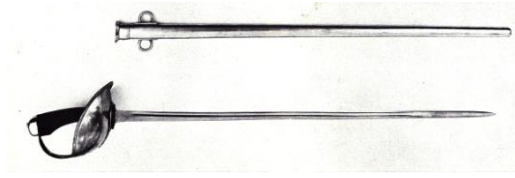

Рис. 18-б. Британский кавалерийский меч образца 1908 г.

Приведем еще один весьма интересный пример британского опыта. В конце 19 в. в Комитете при военном Кабинете, проходили дискуссии по разработке британского универсального клинкового оружия кавалериста, которое отвечало бы всем выработанным за последнее столетие требованиям. Одной из ключевых задач было создание кавалерийского оружия, способного наносить мощные колющие удары, но при этом не терять рубящих свойств. Разработка и испытания были поручены двум известным и зарекомендовавшим себя оружейным предприятиям - фирме Уилкинсон и фирме Мол (Wilkinson/Mole). В процессе работы были подвергнуты испытанию и анализу специально отобранные для этого образцы европейских сабель 19 в. Результатом этой напряженной работы стал строевой кавалерийский меч образца 1908 г. и последовавший за ним офицерский, образца 1912 г. Предлагаемая модель имела однолезвийный прямой клинок длиной 35 дюймов и шириной один дюйм, копьевидное острие, и защищенную эфесной чашкой рукоять «пистолетного» типа, разработанную полковником Дж.М.Фоксом (G.M.Fox). Новое оружие выглядело настолько непривычно, что король Эдуард VII не захотел поначалу утверждать его, а, сделав это по настоятельной просьбе

специалистов, все же подчеркнул, что ему не нравится, как выглядит новое оружие.[13] В нашем контексте этот меч интересен своей «пистолетной» рукоятью, вдохновленной обработанным опытом сабельных рукоятей наклонного типа. Служба этого меча оказалась недолгой, так как он был создан на рубеже новой военно-технологической эпохи, полностью изменившей тактику и стратегию ведения войны. Однако все донесения из действующей армии успевшей применить новое кавалерийское оружие, помогли специалистам заключить, что этот впервые созданный с нуля и с применением научного подхода вид клинкового оружия оказался «без сомнения лучшим из всех, когда-либо стоявших на вооружении кавалерий разных армий». [13]

Приведенные выше примеры далеко не составляют полный исторический перечень сабель и палашей с варьированным наклонным устройством рукояти, но они явно доказывают, что такая конструкция являлась сознательным выбором кавалеристов разных народов на протяжении более тысячелетия. Окончательно ответить на вопрос о функциональных особенностях клинкового оружия с рукоятями наклонного типа, а в частности *кабиани хмали*, возможно будет лишь по завершению комплексного исследования. Но уже сейчас ответ частично содержится в предположениях сделанных Э. Ленцем в 1913 г.: «Причина могла заключаться ни в чём ином, как в осознанной коррекции или модификации тупого угла, который запястье образовывало с осью клинка при вытянутой руке, даже, когда лучезапястный сустав сильно согнут вниз. Иными словами: при рукояти, выгнутой вперед, ось клинка примерно совпадает с горизонтальным уровнем руки, и действие клинка на точку удара развивается почти в перпендикулярном направлении, что усиливает мощь удара, не ухудшая при этом тянущее движение, которое становится результатом кривого изгиба режущего лезвия».[8]

Изучение группы западно-грузинских сабель и палашей с эфесом открытого типа, по мнению авторов, имеет значение для всего кавказкого оружиеведения, так как данное оружие не могло возникнуть и бытовать изолированно от соседних кавказских регионов, где в похожих условиях и в результате идентичных процессов должны были возникать подобные типы оружия. Предположения о возможном существовании подобных по конструкции

форм длинноклинкового оружия, как в Западной Грузии, так и на Северо-Западном Кавказе, а именно в черкесском культурном ареале, возможно, недалеки от истины.

В 1812 - 1813 гг. в Париже при содействии баварского посланника при русском дворе Карла Рехберга вышло 2-томное издание «Народы России», которое содержало 96 гравюр, выполненных в техниках акватинты, офорта и меццо-тинто с ручной раскраской акварелью. Основой для альбома послужили рисунки художника Емельяна Михайловича Корнеева (1780 – 1839 гг.), сделанные им во время путешествия по Российской империи в 1802 – 1805 гг. Значение этих рисунков трудно переоценить, тем более, что художник продемонстрировал внимание к деталям костюмов, экипировки и вооружения. Среди рисунков запечатливших представителей народов Кавказа, один представляет особый интерес в связи с нашей темой. (Рис. 19)

Рис. 19. Черкесы

На рисунке явно изображен тип шашки с наклонной рукоятью. Увы, нам не известно на сегодня ни одного экземпляра такого черкесского клинкового оружия. В 19 - 20 вв. на Кавказе имели место много трагических событий и процессов, ставших причиной исчезновения

не только предметов культуры, но порой и самих народов. Поэтому остается надеяться, что такой экземпляр, возможно, найдется в будущем, в одной из коллекций тех стран куда переселялись изгнанные черкесские племена.

Генеалогическую связь *кабиани хмали* с черкесской шашкой несомненно устанавливают три из выше перечисленных четырех черт гузинского оружия - эфес открытого типа, строение устья ножен и манера подвеса. Такой подвес способствовал возможности нанесения опережающего и убыстренного первого удара, который обеспечивался за счет легкости выхватывания клинка из

ножен и следовавшей более короткой траектории до цели, на которую клинок выходил естественно, благодаря исходному положению лезвием вверх.

Появление клинкового оружия с эфесом открытого типа было логическим ответом на изменения в военной традиции, происходившие на Кавказе и соседствующих регионах после начала распространения огнестрельного оружия. Предположительно, возникновение и переход к новому типу клинкового оружия был обусловлен переменами в тактике ведения индивидуальной схватки и группового конного боя, чему предшествовало распространение огнестрельного оружия. Процесс этот совпал с геополитическими перестановками в регионах Кавказа, reagировавших на соперничество Османской империи и Сефевидского Ирана. В свою очередь, внутрикавказские политические и экономические перемены способствовали усилению набеговой системы войны. Параллельно с этим происходило облегчение защитного вооружения конника и пехотинца в пользу повышения мобильности, что повлияло и на облегчение клинков и изменения в манере и методике действий клинковым оружием в нападении и защите. Эта новая техника была уже подготовлена развитой системой боя с традиционным видом оружия безгардового типа - кавказским кинжалом. Именно поэтому она похожа на технику такого боя в своих ключевых принципах - опережением первого удара, скоротечностью схватки, уклонением маневром и способами парирования.[14]

О молниеносном, опережающем применении клинка можно судить по упоминаниям в грузинском песенном фольклоре. Один из примеров, прямо акцентирующим интересующий нас аспект, находим в песне «Амбавса гетквит», где герои применяют шашку, оружие родственное *кабиани хмали*. В песне говорится о столкновении некоего разбойника и грузинского путника. В ответ на оскорбление путник выхватывает шашку, но разбойник наносит упреждающий удар. [15]

<i>ლჳკურ ხმალს ხჳლი ცაუაულჳ</i>	шашку рукой выхватил
<i>ნაჩუკარს ცოლი დჳმისასა</i>	подаренную братом жены
<i>უცინა იმან მომასცრო</i>	но тот упредил
<i>რისხვასა ხგაუდჳს გუთისასა</i>	словно кара Божья (молниеносно)
<i>ჳრტი ისჳტი გადავიჳე</i>	такой удар нанес, что

цверма уциа мицаса

острие земли коснулось

тавс ис моква да болос ме

сначала он сгинул потом я³

Испытания функциональных характеристик шашки черкесского типа, проведенные кабардино-балкарской исследовательской группой под руководством и непосредственном участии директора КБНМ Феликса Накова, независимо подтвердили, ранее предполагавшиеся только на основании устной фольклорной традиции, особенности рубки вышеуказанным оружием. А именно, то, что отсутствие гарды и подвес определяли тактику клинкового боя, делавшую ставку на опережающий удар. «Ладонь, скользя по животу, практически сразу попадает на верхнюю часть ножен и при дальнейшем движении цепляет крюк, образованный головкой рукояти выступающей над ножами ... Подвешивание шашки лезвием кверху увеличивало самое главное-скорость первого удара». [16]

Говоря о видах клинкового оружия, родственных *кабиани хмали*, кроме шашки необходимо упомянуть ее грузинскую разновидность известную как *чолаури* или *сванские чолаури*. Чолаури - старинная община и местность Лентехи в ущелье реки Цхенисцхали в Сванетии (Чола, Чолаши – аулы в общине Мулакхи). На сегодняшний день сохранились два типа *чолаури* - прямые и слегка изогнутые к острию клинки с прямыми рукоятями, заканчивающимися клювовидным навершием, и клинки подобной же или более выраженной кривизны с рукоятями, имеющими небольшой наклон к лезвию, и по клювовидной форме практически идентичные контурам навершия *кабиани хмали*.

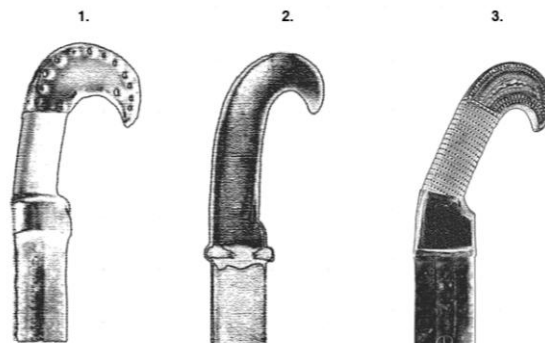

Рис. 20. Группа эфесов открытого типа для сравнения: чолаури/чолаури/кабиани

³ Перевод Кизириа Б.И.

На рисунке представлены два типа рукояти *чолаури* и рукоять *кабиани хмали*. Несмотря на явные различия в угле наклона, у всех трех наблюдается и общая особенность - все навершия цельные, а не расщепленные или разведенные на половинки, или так называемые *уши*, как у северокавказских шашек. (Рис. 20)

Рис. 21. Святой Георгий поражает дракона, манускрипт N1347/გბოცმბო

его к типу грузинской шашки *чолаури*. Однако на навершии изображенного оружия художник изобразил стилизованный узор, который напоминает однотипные узоры наверший *кабиани хмали*. Также интерес представляет другая возможная деталь: левой рукой воин придерживает ножны с выраженным наклонным устьем, как в рассматриваемых нами экземплярах. (Рис. 21)

Исследование любого грузинского оружия неминуемо приведет к необходимости поиска информации в старинных документах. Важным источником информации является «Лексикон грузинского языка», созданный Сулханом Саба Орбелиани в конце XVII – начале XVIII вв. В «Лексиконе» находятся названия двух видов безгардовых сабель, родственных *кабиани хмали* - *чолаури* и *лекури*. Эта последняя является саблей лезгинского или дагестанского типа. Разумеется, в Лексиконе не встречается термин *кабиани хмали*, ибо он возник лишь в начале XX в., в среде музейных работников. Тип ка-

В иллюстрациях грузинских рукописей встречаются изображения сабель с эфесами безгардового типа. К сожалению, не было найдено ни одного изображения напоминающего *кабиани хмали*. Однако деталь одного изображения все же привлекает внимание. Рисунок из западно-грузинского манускрипта S1347, датируемого концом 17 в., изображает Святого Георгия, держащего в руках оружие с малым изгибом клинка и эфесом открытого типа, но прямой рукоятью, что заставляет отнести

биани хмали или назовем это оружие западно-грузинской шашкой с наклонной рукоятью, уже должен был существовать ко времени составления «Лексикона», так как трудно предположить, что это оружие с его более архаичными клинками и рукоятями возникло и распространилось после появления северокавказской шашки. И действительно, архаичная форма навершия явно предшествовала *ушному* навершию кавказских шашек, что, кстати, предполагает в своей работе и Н.Денисов. Кроме того, некоторые экземпляры палашей с подписями князей Имерети и Самегрело (Мингрелии) атрибутируются к середине 18 в. [4] Все эти экземпляры отличаются четким, выраженным конструктивным и оформительным стилем. Если в середине 18 в. этот тип оружия изготавливался в уже явно выработанном к тому времени и только ему присущем стиле, мы можем предполагать, что возник он по меньшей мере на пару десятилетий ранее.

Сванские *чолаури* и *лекури* обладают как схожими, так и отличительными чертами. К какому же клинковому оружию можно отнести интересующие нас западно-грузинские палаши и сабли типа *кабиани хмали* согласно старинной терминологии *лекури* и *чолаури*? *Лекури* отпадает, так как по определению «Лексикона» - это «сабля с открытым эфесом, лекского рода» [22], иначе говоря, лезгинская или дагестанская шашка. Возможно, исследуемое нами оружие следует относить к разновидности *чолаури*. Окончательный ответ на этот вопрос может дать только дальнейшее исследование.

Авторы уверены, что западно-грузинское оружие безгардового типа не было узколокальным феноменом, но возникло в результате процессов происходивших и в соседних регионах. Несмотря на различия их общественно-социальных структур, государства, княжества и вольные общества Кавказа составляли вместе некую культурную общность, которую можно назвать Кавказской Ойкуменой. На этом культурном полигоне тысячелетиями шел взаимообмен в производственных технологиях и изобразительных стилях, и здесь оттачивались виды оружия и воинской экипировки. Именно в результате такого плотного взаимообмена и получила распространение шашка черкесского образца, вытеснив остальные виды длинноклинкавого оружия.

Сегодня еще представляется сложным уверенно ответить на вопрос о том, какая из двух форм открытого эфеса предшествовала другой, прямая или наклонная. Скорее можно утверждать, что к концу 17 в. в западных регионах Кавказа - Грузии и Черкесии, уже шел процесс поиска нового оружия, и менее удачные формы со временем отсеивались. Имеретинские и мингрельские безгардовые сабли/палаша с наклонной рукоятью и *чолаури* постепенно уступали место более удачной форме - шашке северо-кавказского типа, и были окончательно вытеснены к третьей четверти 19 в. *Сванские чолаури* просуществовали дольше, реликтивно сохранившись, подобно тому, как в горах Хевсуретии сохранялись архаичные формы длинноклинкового оружия.

Среди изученных экземпляров встречаются клинки всех видов, бытовавших в Грузии в означенный период, от привозных европейских и местных подражаний, до собственно грузинских, в том числе упомянутых в «Лексиконе» С.С.Орбелиани. Клинки эти отличались качеством, ценились и имели высокий спрос для производства боевого оружия. [9, 21] Ножны половины экземпляров не имеют бархатного покрытия, которое по предположению первых исследователей нуждалось в защите от трения. Кожа ножен носит следы разрушения. Все это лишний раз свидетельствует о том, что ножны защищались сафьяном и шагреновым чехлом именно потому, что непосредственно касались лошадиного бока, а пот лошади вреден для клинка. Все эти детали, как и рассмотренные в статье исторические параллели, указывают на боевой, походный характер данного оружия.

Несмотря на то, что *кабиани хмали* принадлежат западно-грузинскому историческому арсеналу, оружие данного типа занимает важное место в генеалогии всего кавказского оружия. Совместно со сванскими *чолаури* оно является промежуточным звеном между предшествующими ему кавказскими палашами и саблями с гардой, и так называемой черкесской шашкой, шедевром, венчающим генеалогическую линию оружия с эфесом открытого типа.

Авторы данной статьи продолжают работу по анализу функциональных характеристик данного оружия и изучение исторических параллелей.

Приложение.

Параметры некоторых палашей и сабель представленных на фотографиях 1 – 9:

1) Палаш мингрельский (инв. # 7326)

Надпись на эфесе в стиле мхедрули – «Давид Дадиани».

Общая длина палаша 85 см, длина клинка 72 см, длинна рукояти 14 см, ширина клинка у пяты 3,8 см., оригинальный чехол ножен и одна из обоймиц утеряны.

«Клинок палаша с тремя долами, в среднем из которых выбито тройное клеймо; над долами вдоль обуха по трещинам в металле набит прерывистый ряд дугообразных зубчатых клейм. Часть из них была или плохо выбита или же затерлась при шлифовке, при чем справа они набиты зубцами вниз, а слева - зубцами вверх. Тройное клеймо относится к северо-итальянским маркам 16 - 17 вв. и принадлежит, по предположению Бехайма, одному из Брешианских мастеров холодного оружия. Дугообразные зубчатые клейма вдоль обуха по своей общей форме напоминают марку «гурда», но резко отличаются от нее в деталях: не полукруглая, а полуовальная форма с крутозагнутыми утолщенными концами... наличие зубчатых дуговых знаков в первую очередь служит прикрытием трещин, образовавшихся, по-видимому, при выковке. Характер орнаментальной линии и клейма на этом палаше в общем соответствует итальянским образцам 16 - 17 вв. при всех их различиях в деталях. Возможно данный клинок и был изготовлен на Кавказе (в Грузии) в 16-17 в.в. или позже - в первой половине 18 в. При этом возможно, что восточный мастер был знаком с подобными клеймами и украшениями какого-то, недошедшего до нас, итальянского подлинника...головки рукоятей окованы штампованным серебром; с правой и левой стороны их, среди орнамента, находится стилизованное изображение рыбы, зажатой в руке, - древний символ власти. Сверху на головках палаша и сабли различные узоры». [2]

2) Сабля имеретинская (инв. # 7327)

Надпись на эфесе в стиле мхедрули – «Бежан Церетели».

Общая длина 80 см, длина клинка 68 см, ширина у пяты -3,7 см. Ширина елмани 4,5 см. «...имеет укороченный клинок, с небольшой елманью и разложи-

стым тупьем; своей формой она несколько напоминает образцы ранних турецких сабель 16 - 17 в.в., без дол и украшений, но благодаря резкому закруглению острия на конце, малой кривизне и характеру на пяте, где техникой травления выполнены цветочки, шестиконечная звезда в круге и птичка, стоит ближе к изделиям Балканских народов». » [2] Князья Церетели играли видную роль в Имерети с конце 16 в. Особенного влияния добились к середине 17 в. при царе Соломоне I, сохранив его вплоть до упразднения Имеретинского царства. В зону их владений входил монастырь Джручи, откуда происходит манускрипт упомянутый в статье. Наследственно занимали пост сардала Верхней Имерети. Судя по клинку, палаш монтировался в 18 в. Князья по имени Бежан известны в начале 18 в., Бежан Церетели сын Каихосро (брат полководца Квели Церетели) и Бежан Церетели сын Квели.

3) Мингрельская шашка-палаш (Pallasch-schaschka Mingrelien), инв# 7323

Масса 790 г. Общая длина: 86,1 см. Длина клинка: 73,8 см. Ширина: 5,2 см. Клинок с клеймом «гурда», 18 в. Из бывшей коллекции князя А. И. Шаховского. Передан в музей Livrustkammaren в 1920 году.

На эфесе палаша нанесена штихельным способом надпись в прописном стиле мхедрули. Старогрузинская манера написания прежде всего в том, что гласные в некоторых словах опущены согласно принятым правилам. Эти сокращения - «карагма» - часто использовались в надписях на оружии. Их можно найти в «Лексиконе» Сулхана Саба Орбелиани. Некоторые слова надписи по мнению профессора Т. Болквадзе написаны так как звучали только западно-грузинских диалектах. Из нескольких интерпретаций наиболее вероятно следующая: «X: мне Свимону царь даровал к милости приблизился и опоясал проливающий кровь врага». Как уже упоминалось, буква X (аббревиатура Христос) - предваряющая текст, ставилась в начало согласно традиции. Далее из текста следует, что некто Свимон, был одарен милостью и царем лично опоясан в «проливающий кровь врага». Меч в данном случае назван «проливающим кровь врага». Из описанных в статье палашей, похожим примером

будет название меча из надписи палаша «царицы Анны», где он назван – «этот спасительный»⁴.

4) Палаш имеретинский (инв.#2965)

Общая длина: 91 см. Длина клинка: 78 см. На эфесе надпись прописным мхедрули – «Нестори Церетели», на ножнах надпись «Владимир Васильевич Левашов». По видимому преподнесен графу Левашову, тогда в чине генерал-майора, в 1862 - 1866 г.г. от Князя Нестора Дмитриевича Церетели, Свиты Его Величества генерал-майора, предводителя дворянства Кутаисской губернии, в связи с назначением графа на пост военного губернатора Кутаиси (Имерети, Зап. Грузия)

5) Палаш имеретинский (инв.#109/375)

Общая длина: 88 см. Длина клинка: 74,7 см. Ширина клинка 4.2 см. Длина ножен 86,2 см. Клинок однолезвийный, прямой. Дол широкий центральный от эфеса до середины клинка. На обеих сторонах эфеса надпись штихелем в прописном стиле мхедрули » [4]. Лирическая надпись гласит: Первая сторона: «X: царица цариц анна, восхваляемая до небес всеми имеретинцами. Соизволила милость такую и меня, преданного ей и...». Вторая сторона: «готового пролить кровь (ради нее), меня Кайхосро Бараташвили, она великодушно одарила этой спасительной (саблей)». Преподнесен царицей Анной Орбелиани-Багратиони рыцарю своей свиты Каихосро Бараташвили предположительно между 1784 -1789 г.г.

6) Палаш царя Соломона II (инв.№2810)

Преподнесен царю представителем рода Чиджавадзе в конце 18 в.. Палаш согласно преданию (письменные источники музея -192, №1679)) был выкован в одном из селений Самцхе Саатабаго – Мачахела. «Указанный меч в инвентарной книге музея записан как меч «калдим»... Длина меча 87 см. Клинок меча прямой, шириной 5 см. Вдоль обуха по всей длине, с обеих сторон расположены впритык характерные для изделий грузинских мастеров клеймовочные знаки круглой и овальной формы. Меч заканчивается острием... Серебряные части ножен украшены резным и чеканным характерным, невысо-

⁴ Перевод и разбор надписи - Тинатин Болквадзе, Гиули Абашидзе. Оригинальные фотографии палаша и эфеса с надписью получены из архива Музея Livrustkammaren, Stokholm, Sweden при содействии К. Ривкина.

ким рельефным орнаментом. Рукоятка серебряная, характеризуется изогнутой формой, украшена резным орнаментом и зернью, имеет клеймо «Давид» [20]

7) Сабля мингрельская (инв.н. 98-10) «кабиани калди»

Длина сабли общая - 89 см, от острия до нижнего края эфеса - 78 см. Ширина клинка у нижнего края эфеса 3.2 см, в середине клина - 3 см. Изгиб клинка: расстояние перпендикуляра от центра клинка до воображаемой линии соединяющей острие и основание эфеса - 3см. Эфес без гарды, угол наклона рукояти примерно 23-25 гр. Оформление - псевдофилигрань, филигрань, чернение. Вес сабли - 600 грамм. Ножны отсутствуют. Клейма на обеих сторонах клинка. Грузинский (кавказский) волк (не путать с волчком пассауского и золингенского типа, изображаемых штрихами), на другой стороне - царская держава (орб и крест) «калдими», исполненный всечкой (врезная таушировка)» [21].

8) Палаш «кабиани хмали» (инв.№ 28-10), первая половина XVIII в.

Длина клинка 91 см.

9) Палаш. Грузия. XVIII в. (инв.№ КП-872)

Сталь, металл белый, медный сплав, дерево, бархат, кожа. Ковка, резьба, зернь. Длина без ножен 85 см, длина клинка 71,5 см, ширина 3,5 см. Клинок стальной, прямой, кованый, с тремя узкими долами. На клинке выбито клеймо «серны». Рукоять с большим наклоном, близкая по форме рукояти шашки. Головка украшена зернью. Устье обложено красным бархатом. Две обоймы из медного сплава, резные. Наконечник белого металла. Ножны деревянные, обложены кожей красного цвета. На ножнах сохранились остатки чехла с медными пуговицами. Представляет собой образец парадного оружия грузинской знати 18 в.⁵

⁵ по описаниям музея <http://www.alabin.ru/alabina/exposure/collections/weapon#kavkaz>

Библиографический список

1. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. - СПб., 2004, С. 335
2. Денисов Е.Н. Два именных памятника грузинского холодного оружия. - Именное и художественное холодное оружие 17 – 19 в.в. Труды Государственного Исторического Музея. Выпуск 19. Москва, 1956
3. Кузнецов А. Дальние дороги. Москва: Мысль, 1985; Награды. Энциклопедический путеводитель по истории российских наград. Москва, 2002; Клинок на ковче. Москва, 2009.
4. Анисимова М.А., Кизириа В. Б. Грузинские палаши кабиани в собрании ВИМАИВиВ // В материалах конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы» СПб, 2015.
5. Бегров К. Серия тридцати цветных литографий «Народы, живущие между Каспийским и Черным морям СПб, 1822
6. Гагарин Г.Г. Альбом «Scènes, paysages, mœurs et costumès du Caucase, dessinés d'après nature par le Prince Grégoire Gagarine», Paris, 1847.
7. Грузинская портретная живопись XVIII-XIX веков альбом репродукций/вступ. ст. М. Цицишвили. - Тбилиси: Хеловнеба,
8. Eduard von Lenz, Eine Sabelstudie // Zeitschrift Für Historische Waffenkunde, Band 6: 1912, Drezden. S. 180-190.
9. Капианидзе М. "ქართული ხმლების თიფოლოგიისათვის", საქართველოს ეროვნული მუზეუმის მოამბე, თბილისი 2010, С.315
10. Hampel J. Der sogenannte säbel karls des grossen // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. 1897.
11. Alfred F. Hopkins Weapons and Equipment of Early American Soldiers. Reprinted from *The Regional Review*, 1940, Richmond, VA
12. Harold L. Peterson The American Sword 1775-1945. 1965, Philadelphia. P. 28-29.
13. Уилкинсон Дж. British Military Swords from 1800 to the Present Day. New York 1966. P. 50-51.
14. Абазадзе Н., Кизириа В. ქართული სატევარი იარაღების ზოგიერთ სახეობათა პრაქტიკული ასპექტები., Тбилиси, 2007, С. 25.
15. Сванидзе Г.Д. ქართული ხალხური სიმღერები და მათთან

- დაკავშირებული თქმულებანი" თბილისი. 1957, სტრ. 47-48.
16. Наков Ф. Черкесское длинноклинковое оружие. КБГУ, 2004, С 39-40.
 17. Нагоев А.Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья. Нальчик, 1981, стр.34-35
 18. Раскопки в станице Белореченская. Отчёт императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург. 1896, стр. 5.
 19. Цიალა ჴვიადაძე იმერეთის მეფის სოლომონ-2ეს ხმლის ისტორიისათვის ქუთაუსის სახელგწიფო ისტორიული მუზეუმის შრომები , კრებული 19 (გ.29-31) , 2009 ქუთაისი
 20. M. Qapianidze Attribution and Expertise of Collection of Weapons of the National Museum of Georgia. 2012, Tbilisi (გუიზ., ანგლ.).
 21. Сулхан-Саба Орбелиани. Грузинский словарь, т.1, Тб., 1991. Дж. Феррарио Le Costume ancien et moderne ou histoire du gouvernement, de la milice, de la religion, des arts. Milan, 1816.

ДЕНИС ШЕРЕМЕТЬЕВ

**КОЛОТЬ ИЛИ РУБИТЬ?
ПРИМЕНЕНИЕ КИНЖАЛА У НАРОДОВ КАВКАЗА В XIX ВЕКЕ¹**

В статье описаны некоторые аспекты применения кинжала на Кавказе в XIX в., подробно рассмотрены технические возможности рубящего и колющего ударов кинжалом. В качестве модели, наглядно демонстрирующей культурные смыслы рубящего удара, предложена ситуация поединка изначально равных друг другу воинов. Сделан вывод о том, что рубящий удар кинжалом выражает превосходство воинского духа и право на осуществление власти. В качестве культурного контекста, наилучшим образом проявляющего культурные смыслы, связанные с колющим ударом, предложена ситуация борьбы со зверем, равенство с которым для воина невозможно. На конкретных примерах рассмотрены возможности и риски колющего удара в отношении сильнейшего противника. Сделан вывод о том, что два выделенных типа противоборства в чём-то различны и даже противопоставлены друг другу, но оба они способствуют реализации героического начала в культуре.

Ключевые слова: *кавказский кинжал, колющий удар, рубящий удар, воин-герой, поединок, борьба со зверем.*

Прагматика

Кавказский кинжал представляет собой оружие с прямым обоюдоострым клинком длиной в среднем 30—50 см [Аствацатурян, 1995: 9]. Такой размер

¹ В основе настоящей статьи лежат тезисы доклада, прочитанного в 2005 г. [Шереметьев, 2006]. В исходный текст внесены существенные дополнения и уточнения.

клинка позволяет не только колоть кинжалом, но и наносить рубящие удары. Подобный тип кинжала в ближневосточном регионе использовали издревле. Судя по изображениям II—I тысячелетий до н.э. из Месопотамии, Сирии, Палестины и Египта, в схватке кинжал использовали в основном для нанесения колющего удара в живот, солнечное сплетение или горло. Атака, как правило, сопровождалась захватом левой рукой - за волосы или за руку противника. По окончании схватки воины кинжалом добивали поверженного противника, затем отрубали или отрезали голову либо руку убитого врага [Горелик, 1993: 18; табл. V, рис. 1—5; табл. VI, рис. 6]. Складывается впечатление, что эта схема применения кинжала непосредственно связана с параметрами самого оружия и потому следовало бы ожидать встретить её там, где применялись кинжалы сходных размеров. Можно попытаться проследить подобный алгоритм действий на кавказских материалах XIX века.

Эффективность колющего удара в торс. После боя возле укрепления Герзель-аул 15 июля 1825 г. (здесь и далее даты по ст. ст.), в ходе которого войска под предводительством генерал-лейтенанта Лисаневича и генерал-майора Грекова сняли осаду с укрепления, выяснилось, что в нападении участвовали жители кумыкского аула Аксай, незадолго до того изъявившие покорность. 16 июля по приказанию Лисаневича в укрепление были приведены 318 человек лучших жителей Аксая. Все они были обезоружены, лишь некоторым было разрешено оставить кинжалы. Зная хорошо татарский язык, Лисаневич в оскорбительных выражениях упрекал собравшихся в измене, грозил одних повесить, а других наказать розгами. Затем генерал-лейтенант лично стал вызывать по именам наиболее провинившихся. Третий из вызванных, мулла Учар-Ходжа, выходить из толпы отказался, а при угрозе физического насилия бросился на офицеров с кинжалом в руках, генерал-майора Грекова убил на месте, а Лисаневичу нанёс смертельные ранения, в результате которых последний скончался через несколько дней. Случай этот стал широко известен, поскольку в его результате на кавказской линии не осталось ни одного генерала. Согласно описаниям [Дубровин, 1888: 536—537; Потто, 1885: 166—167], оба генерала погибли от колющих ударов в торс.

Горцы вполне осознавали опасность ударов в корпус тела. Хевсуры самыми опасными ранениями считали раны в область груди, от шеи до пояса. В ссорах между представителями разных родственных групп, заканчивавшихся вооружённым поединком («чра-чрилоба»), противники должны были проявлять выдержку и хладнокровие, остерегаясь нанести смертельное ранение и тем самым вызвать кровную месть. В таких случаях избегали наносить удары в грудь, живот, а также плечи и «суставы ног ниже колена» [Элашвили, 1956: 27]. Вполне естественно предположить, что при желании убить противника вооружённый кинжалом воин постарался бы нанести удар именно в торс, причём удар, скорее всего, был бы именно колющим, поскольку рубящим ударом сложнее повредить внутренние органы и такой удар считался менее опасным. Так, согласно обычаям чеченцев, за рубленую рану кинжалом платили 5 коров, а за колотую — 10, как за ранение из огнестрельного оружия [Зиссерман, 1879б: 439].

Необходимость ограничения подвижности противника. В 1835 г. на коменданта Воскресенского укрепления, расположенного на Кубанской линии, капитана Левашова, было совершено покушение. На народном собрании в одном из черкесских селений пожилого хаджи из княжеской фамилии Хамурзиных упрекнули в том, что он более не способен участвовать в военных набегах. Оскорблённый старик, вооружённый одним кинжалом, немедленно поскакал к ближайшему русскому укреплению и заявил, что желает переговорить с комендантом. Левашов вышел за ворота, не взяв с собою оружия, поскольку посчитал приехавшего присланным с линии лазутчиком. Неожиданно хаджи напал на капитана с обнажённым кинжалом, «хватая его за руку и приноравливаясь ударить его прямо в грудь», а Левашов был вынужден увёртываться от ударов. В конце концов комендант бросился бежать в поле, старый князь отстал от него и был застрелен солдатами [Торнау, 1864: 452—453]. 24 октября 1851 г. в деле у аула Тюмень-Чоглы в Дагестане, один из мюридов бросился с кинжалом в руках на подпоручика Свечина, но «тот успел уклониться в сторону, так что кинжал только слегка задел его руку» [Зиссерман, 1879б: 152]. В Герзель-ауле Учар-Ходжа, после нанесения смертельных ранений генералам Лисаневичу и Грекову, попытался ударить кин-

жалом старшину аула Аксай Мусу-Хасаева, который спасся, «успевши при-
сесть» [Потто, 1885: 166]. Приведённые примеры показывают, что от ударов
кинжалом можно было уклониться, поэтому так важно было для нападающе-
го зафиксировать противника на месте с помощью захвата левой рукой.

Добивание и расчленение тел побеждённых противников. 8 мая 1850
г. недалеко от аула Белокан были атакованы и убиты около 140 человек гру-
зинских милиционеров и русских солдат под командованием князя Николая
Кобулова. Отряд, преследовавший отступающих лезгин, подвергся нападе-
нию на идущей вдоль реки узкой тропинке, где можно было идти только по
одному. Сами условия местности, обеспечившие ограничение подвижности,
благоприятствовали применению кинжалов. На некоторых телах были обна-
ружены десятки сквозных кинжальных ран, что, несомненно, являлось след-
ствием добивания поверженного противника. Кроме того, лезгины отрезали у
всех убитых кисти правых рук, а некоторым отрубили головы [Зиссерман,
1879а: 333, 334].

Головы обычно отрезали известным людям, чтобы предъявить доказа-
тельство их смерти и собственной храбрости. Так, 8 февраля 1806 г. во время
церемонии передачи ключей от города Баку люди Хусейн-Кули хана, владе-
теля бакинского, убили из пистолетов и обезглавили кинжалами главноко-
мандующего в Грузии и на кавказской линии генерала от инфантерии князя
П.Д. Цицианова [Броневский, 1889: 508]. В тех случаях, когда личность
жертвы была не столь важна, действовали проще. Во время набега лезгин на
село Кварели в феврале или начале марта 1845 г. один из нападавших нанёс
удар кинжалом в голову переводчику Сукиясову, от чего последний «упал
замертво». Лезгин отрубил ему кисть руки и удалился, но, заметив, что по
ошибке забрал левую кисть, вернулся и отрубил правую. Подоспевшие сол-
даты прогнали горцев из села. Интересно, что злополучный Сукиясов, «бла-
годаря молодости и крепкой натуре», выздоровел и позднее занял пост квар-
тального надзирателя в Телаве, где А.Л. Зиссерман видел его «с приделанны-
ми к обеим рукам перчатками, туго набитыми шерстью» [Зиссерман, 1879а:
64, 65]. Обычай отрезать кисти правых рук у убитых врагов придерживались
также тушины и хевсуры. По данному поводу Ф.Ф. Торнау не без иронии за-

метил: «В глазах европейца этот обычай может показаться несколько не деликатным, но на Кавказе, где нам не раз приходилось видеть не только руки, но и отрезанные головы, о нем судили менее взыскательно» [Торнау, 1869а: 440].

Героика

Несмотря на убедительные подтверждения, применение кинжала не исчерпывается вышеизложенной схемой. Постараемся последовательно рассмотреть возможности, оставшиеся как бы за пределами описанной модели.

Рубящие удары. Известный хирург Н.И. Пирогов практиковал при осаде и взятии дагестанского аула Салты в 1847 г. Согласно его сведениям, кинжалами «действуют так же, как и шашками, с размаху», при этом кинжалы наносят раны более глубокие, хотя и не столь обширные. Например, рекруту Зозуле были нанесены 5 рубленых ран кинжалом. Две раны на голове проникали сквозь теменную кость, не повредив твёрдой мозговой оболочки. Рана на спине, в 12 поперечных пальцев длиной и шириной в ладонь, проникала сквозь все мышцы между 11 и 12-м ребром до самой брюшины. Другая рана длиной в 3 дюйма проходила под мышкой в промежутке между 7 и 8-м ребром, при этом рёбра были надрублены [Пирогов, 1849: 5, 9, 127]. Александр Дюма-отец, побывавший на Кавказе в конце 1858 — начале 1859 г., так передаёт впечатление от увиденных им возле селения Гели убитых лезгин: «Пуля проходит насквозь или остается в теле, образуя рану, в которую можно просунуть только мизинец — она посинеет вокруг и только. Но кинжальные раны — это настоящая бойня: у некоторых были раскроены черепа, руки почти отделены от туловища, груди поражены так глубоко, что даже виднелись сердца» [Дюма, 1988: 90].

Ясно, что для достижения такого результата помимо собственно кинжала нужен ещё и поставленный удар. Существуют некоторые данные о способах демонстрации и проверки соответствующих навыков. В 1841 г. Хан-Гирей публикует повесть, написанную на черкесском материале, в которой четырёхлетний сын убитого героя, предвкушая месть, рубит кинжалом дыни и арбузы [Хан-Гирей, 1989: 147]. О том, что подобная практика не просто ху-

дожественный образ, свидетельствуют этнографические данные 1880-х гг., относящиеся к горским евреям. В качестве развлечения мужчины, собиравшиеся на площади аула, на спор рубили кинжалом арбузы, поставленные в ряд [Анисимов, 1888: 72]. Очевидно, что подобные мишени имитируют человеческую голову, которая представляет собой трудную цель. Случаи с переводчиком Сукиясовым и рекрутом Зозулей ясно показывают, что разрубить голову сложно. Тем ценнее косвенные данные о правильно выполненном ударе. А.А. Бестужев-Марлинский в повести «Аммалат-бек», написанной в 1830—31 гг., приводит точную деталь: рубящий удар кинжалом по голове «со всего размаху» был «столь жесток, что кинжал остановился в зубах нижней челюсти» [Бестужев-Марлинский, 1995: 58].

В литературе, впрочем, чаще упоминается не разрубание головы, но её отсечение. А.Л. Зиссерман, вспоминая о своей службе в горной Грузии в 1844—48 гг., замечает, что «отрубание кинжалом с одного взмаха бараньих и коровьих² голов» считалось удалством, и это умение, наряду с успехами в скачках, джигитовке, стрельбе в цель, знанием языка, делало положение русского чиновника среди местного населения весьма заметным [Зиссерман, 1879а: 204]. Описывая молодецкую рубку кинжалом, А.А. Бестужев-Марлинский предвидит недоверие читателя и делает следующее примечание: «Очень забавно неверие европейцев к тому, что кинжалом можно отрубить голову; стоит пожить неделю в Азии для убеждения в противном» [Бестужев-Марлинский, 1995: 41]. Тем не менее, и в Западной Европе отсечение головы оружием с относительно коротким клинком не являлось чем-то совершенно неизвестным. По крайней мере, в Англии в XVII в. среди охотников существовал обычай, согласно которому добытого оленя обезглавливали ударом кинжала³ [Блэкмор, 2006: 53].

Идеология превосходства рубящего удара. Очевидно, что для нанесения столь впечатляющих рубящих ударов кинжалом необходимы навык и недю-

² Следует иметь в виду, что горские породы коров имеют сравнительно небольшие размеры.

³ В оригинале использовано слово *hanger*, которое может быть переведено на русский как 'кинжал' или 'кортик'. Этим термином обозначали все разновидности коротких мечей или длинных ножей для охоты и путешествий [Блэкмор, 2006: 37].

жинная сила. Вот характеристика литературного героя, абхазского абрека: «Он же дьявол! Пулю рукой отводит! Кинжалом разрубает на две части, как топором, свиную тушу!..» [Возба, 1991: 128.] Из приведённой цитаты видно, что умение разрубить кинжалом тушу на части стоит в одном ряду с выходящими за рамки обычных качествами героя — неуязвимостью и способностью внушать страх. Подобный контекст показывает, что расчленяющий удар кинжалом воспринимался как внешнее проявление особого статуса воина, его психологического превосходства.

Современные этнографы и лингвисты фиксируют представления о том, что уважающий себя воин должен именно рубить кинжалом. Так, у вайнахов колоть кинжалом считалось большим позором, неумением воевать и владеть оружием, «самым лёгким способом победить врага». Вайнаха, нанёсшего кому-либо колющий удар, называли «ублюдок, кольнувший кинжалом» [Алироев, 1990: 277]. У адыгов молодых воинов учили наносить удар кинжалом сверху вниз, а не колоть, поскольку «пырнуть человека кинжалом считалось предосудительным и недостойным воина-рыцаря» [Мафедзев, 1986: 122]. Учёным вторят писатели, знатоки местной жизни. Литературный герой, абхаз, учит мальчиков: «Запомните! Кинжалом нельзя колоть врага. Это ремесло воришек. Надо крепко зажать рукоять, размахнуться и бить сверху, сечь!..» [Гамсахурдиа, 1964: 67]. Судя по приведённым сведениям, колющий удар считался «слишком лёгким» в исполнении, т.е. в схватке воин, согласно культурной норме, не должен был преследовать чисто утилитарных задач по достижению победы самым простым и эффективным способом. Вероятно, вооружённая борьба мыслилась не как совокупность более или менее действенных технических приёмов, но как способ продемонстрировать и утвердить превосходство воинского духа; не как *технология*, но как *психомахия*. В наиболее чистом виде такой подход проявляется в индивидуальном поединке, поэтому ответ на вопрос, почему кинжалом «правильнее» рубить, а не колоть, следует искать в представлениях о единоборстве.

Поединок: определение статуса. В общем случае поединок можно рассматривать как способ установления определённой иерархии. В поединке сходятся стороны, претендующие на победу, и в этом смысле *равные*; в ре-

зультате поединка равенство нарушается: определяются победитель и побеждённый. Шаткое равновесие через обозначение и разрешение конфликта преобразуется в более устойчивую иерархическую структуру. В практическом плане таким образом мог быть решён вопрос о власти, подтверждение чему содержит кабардинское предание «Лашин-победительница». Действие сказания разворачивается в «стародавние времена», в некоем мифическом прошлом, где, однако, действуют вполне исторические кабардинцы и калмыки. Центральное место в предании занимает борьба пелуанов (от иранского *пеклеван* — богатырь, борец), при этом калмыки, привозя своих пелуанов, «наезжали с войском», а проигравшая в ходе поединка сторона платила дань. Характерна фраза калмыкских борцов: «Коли в селениях пелуаны повывелись, то нужно сейчас же поставить там наших управителей». Таким образом, проигрыш в борцовском поединке равнозначен установлению вассальных отношений в результате военного поражения, а отказ от борьбы означает потерю субъектности. Поскольку в символическом плане поединок пелуанов равен сражению, то для проигравшего дело может окончиться смертью. Например, боровшаяся за кабардинцев, Лашин одному пелуану вырвала руки, другому пальцем «насквозь проткнула брюхо», в результате чего оба, естественно, погибли [Кабардинский фольклор, 1936: 67—69]. Кроме того, с проигравших калмыков кабардинцы сняли всё оружие и снаряжение, отпустив их домой в одних рубахах, т.е. поступили с ними как с мёртвыми [Дубровин, 1871: 219]. В сказании «Бой с Тотрешем» проигравшего не просто убивают, но расчлениают: ему отрезают голову [Кабардинский фольклор, 1936: 26]. Таким образом, согласно культурной модели в поединке решается вопрос о власти (статусе), а смерть есть непосредственное следствие проигрыша, она как бы фиксирует, подтверждает результат поединка.

Эта нормативная модель была реализована в ходе поединка Мстислава и Редеди, который обычно датируют 1022 г. Единоборство, происходившее открыто на глазах воинов обеих сторон, заинтересованных в решении политического спора, являлось ничем иным и воспринималось современниками не иначе, как ритуал передачи власти. Поскольку власть не мыслилась как нечто абстрактное, отвлечённое от носителя власти, её передача осуществлялась в

зримой и чувственной форме приобщения победителя к крови побеждённого, его жизненной (физической и духовной) силе. Таким образом, гибель одного из вождей была неотвратима. Победив в единоборстве касожского князя, Мстислав приобрёл власть над всей адыгской общностью, признававшей первого своим сувереном. Не случайно летопись не говорит о сопротивлении адыгов (касогов) Мстиславу после поединка [Гадло, 1994: 88, 89].

Поединок: демонстрация доблести. В 1991 г. на русском языке в переводе с абхазского была опубликована повесть А.Б. Возба «Хаджарат Кяхба», где упоминался поединок на бурке. «Спрашиваешь насчёт бурки, которую бросают? Это очень древний обычай. В наше время — редкость... Два героя встают на брошенную перед ними бурку и решают спор. Кинжалом, саблей или пулей по выбору. Но, не сходя с бурки! ...Это кончается чаще всего двумя гробами. И очень редко — одним, по счастливой случайности [Возба, 1991: 244]. В 2000 г. вышла работа А.С. Марзея, в которой находим следующие сведения: «Один из известных черкесам способов поединка назывался «ЩаКІуэ кІапэ» (ЩаКІуэ — бурка, кІапэ — конец). Дрались кинжалами, встав на края расстеленной на земле бурки, причём колоть было нельзя, можно было только рубить. В случае если один из противников сходил с бурки, другой имел право его заколоть» [Марзей, 2000: 179]⁴. Наконец, в 2013 г. увидела свет статья Б.Х. Бгажнокова, посвящённая, собственно, поединкам в черкесской традиции. Автор сообщает важные подробности: поединок назывался *щІаКІуэзэпыдзэ*, буквально «вбрасывание бурки»; не принявший вызов признавался побеждённым, а его соперник мог снять с него всё оружие; в ходе поединка запрещалось наносить колющие удары кинжалом, бороться, бить кулаками и ногами, а также сходить с бурки; если один из соперников сходил с бурки, то другой мог нанести колющий удар. В статье есть ссылки на сведения, полученные от четырёх почтенного возраста информантов из разных сёл Кабардино-Балкарии, причём некоторые информанты видели поединок на бурке собственными глазами. Опираясь на рассказы свидетелей, верхней

⁴ Данные эти сопровождаются ссылкой на выдержки из книги Н. Ф. Дубровина, помещённые в сборнике «Материалы для истории черкесского народа», изданном в Нальчике в 1991 г. В доступных мне библиотечных собраниях этого издания нет, но сама книга Н. Ф. Дубровина хорошо известна и в ней нет упоминаний о поединке на бурке.

границей бытования этого поединка следует считать 20-е гг. XX в. [Бгажников, 2013: 86—87.]

Мы не располагаем достаточным количеством надёжных свидетельств, позволяющих рассмотреть данную форму единоборства как историческое явление, но мы можем рассмотреть приведённые выше сведения как зафиксированный в фольклоре и практике образ героического поединка. Выделим некоторые важные для нашей темы аспекты этого образа, и начнём, естественно, с бурки.

Как показывают специальные исследования, с буркой, непременным атрибутом воина-всадника, народы Кавказа связывали важные культурные смыслы. В частности, бурка символически соотносилась с пространством как таковым, в частности — с выделенным пространством, в том числе — с пространством сакральным [Ботяков, 2004: 191—193]. Соответственно, поединок на бурке представлял собой из ряда вон выходящее событие, подчёркнуто выделенное из обычного пространства и времени. Можно сказать, что обычному пространству, правилам, состоянию, противопоставлялись не просто необычные, а в некотором смысле идеальные пространство, правила, состояние. Правила поединка на бурке предусматривали ряд ограничений: невозможность разрыва дистанции, маневра, управления противником с помощью захвата. Т.е. участники поединка отказывались от большинства технических действий, позволявших получить преимущество в данной тактической ситуации. Из технических действий остаётся только рубка, причём уклониться от встречного рубящего удара оказывается практически невозможно. Ясно, что рубящий удар кинжалом не предполагает возможность «перетерпеть» противника, однако, для воина выдающихся качеств возможно было пребывание в особом состоянии, в котором полученные раны не имеют значения. Собственно говоря, вся ситуация поединка на бурке сконструирована таким образом, чтобы продемонстрировать возможность пребывания в героическом, яростном состоянии, и элиминировать всё то, что пребыванию в этом состоянии может помешать.

В рамках такого подхода противопоставление рубящего и колющего ударов «прочитывается» совершенно однозначно. Рубящий удар оказывается

идеально приспособленным для демонстрации доблести, неустранимости, пренебрежения ранами, а колющий удар как бы затемняет, мешает реализовать доблесть в полной мере, ввиду своей «излишней» эффективности. Неслучайно Б.Х. Бгажноков замечает, что принятые в рамках поединка на бурке ограничения, не исключая тяжелые ранения и увечья, снижали вероятность смертельного исхода [Бгажноков, 2013: 87]. Для героев важно было не столько убить, сколько превзойти соперника или, по крайней мере, не дать превзойти себя. Соответственно, в отношении того, кто не способен пройти испытание, кто вышел за рамки честного поединка, ограничения отменяются: недостойного не надо побеждать, его можно просто убить.

Поединок: утверждение нормы. Дополнительные нюансы в восприятии колющего и рубящего ударов демонстрирует известный эпизод, произошедший с майором Евдокимовым, будущим графом и генералом от инфантерии, а в тот момент койсубулинским приставом, ведению которого были поручены горские общества, расположенные по рекам Аварскому и Казикумыхскому Койсу. 6 марта 1842 г. Н.И. Евдокимов занял с небольшим отрядом селение Унцукуль, в котором незадолго до того утвердился гарнизон из 80 мюридов Шамиля. Случилось так, что один из унцукульских мюридов смог подбежать к Николаю Ивановичу со спины и нанести два колющих удара кинжалом — в левый бок и правое плечо. Далее показания источников разнятся. Согласно рапорту генерал-лейтенанта Фезе, написанном через день после события, унцукульцы изрубили мюрида на месте, убили его мать и сестру, а также разорили его дом [Акты, 1884: 354]; о действиях самого майора Евдокимова после ранения не упоминается. В статье подполковника Борисевича, помещённой в Военной энциклопедии Сытина, приводятся дополнительные подробности. По версии А.Т. Борисевича, Н.И. Евдокимов после ударов кинжалом, «не растерявшись, выхватил шашку, быстро обернулся и разрубил горца наискось, от плеча до середины груди». Происшествие это произвело на горцев сильное впечатление. Для находившегося без сознания Евдокимова издали привезли искусного *хакима* (врача), благодаря стараниям которого и заботливому уходу койсубулинский пристав уже через два месяца смог отправиться в новую экспедицию [Военная энциклопедия, 1912: 276].

Оставим в стороне вопрос о том, как оно было «на самом деле». Попробуем рассмотреть описанную ситуацию как систему образов, причём допустим, что системность образов носит неслучайный характер. Очевидно, что действия мюрида прямо противоположны логике героического поединка — он атакует неожиданно, сзади, наносит дважды колющий удар. Основание для подобных действий можно усмотреть в принципиальном неравенстве сторон конфликта. Н.И. Евдокимов возглавлял военный отряд, занявший Унцукуль при поддержке местных жителей, сопротивление мюридов было подавлено, некоторые из них были убиты — сама ситуация исключала какое-либо соревнование в доблести. Мюрид пошёл на верную смерть, попытавшись убить главного врага, демонстрируя тем самым непримиримость и желание нанести максимальный ущерб противнику. В ответ пристав Евдокимов не только показал поистине выдающиеся воинские качества, но и реализовал их в иной, героической, логике действий: он проигнорировал тяжелейшее ранение, развернулся лицом к нападавшему и убил его одним рубящим ударом. Героическая норма поведения, явленная в мир, моментально любой другой форме поведения, вне зависимости от её обоснованности, придаёт негероический и, следовательно, низший статус. Очевидно, что, помимо прочих обстоятельств, уважение к Евдокимову и гнев по отношению к неудачливому убийце со стороны местных жителей объяснялись «нормативными» действиями одного и оказавшимся на этом фоне «недостойным» поведением другого.

Остаётся добавить, что претензия на героический статус, т.е. на превосходство, синонимична заявке на власть. Соответственно, осуществление власти оказывается так или иначе связано с героическими образами. По-видимому, не случайно замечание А.А. Бестужева-Марлинского об Аварском хане, который имел право приказать своим нукерам *изрубить* кинжалами любого жителя Хунзаха, и даже любого проезжего [Бестужев-Марлинский, 1995: 24]. Мы видим, как в ситуации утверждения власти и поддержания порядка кинжал мыслится преимущественно рубящим оружием.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что в поединке сталкиваются равные друг другу по статусу оппоненты; в ходе поединка статусы из-

меняются — определяются победитель и побеждённый; реализация доминантного статуса есть проявление власти. Рубящий удар кинжалом выражает идею превосходства воинского духа, утверждая мужское начало в его высших, с точки зрения воинской культуры, проявлениях.

Архаика

Существует сюжет, пройти мимо которого, рассуждая о применении кинжала на Кавказе в XIX в., было бы непростительно. В нашем распоряжении есть два свидетельства, относящиеся к 1830-м гг. Ф.Ф. Торнау, весьма точный наблюдатель, пишет об абреках: «Видя отрезанными все пути к спасению, они убивали своих лошадей, за телами их залегали с винтовкою на присошке и отстреливались, пока было возможно...» [Торнау, 1864: 459]. А.А. Бестужев-Марлинский в художественной форме описывает ту же ситуацию: «Умрем! Умрем! только славно умрем! — закричали все, вонзая кинжалы в ребра коней своих, чтобы они не достались врагам в добычу, и потом, сдвинув из них завал, залегли за него, приготовляясь встретить нападающих свинцом и булатом» [Бестужев-Марлинский, 1995: 37]. Поскольку на основании столь ограниченной информации трудно делать сколько-нибудь определённые выводы о том, как именно наносили удары кинжалом в подобной ситуации, попробуем посмотреть, как вообще может быть осуществлён забой лошади.

Традиционные способы забоя лошади. Оставляя в стороне те способы умерщвления, которые не требуют применения ножа или кинжала (например, удушение), перечислим вкратце наиболее распространённые в практике коневодов методы забоя.

Широко известный среди кочевников способ умерщвления, характерный, в первую очередь, для забоя овец, состоял в следующем. Животное укладывали на землю брюхом кверху и фиксировали в этом положении; в брюшной части, под грудиной, ножом делали надрез в брюшине; забойщик, просунув руку в надрез, большим пальцем правой руки протыкал диафрагму и, найдя аорту под сердцем у спинного хребта, разрывал её. Вся кровь животного сливалась в грудную полость; нельзя было допустить, чтобы кровь была

пролита на землю. Забой осуществляли в одиночку или с помощником. Есть сведения, что таким образом умерщвляли и лошадей во время жертвоприношений [Дашинимаев, 2005: 197].

Ещё один способ описывают так: животное валили на землю и фиксировали верёвкой; на шкуре в области затылка делали поперечный надрез, после чего перерезали спинной мозг в месте сочленения черепа с позвоночником. Затем животное обескровливали, надрезав яремную вену в основании грудины [Даржа, 2003: 80].

Существовал и более простой метод забоя: на голову лошади надевали мешок, чтобы прикрыть ей глаза, а затем оглушали её ударом обуха топора по лбу. Когда лошадь падала, острым ножом перерезали горло, чтобы выпустить кровь, которую собирали в деревянное корытце [Дашинимаев, 2005: 198—199].

Забой в соответствии с нормами ислама в России XIX в. называли «татарским»; на городских конебойнях он осуществлялся следующим образом. Лошадь стреноживали, связав передние ноги и подтягивая к ним заднюю ногу при помощи веревки, просунутой между передними ногами. После падения животное оказывалось лежащим на боку с вытянутыми ногами. Бойник поворачивал голову лошади «горлом на полдень», и, после предварительной молитвы, перерезал шею, практически отделяя голову от туловища [Бахтияров, 1905: 136—137].

Редкий способ забоя лошади зафиксирован у некоторых групп северных алтайцев. Выбранное для жертвоприношения животное помещали в клетку из жердей, в которой лошадь не могла развернуться. Каждый из присутствовавших мужчин наносил колющий удар ножом в грудь лошади, пока та не падала на землю. Кровь собирали в особые сосуды, для того, чтобы использовать в последующих ритуалах [Хильден, 2000: 86; Бельгибаев, 2004: 134].

Все перечисленные способы забоя лошади имеют разное социокультурное значение, но в данном случае нас интересует то общее, что у них есть. Итак, лошадь забивали, как правило, не в одиночку; животное предварительно обездвигивали, чаще всего с помощью верёвок; забой мог быть разделён на две последовательные фазы — оглушение и обескровливание; особое зна-

чение придавалось манипуляциям с кровью убитого животного. Как мы видим, все главные черты забоя лошади оказываются нереализуемыми в обстановке боя. Жёсткое ограничение по времени не оставляет возможности для последовательного выполнения этапов «мирного» обряда. Складывается впечатление, что фраза А.А. Бестужева-Марлинского «вонзая кинжалы в ребра коней своих» является не только художественной формулой. Для проверки этого предположения обратимся к охотничьей практике.

Териомахия: достойный противник. И.А. Гильденштедт, побывавший в Грузии в 1771 г., приобрёл в селе Садахло (расположенном на юге нынешней Грузии, практически на границе с Арменией) шкуру леопарда, который напал на двух юношей и сильно их покусал. Молодые люди закололи леопарда кинжалами [Гильденштедт, 2002: 103]. Очевидно, что сходиться в рукопашную с сильным и опасным хищником крайне рискованно; кинжал в сражении с крупным зверем применяли либо тогда, когда схватка была неожиданной, и другого оружия под рукой просто не было, либо в качестве дополнительного оружия. Б.А. Карпов, охотившийся в разливах Сыр-Дарьи на рубеже 40-х и 50-х гг. XIX в., упоминает о манере подвешивать кинжал к правой кисти на темляке при стрельбе тигра — в том случае, если выстрел не останавливал хищника, времени доставать кинжал из ножен не было. Согласно воспоминаниям автора, в одном случае раненого тигра добились выстрелом в упор в переднюю лопатку и одновременным ударом кинжала: «в тот же момент мой кинжал вошел в грудь между ребрами по самую рукоятку». В другом случае во время преследования раненого зверя, тигр стремительно, не дав сделать прицельный выстрел, напал на ближайшего охотника и подмял его под себя. Дело закончилось благополучно исключительно благодаря удаче: «Во время падения тигр перевернулся к ногам Мантыка, который, имея, таким образом, руки свободными, схватил висевший на руке кинжал, запустил его в брюхо тигра, распорол его нараспашку и затем быстро ударил около лопатки» [Верненский гражданин, 1880а: 80—81; Верненский гражданин, 1880в: 87, 89]. Надо отметить, что охота на тигра в густом тростнике относилась к разряду экстремальных, убитые и покалеченные среди охотников не были редкостью, а столь высокую эффективность кинжал продемонстрировал

в руках поистине выдающегося охотника, позднее также погибшего в схватке с тигром.

Ещё одним животным, традиционно считавшимся почётной добычей в воинских культурах, был дикий кабан. Б.А. Карпов так описывает последствия агрессивных действий крупного кабана⁵: он ранил подвернувшуюся корову, небольшому бычку распорол брюхо, во время облавы атаковал лошадь одного из охотников, «одним взмахом клыков» разрезав ей до кости заднюю ногу повыше колена: «нога моталась как подвешенное полено, кровь лилась неудержимо». Всадник упал, лошадь прожила ещё какое-то время, но спасти её не удалось [Верненский гражданин, 1880б: 86, 87, 89]. Ясно, что схватка с таким зверем требуют изрядного мужества и сноровки. А.А. Черкасов, автор известной книги «Записки охотника Восточной Сибири», написанной по опыту охот 50-х — 60-х гг. XIX в., рассказывает о доборе диких свиней из-под собак следующее: тот из зверопромышленников, кто «половчее и посмелее, проворно подбегает сзади, садится верхом на зверя и прикалывает под лопатку ножом». Впрочем, с секачами «эту штуку» проделывают лишь «некоторые смельчаки»: слишком опасно. Секачей Черкасов рекомендует стрелять, оговариваясь, что стрелять в то время, когда собаки держат зверя и не дают ему хода, трудно — легко задеть собаку [Черкасов, 1867: 604]. Б.А. Карпов упоминает два случая применения кинжала на кабаньей охоте. В первом кабана, раненного несколько раз из огнестрельного оружия, удалось повалить на бок, после чего «кинжал по рукоятку вошёл к нему в рёбра, около передней лопатки». Во втором случае опять-таки раненого кабана двое охотников удерживали на боку, один из них контролировал голову зверя, а второй «запустил кинжал в горло и перерезал его вместе с жилами» [Верненский гражданин, 1880б: 84, 94].

Териомахия: пространство и время. Сравнивая сведения об охоте⁶ на опасных зверей с данными по забою домашних животных, можно сказать

⁵ Туша этого кабана без внутренностей весила 191,2 кг [Верненский гражданин, 1880б: 96].

⁶ Здесь и далее под термином “охота” понимается не любая охота, но именно звероборчество — тип охоты, наиболее близкий воинским практикам.

следующее. Пространство и время териомахии организовано принципиально иначе, чем пространство и время мирного жертвоприношения. Разница эта становится очевидной именно тогда, когда мы как бы «располагаем рядом» два хронотопа. Пространство обряда подлежит оформлению в соответствии с вышеустановленными правилами; пространство охоты для воина есть в некотором смысле область неизвестного, вызов и испытание. Охотник не строит клетку из жердей, куда за недоуздок приведут жертву. Попытки как-то оформить пространство охоты с помощью заранее организованной инфраструктуры очевидным образом затемняют героическое начало в охоте, обесмысливают териомахию⁷.

Перемещения участников охоты во время борьбы со зверем ничем не напоминают упорядоченные действия участников ритуального забоя домашних животных. Клубок из псов, насевших на кабана, откуда вылетают «как перестриженные рукавицы», по выражению А.А. Черкасова, собаки, хаотически перемещающийся по вытопанной поляне, не может быть регламентирован, но предлагает охотнику возможность самому броситься в этот хаос и стать его полноправным участником.

Время охоты характеризуется особой динамикой. Если время мирного обряда упорядочено, как бы растянуто и разделено на отдельные фазы, то время собственно звероборчества сжато и сконцентрировано. Дискретность и последовательность обрядового действия гарантирует определённый результат, но уплотнённое время битвы ничего не гарантирует — оно лишь дарует возможность. Отсюда чрезвычайно высокие требования к герою, сражающемуся со зверем: он должен уловить возможность, отыскать ту единственную точку пространства-времени, где и когда удар кинжалом разрешит и завершит ситуацию.

Тактическая ситуация териомахии диктует определённые технические действия. Если в забое домашнего скота обездвиживание осуществляется с помощью верёвок и носит в целом статический характер, то на охоте контроль над зверем имеет характер ситуативный и динамический. Ранение ог-

⁷ Полагаю, что периодически высказываемые мнения о том, что «настоящей» охотой не может считаться, например, стрельба по зверю с вышки на овсах, имеют некоторое отношение к рассматриваемым сюжетам.

раничивает зверя, но делает его более опасным; охотник может отвлечь внимание зверя и тем самым дать возможность остальным участникам охоты произвести результативный выстрел, но он сам при этом сильно рискует; собаки могут сдерживать крупного зверя, но не гарантируют безопасности подошедшему охотнику. Динамический контроль над животным может быть описан как пиковая точка, которой предшествует нарастание и за которой следует понижение тенденции. «Моментальный» характер контроля требует краткого действия, в котором как бы совмещаются функции обездвиживания и умерщвления. Этому требованию, судя по приведённым данным, наилучшим образом соответствует колющий удар в область груди, нацеленный в сердце. Соответственно, формульные выражения «вонзить в ребра», «ударить в грудь», «воткнуть под лопатку», «по самую рукоятку» и проч. представляются совершенно неслучайными.

Ещё один момент, заслуживающий упоминания, заключается в том, что колющий удар в грудную клетку имеет повышенную надёжность. Действительно, если вся ситуация сводится в уникальную точку, оказывается как бы «подвешенной на один гвоздь», то этот гвоздь должен быть крепко вбит. Клинок, вогнанный между рёбер по рукоятку, даже если не задевает сердце, с высокой степенью вероятности поражает лёгкие, что резко снижает возможность зверя двигаться. Это та самая надёжность «с запасом», которая в ситуации поединка двух героев может восприниматься как избыточная эффективность, самый простой способ решить дело, не оставляющий места для раскрытия героического этоса.

Териомахия: неравенство позиций. В повести Н.Н. Толстого «Пластун», написанной, по мнению публикатора, в период 1853—58 гг., главный герой произносит следующую фразу: «Ни одного человека я не убил безоружного или врасплох, как зверя, не окликнув его. Я всегда был честный человек!» [Толстой, 1926: 163.] Здесь сформулированы две важные для нашей темы идеи. Во-первых, позиция честного человека предполагает, что нападение на другого человека возможно только при условии, что тот вооружён и готов к противостоянию. Во-вторых, позиция честного человека допускает нападение на зверя врасплох. По сути дела, речь идёт о том, что сражение с

человеком мыслится в форме поединка равных сторон, а сражение со зверем мыслится столкновением двух принципиально не равных участников.

Действительно, отказ от преимущества синонимичен утверждению равенства. Но в отношении зверя от преимуществ никто не отказывается. Дело в том, что зверь (а мы говорим о звере, достойном вооружённой борьбы) по определению сильнее человека. Стоит только представить себе двухсоткилограммового секача или тигра, готового к атаке, и вопрос о равенстве моментально превратится в неуместную абстракцию. Исходя из неравенства сторон в борьбе со зверем не только возможно, но и необходимо задействовать команду охотников, использовать зверей-помощников — собак и лошадей, применить эффективное оружие и, да, напасть неожиданно.

Можно сказать, что мы имеем дело с двумя различными концепциями борьбы или войны: одна из них находит своё точное выражение в териоматии, другая — в единоборстве равных. Интересно, что концепция героического поединка утверждает себя через отрицание «охотничьих» этических норм, что вносит в их отношения оттенок стадийности. В.И. Абаев в специальной статье обратил внимание на то, что в осетинском варианте нартского эпоса есть герои, которые охотно прибегают к «хитрости», а есть герои, которые полагаются только на «силу», при этом, с точки зрения идеологии «силы», хитрость и уловки выглядят недостойно. В целом этот конфликт В.И. Абаев связывает с историческим развитием и с переходом социального доминирования от слоя людей, обеспечивавших религиозно-жреческую жизнь общества, к тем людям, которые отвечали за военное благополучие коллектива [Абаев, 1994: 14, 15, 18]. Обозначив некоторую конфликтность в отношениях двух концепций борьбы, сосредоточимся на культурном статусе колющего удара кинжалом.

Со слабой позиции: пеший против всадника. Ф.Ф. Торнау в своих воспоминаниях об экспедиции в Чечню в 1832 г. приводит следующий эпизод: «Наши конные грузины и татары, посланные вперед отряда, изрубили десятка два пеших молодцов, не успевших уйти с поляны в лес. При этом случае один из них, видя, что ему нет спасения, ухватился за пояс наскакавшего на него татарина и ударил его кинжалом в бок с силой, прогнавшею сквозь тело

широкое лезвие; в то же мгновение сабля татарина опустилась чеченцу на голову, и оба покатались мертвые на траву» [Торнау, 1869б: 139—140]. В реалиях Кавказа XIX в. всадник имел неоспоримое преимущество перед пешим, в первую очередь в динамике перемещений и массе. Кроме исходной более сильной позиции верховой в данном случае имел ещё и ситуативное преимущество: чеченскому воину «не было спасения». Очевидно, что атаковать всадника с земли кинжалом, в преддверии неизбежной гибели, как минимум, сложно. Тем не менее, невыгодная позиция была реализована с максимально возможным эффектом, и центральное место в этой реализации занял колющий удар.

У М.Ю. Лермонтова в романе «Герой нашего времени», написанном в 1838—40 гг., есть в чём-то схожая сцена: «...старик возвращался из напрасных поисков за дочерью; уздени его отстали, — это было в сумерки, — он ехал задумчиво шагом, как вдруг Казбич, будто кошка, нырнул из-за куста, прыг сзади его на лошадь, ударом кинжала свалил его наземь, схватил поводья — и был таков...» [Лермонтов, 1970: 600]. Сравнение с фрагментом воспоминаний Ф.Ф. Торнау наводит на мысль, что М.Ю. Лермонтов имел в виду именно колющий удар. Дополнительным аргументом послужит эпизод из повести Н.Н. Толстого: «Он не успел опомниться, как мы окружили его... Нурай заговорил с ним на их языке. Тот обернулся назад. Нурай воспользовался этой минутой и, вынув кинжал, ударил его так сильно в бок, что тот упал с лошади; кинжал остался в ране» [Толстой, 1926: 131]. В данном случае все участники сцены — всадники, но задача «свалить всадника наземь» здесь однозначно решена колющим ударом кинжала.

Со слабой позиции: женщина против мужчины. С точки зрения соотношения колющего и рубящего ударов кинжалом, чрезвычайно показательна история, случившаяся в Тифлисе в 1803 г. По приказу главноуправляющего Грузией и главнокомандующего кавказскими войсками князя Цицианова генерал-майор Лазарев предпринимал меры по депортации семьи покойного царя Грузии Георгия XII в Россию. Вдовствующая царица Мария всячески препятствовала действиям Лазарева, поскольку согласие с ними означало добровольный отказ от независимого статуса. В конце концов, при угрозе

физического насилия, Мария была вынуждена прибегнуть к крайним мерам. Угрожая кинжалами, вдовствующая царица и окружавшая её свита заставили отступить русских офицеров. Генерал-майор Лазарев взял инициативу на себя, вошёл в комнату царицы и попытался с ней договориться. «Царица, увидя ген. Лазарева, сказала: «Как вы немилосердно со мной поступаете! Посмотрите, как я больна. Какой у меня жар?» И при этом она подала ему левую свою руку. Но лишь только взял он её за руку, как правой ударила она его в бок кинжалом, повернула кинжал и в то же мгновение выдернула из тела. Говорят, якобы она за несколько дней пред тем брала уроки у одного известного лезгинского разбойника, оставившего свой промысел, как действовать сим оружием» [Тучков, 1908: 203]. Мария зафиксировала положение противника с помощью обмана, а не силы и нанесла колющий удар в корпус. Лазарев умер на месте. Действия в соответствии со «слабой позицией» оказались весьма эффективными.

Для сравнения упомянем, что дочь царицы Марии царевна Тамара, молодая девушка 17 лет, попыталась нанести одному из противников рубящий удар «большим грузинским кинжалом», но промахнулась и рассекла своей матери правое плечо до самой кости [Тучков, 1908: 203; Дубровин, 1886: 70]. Мы видим попытку продемонстрировать доблесть как бы «с сильной позиции», что без должной квалификации закономерно привело к негативному результату.

Интерес в этом описании вызывают также слухи об уроках, которые якобы брала царица. Если это сообщение правдиво, то за несколько дней весьма чувствительная и «притом слабого здоровья» женщина должна была научиться эффективно применять кинжал против заведомо более сильного мужчины. Как видно, колющий удар хорошо сочетается с действиями относительно слабого противника и с «нечестными» уловками вроде притворной болезни. Характерно и то, что обучением Марии занимался «известный разбойник», да к тому же лезгин, а не какой-нибудь родственник царицы из грузинских аристократов. Косвенное присутствие в этой истории разбойника-лезгина (даже в том случае, если этот образ породила молва) подчёркивает

тот факт, что действия царицы Марии выходят за рамки нормативной модели героического поединка.

Суммируя, можно сказать, что наиболее очевидно колющий удар демонстрирует свои сильные стороны в ситуации противостояния заведомо сильнейшему противнику. В этих условиях колющий удар даёт шанс резко изменить баланс сил, однако ни в коем случае не избавляет от риска. Убийство генералов Лисаневича и Грекова Учар-Ходжой, покушение на капитана Левашова со стороны князя Хамурзина, а также нападение неизвестного мюрида на майора Ермолова, — все эти атаки колющим ударом кинжала произведены со «слабой» позиции. Все нападавшие оплатили свои действия головами. На общем фоне случай вдовствующей царицы Марии выглядит исключением из правил. Очевидно, что атака «со слабой позиции» требует не меньшего мужества, чем героический поединок «на равных».

Колоть и рубить

Исследование, казалось бы, частного вопроса о соотношении колющего и рубящего ударов кинжалом обнажает довольно глубокие культурные слои. Мы имеем возможность увидеть «стратиграфию» представлений о героическом во многом благодаря тому, что кинжал оказывается тесно связанным с ключевыми культурными смыслами.

В схватке кинжал применялся на ближней дистанции, что придавало ему качества «последней линии обороны», превращало его в тонкую грань, которая одновременно отделяла воина от смерти и сближала с ней. Так, черкесские абреки, видя, что спасение невозможно, встречали смерть с кинжалом в руках, «зная, что с этим оружием их нельзя схватить живыми» [Торнау, 1864: 459]. Выход на ближнюю дистанцию предполагает стремительное сближение, которое, по сути дела, превращает в оружие самого воина, всё его тело. Такой атаке соответствует психологическое состояние, в котором не должно быть места страху, ибо страх разрушает целостность действия и делает его неэффективным. Именно кинжал оказывается наиболее подходящим оружием для реализации неустранимости и готовности к самопожертвованию.

Разные аспекты применения кинжала актуализируют различные слои представлений о героике. Основной вывод статьи заключается в том, что рубящий удар в большей степени соответствует единоборству равных противников, а колющий - борьбе противников не равных друг другу по силам. Два типа противоборства в чём-то различны и даже противопоставлены друг другу, но в целом можно сказать, что перед нами два способа реализации героического начала в культуре.

Библиографический список:

1. Абаев, 1994 — *Абаев В. И.* Шаман сильнее воина // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сборник статей памяти Сергея Александровича Токарева / Сост. В. Я. Петрухин. М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН. С. 11—19.
2. Акты, 1884 — Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею / Под ред. председателя комиссии д. с. с. Ад. Берже. Тифлис. Т. IX.
3. Алироев, 1990 — *Алироев И. Ю.* Язык, история и культура вайнахов. Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение “Книга”.
4. Анисимов, 1888 — *Анисимов И. Ш.* Кавказские еврей-горцы. Отдельный оттиск из “Сборника материалов по этнографии”, издаваемого при Дашковском этнографическом музее. Москва, Типография Е. Г. Потапова.
5. Аствацатурян, 1995 — *Аствацатурян Э. [Г.]* Оружие народов Кавказа. М.: Хоббикнига.
6. Бахтияров, 1905 — *Бахтияров А.* Разные способы убоя животных // Вегетарианский вестник. СПб. № 3. Стлб. 129—138.
7. Бгажноков, 2013 — *Бгажноков Б. Х.* Поединки в традициях феодальной Черкесии // Археология и этнология Северного Кавказа. Выпуск 2. Сборник научных трудов к 75-летию Исмаила Магомедовича Чеченова. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ. С. 86—94.

8. Бельгибаев, 2004 — *Бельгибаев Е. А.* Обряд жертвоприношения лошади и его место в традиционной культуре северных алтайцев // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Отв. ред. К. Н. Тихомиров, Н. А. Томилов. Алматы; Омск: Издательский дом “Наука”. С. 133—134.
9. Бестужев-Марлинский, 1995 — *Бестужев-Марлинский А. А.* Аммалат-бек. Кавказская быль // Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести / Составление, статья, комментарии Ф. З. Канунова. СПб.: Наука. С. 5—93.
10. Бларамберг, 1999 — *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Перевод с французского, предисловие, комментарии И. М. Назаровой. — Нальчик: Эль-Фа.
11. Блэкмор, 2006 — *Блэкмор Говард Л.* Охотничье оружие. От Средних веков до двадцатого столетия / Пер. с англ. С. Фёдорова. М.: ЗАО Центрполиграф.
12. Ботяков, 2004 — *Ботяков Ю. М.* Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. СПб.: Петербургское Востоковедение.
13. Броневский, 1889 — *Броневский С. Б.* Записки из моей жизни // Исторический вестник. Т. 38, № 12. С. 500—512.
14. Верненский гражданин, 1880а — *Верненский гражданин* [Б. А. Карпов]. Мантык — истребитель тигров. Из воспоминаний об охоте на Сыр-Дарье // Природа и Охота. Т. IV. № 10. С. 65—83.
15. Верненский гражданин, 1880б — *Верненский гражданин* [Б. А. Карпов]. Мантык — истребитель тигров. Из воспоминаний об охоте на Сыр-Дарье // Природа и Охота. Т. IV. № 11. С. 81—96.
16. Верненский гражданин, 1880в — *Верненский гражданин* [Б. А. Карпов]. Мантык — истребитель тигров. Из воспоминаний об охоте на Сыр-Дарье // Природа и Охота. Т. IV. № 12. Пагинация I, с. 80—102.
17. Возба, 1991 — *Возба А. [Б.]* Хаджарат Кяхба / Перевод с абхазского Юрия Лакербая. М.: Советский писатель.

18. Военная энциклопедия, 1912 — Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. фон Шварца, В. А. Апушкина, Г. К. фон Шульца. Т. IX. СПб.: Товарищество И. Д. Сытина.
19. Гадло, 1994 — *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
20. Гамсахурдиа, 1964 — *Гамсахурдиа К.* [С.] Похищение луны. Тбилиси: Литература да хеловнеба.
21. Гильденштедт, 2002 — *Гильденштедт И. А.* Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. / Пер. с нем. Т. К. Шафрановской; Редакция и коммент. Ю. Ю. Карпова. СПб.: Петербургское Востоковедение.
22. Горелик, 1993 — *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). М.: Наука. Издательская фирма “Восточная литература”.
23. Даржа, 2003 — *Даржа В.* [К.] Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников / Отв. редактор к. и. н., проф. Г. Н. Курбатский. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН.
24. Дашинимаяев, 2005 — *Дашинимаяев В. Д.* Традиционные способы ухода за скотом и забоя животных у бурят // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Шестых Сибирских чтений, Санкт-Петербург, 27—29 октября 2004 г. СПб.: МАЭ РАН. С. 194—199.
25. Дубровин, 1871 — *Дубровин Н.* [Ф.] История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I, кн. I. СПб.
26. Дубровин, 1886 — *Дубровин Н.* [Ф.] История войны и владычества русских на Кавказе. Т. IV. СПб.: Типография И. Н. Скороходова.
27. Дубровин, 1888 — *Дубровин Н.* [Ф.] История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб.: Типография И. Н. Скороходова.
28. Дюма, 1988 — *Дюма А.* Кавказ / Пер. с фр.; Перевод недостающих частей, вступительная статья, послесловие, примечания, комментарии и подбор иллюстраций М. И. Буянова. Тбилиси: Мерани.
29. Зиссерман, 1879а — *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867). Часть I. 1842—1851. СПб.: Типография А. С. Суворина.

30. Зиссерман, 1879б — *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867). Часть II. 1851—1856. СПб.: Типография А. С. Суворина.
31. Кабардинский фольклор, 1936 — Кабардинский фольклор / Общая ред. Г. И. Бройдо. Вступительная статья, комментарий и словарь М. Е. Талпа. М.; Л.
32. Лермонтов, 1970 — *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени // Сочинения в двух томах. Т. II. М.: Художественная литература. С. 580—720.
33. Марзей, 2000 — *Марзей А. С.* Черкесское наездничество — “ЗекIуэ”. (Из истории военного быта черкесов в XVIII — первой половине XIX века.) М.
34. Мафедзев, 1986 — *Мафедзев С. Х.* О народных играх адыгов (XIX — начало XX в.). Нальчик: Эльбрус.
35. Пирогов, 1849 — *Пирогов Н [И.]* Отчёт о путешествии по Кавказу. СПб.: Типография Эдуарда Праца.
36. Потто, 1885 — *Потто В. [А.]* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Ермоловское время. Вып. 1. СПб.: Типография Р. Голике.
37. Толстой, 1926 — Толстой Н. Н. Пластун. (Из воспоминаний пленного) / Публикация и вступительная статья А. [Е.] Грузинского // Красная новь. Литературно-художественный и научно-публицистический журнал. № 7. С. 125—163.
38. Торнау, 1864 — *Т. [Торнау Ф. Ф.]* Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. Т. 53. № 10 С. 391—459.
39. Торнау, 1869а — *Т. [Торнау Ф. Ф.]*. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. Т. 79. № 2. С. 401—443.
40. Торнау, 1869б — *Т. [Торнау Ф. Ф.]*. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. Т. 80. № 3. С. 102—155.
41. Тучков, 1908 — *Тучков С. А.* Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766—1808 / Под редакцией и со вступительной статьёю К. А. Военского. СПб.

42. Хан-Гирей, 1989 — *Хан-Гирей*. Черкесские предания // Хан-Гирей. Черкесские предания. Избранные произведения / Вступительная статья, составление и общая редакция Р. Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус. С. 52—150.
43. Хильден, 2000 — *Хильден К.* О шаманизме на Алтае, в частности среди татар-лебединцев // Челканцы в исследованиях и материалах XX века / Отв. ред. Д. А. Функ. М.: Издание ИАЭ РАН. С. 74—113.
44. Черкасов, 1867 — *Черкасов А.* [А.] Записки охотника Восточной Сибири (1856—1863). СПб.: Издание С. С. Звонарева.
45. Чурсин, 1957 — *Чурсин Г. Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми.
46. Чурсин, 1913 — *Чурсин Г. Ф.* Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис.
47. Шереметьев, 2006 — *Шереметьев Д. А.* Колоть или рубить? Способы применения кинжала у народов Кавказа в XIX веке в контексте представлений о сакральном // Чтения по военной истории: Сборник статей. СПб. С. 181—190.
48. Элашвили, 1956 — *Элашвили В. И.* Парикаоба (хевсурское фехтование). Тбилиси: Грузмедгиз.

АЛЕКСЕЙ КУРОЧКИН

**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНДИЙСКИХ ТЕРМИНОВ
ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ ВИДОВ ОРУЖИЯ**

Статья посвящена вопросам использования индийских слов в качестве обозначения названий видов холодного оружия. Устоявшаяся в настоящее время терминология не подвергается сомнению и воспринимается как действительные аутентичные названия предметов, хотя все данные были получены в основном коллекционерами оружия от продавцов оружия в Индии. В статье показывается, что в большинстве случаев эти термины являются словами на различных языках Индии, производными от понятий «резать», «раскалывать», «повреждать», и применялись произвольно к самым разным видам холодного оружия не в качестве обозначений для его идентификации, а в качестве описаний действий этим оружием. Также в статье показывается тесная взаимосвязь между обозначениями видов оружия и названий воинских искусств, в которых такое оружие применялось.

Ключевые слова: *оружие Индии, оружие моголов, этническое оружие, боевые искусства*

В Европе с конца XVIII и до начала XX-го веков мода на все восточное находит свое отражение в архитектуре, литературе, театре и даже повседневной одежде. Комнаты, оформленные в «восточном стиле» становятся частыми не только во дворцах или особняках знати, но в квартирах среднего сословия по всей Европе. Естественно, что такой спрос полностью удовлетворялся. Еще в начале XX-го века на рынках в Индии предлагалось в качестве сувениров огромное количество оружия (Рис. 1). Князь Алексей Дмитриевич Сал-

Рис. 1.

нии, свойствах и происхождении вида оружия, зависело от знаний продавца этого оружия. Также сообщаемые сведения должны были различаться в зависимости от места покупки и языка, на котором разговаривал продавец. Таким образом, в основу систематизации индийского оружия была положена классификация по месту приобретения предмета и определение этого предмета термином, который на самом деле являлся в большинстве случаев родовым понятием для обозначения этого вида оружия на местном языке.

В настоящее время установить реальные факты, касающиеся происхождения, назначения и названия видов индийского оружия, представляется возможным только на основании отрывочных сведений из первоисточников, в качестве которых могут быть рассмотрены исключительно жизнеописания и дневники современников, такие как, например, воспоминания Бабура или Джахангира. Но в любом случае, при использовании сложившейся и уже устоявшейся классификации, необходимо понимать ее относительность и условность.

С учетом вышеизложенного, представляется интересной попытка обзора индийского оружия с точки зрения его использования - традиционных систем

тыков, путешествовавший по Индии в 40-х гг. XX-го века отмечал разнообразие оружия, предлагавшегося иностранцам на рынках вместе «с вещицами из слоновой кости» и «различные безделки и картины».

Безусловно, оружие, которое в XIX-XX веках продавалось в Индии на рынках, было типологически схожим с реальным оружием, хотя и производилось в качестве сувениров и предметов декоративно-прикладного искусства. Соответственно качество информации, которую получал покупатель о назва-

обучения навыкам владения оружием, в которых как в любых замкнутых специализированных системах информация могла сохраняться дольше и являться более точной.

Из двух независимых источников известны описания традиционных воинских практик в мусульманском Лакхнау, которые прекратили свое существование к концу XIX века. Первый источник — это описание историком и писателем Абдул Халим Шараром (Abdul Halim Sharar, 1860-1926), культуры Лакхнау на стыке XIX и XX веков[1]. Второй источник – произведения также жившего в Лакхнау поэта Мир Замир (Mir Zamir, 1791-1855), специализировавшегося на описаниях батальных сцен и воинских подвигов[2]. При использовании этих источников необходимо учитывать, что указанные авторы были далеки как от оружиеведения, так и от воинских практик, и составляли свои описания с чужих слов. Но с учетом современных знаний об оружии Индии, с известной долей осторожности, можно дать трактовку описываемых этими авторами видов реально использовавшегося оружия. Прежде необходимо пояснить, что использование Шараром определения «арабский» обозначает «арабскую культуру, пришедшую из Персии» [3]. Учитывая моду на все персидское, существовавшую в Индии с момента образования на ее территории первых мусульманских государств, речь может идти как о действительно арабских или персидских явлениях, так и о просто новых, модных вещах с подчеркнуто аристократическим статусом. Также среди всех распространенных в Индии языков при анализе указанных источников, имеющих отношение к культуре Лакхнау, предпочтение нужно отдавать языку урду.

Описано искусство поединка на ножах, которое называлось «банк». Это искусство практиковалось и индусами, и мусульманами с давних времен, но виды использовавшегося оружия были разные. Индийский кинжал был прямым и обоюдоострым, а «арабский» – изогнутым однолезвийным. Позднее стал использоваться изогнутый кинжал, имеющий четырехгранный клинок, который оставлял клеверообразные, плохо заживающие раны. Само слово «банк» означает «изогнутый» и указывает на изогнутую форму клинка. Здесь необходимо пояснить, что в соответствии с многочисленными описаниями, оставленными британцами, а также в соответствии с анализом сохранивших-

ся практик, индийская техника использования холодного клинкового оружия отличалась от европейской. В частности, рука никогда не разгибалась до конца в локте, вследствие чего удары наносились по круговой траектории. В случае кинжала это означало не проникающие, а секуще-режущие, «разрывающие» тело удары, наносимые по принципу действия когтя животного, что хорошо укладывалось в мировоззрение индийцев, соотносясь с образом тигра. Таким ударам необязательно было быть смертельными. В реальных воинских искусствах наносимый удар, как правило, не предназначался как единственный, если только он не был завершающим в череде последовательных действий. В первую очередь всегда атаквались конечности, и противник лишался возможности к сопротивлению, после чего уже мог наноситься завершающий смертельный удар. Такая техника применялась в воинских искусствах даже в случае использования кинжала тычкового типа с Н-образной рукояткой «джамадхар», для чего он удерживался сложным хватом в месте пересечения поперечной рукояти с боковой планкой, образуя необходимый угол наклона клинка по отношению к предплечью. Но наиболее удобной данная техника была в случае использования изогнутых кинжалов, удерживаемых обратном хватом острием вниз.

Относительно указанного первым «арабского» однолезвийного кинжала можно допустить два предположения. Первое из них, - что это была однолезвийная джамбия. Примеры таких кинжалов известны и описаны Стоуном как индо-персидская форма с прямой верхней частью клинка, однолезвийным клинком, с широким Т-образным обухом и изогнутой нижней двулезвийной частью[4]. Второе предположение отсылает к предмету, который вызывает много споров своим внешним видом и своим назначением. Речь идет о «ноже маратхов» серповидной формы с односторонней заточкой, известным в настоящее время как «банк». Необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Нет никаких оснований считать этот предмет исключительно маратхским. Название этого ножа «банк» - изогнутый – идентично названию искусства поединка на ножах и является словом из языка урду[5]. Гораздо больший интерес представляет следующий момент. Уже указанная выше техника разрывающих ударов использовалась при удержании кинжала обрат-

ным хватом, клинком вниз, что позволяло получать необходимый угол наклона клинка в случае прямых кинжалов и особенно для изогнутых. Если же пытаться применять аналогичную технику, используя предмет, удерживаемый прямым хватом, то единственной приемлемой формой будет форма крюка или серпа. При этом односторонней заточки такого предмета будет вполне достаточно. Вероятно, что именно изогнутые кинжалы (или ножи) дали название искусству боя, в котором они применялись, а затем этим словом стало называться и само используемое оружие, независимо от его конкретного вида. Интересно отметить, что лорд Эгертон дважды приводит изображение типичных индийских изогнутых кинжалов (не серпообразных), называя их «банк» [6].

Относительно указанного вторым «арабского» четырехгранного кинжала, в отношении которого Шарар употребил название «джанбиях», можно предположить только использование предметов, конструктивно схожих с кинжалами, определяемыми на сегодняшний день как «османские» (Рис. 2).

То, что кинжал по факту является османским, но описывается как арабский, согласуется с тем, что любые культурные явления, связанные с мусульманским миром и пришедшие с запада, воспринимались в

Рис. 2

Индии как «арабские». Аналогичный по форме предмет описывается как кинжал Мамлюкской Императорской Гвардии Наполеона[7].

Использувавшийся индийцами прямой двулезвийный кинжал с высокой степенью вероятности являлся кинжалом, описанным в Аин-и-Акбари как «катар». Интересно, что в сохранившихся до настоящего времени индийских аутентичных школах боевых искусств также используются прямые кинжалы.

Вообще, слово «катар» являлось общим термином для обозначения кинжалов и происходило от корня «кат» - «резать» или «ранить». Иногда под этим названием авторы описывают прямое «стилетообразное» оружие[8] или предметы, похожие на дирк (шотландский кинжал) [9] (Рис. 3). Относительно этого предмета интересно отметить, что лорд Эгертон указывал в качестве

Рис. 3.

места происхождения этого вида оружия Непал. Действительно, количество старых индийских катаров, происходящих из Непала необъяснимо велико. До сих пор стены храма во дворце Киртипуре украшены целыми композициями из этих кинжалов. Вероятным объяснением будет являться следующее. По окончании восстания аскетов (факиров и саньясинов) в Бихаре и Бенгалии, их отряды ушли в Непал, который использовался аскетами как тыловая база во время восстания, где они укрывались от преследования и пополняли силы. Восстание удалось окончательно подавить, только когда британская администрация договорилась с правителями Непала

(и Бутана) о запрете пребывания на их территории вооруженных монахов[10]. В результате чего монахи осели на территории Непала и, со временем, в частности, саньясины даже стали восприниматься как отдельная каста. Непал издавна был опорным пунктом аскетов и они принимали активное участие в его военно-политической жизни[11]. На территории Непала многие храмы находились под управлением аскетов. Традиция аскетов украшать свои храмы оружием известна и на территории Индии[12].

Относительно тычкового кинжала с перпендикулярно расположенной Н-образной рукояткой, известного как «джамдхар», нужно обратить внимание на следующее. Существующий в настоящее время в оружейведении популярный спор о правильном названии этого предмета - катар или джамадхар - безоснователен. На всем протяжении известной истории использовались оба эти названия. Из самых ранних упоминаний известны следующие. Ибн Бутута в 1343 году в Делийском султанате называл этот предмет «каттарах» [13], а Бабур в 1526 году различал три вида кинжалов: «ханжар», «китарех» и «джамдхер» [14].

В 1897 году Брамли П., заместитель генерального инспектора Северо-Западных провинций и Авадха, прочитал лекцию офицерам 5-го Драгунского полка в Мератхе об индийском фехтовании[15]. Им также были презентова-

ны некоторые образцы холодного оружия, которые использовались индийцами. Брамли описывает искусство фехтования с кинжалами, называя это искусство как «бичва». И демонстрирует соответствующий кинжал «бичва», не упоминая о каких-либо конструктивных особенностях. Полковник Баден-Пауэлл также описывает кинжал «бичва» как обычный кинжал, имеющий клинок с двойным изгибом и гарду как у меча, имея в виду дополнительную защиту кисти, в виде дуги, соединяющей крестовину с навершием рукояти[16]. Этимологию названия кинжала «бичва» обычно возводят к сравнению его формы с жалом скорпиона, предполагая происхождение этого вида оружия от кинжалов из цельного рога, в котором прорезалось сквозное отверстие для руки. Возможны сомнения в такой трактовке, учитывая насколько относительно рог похож на жало скорпиона, а также на отличия в произношении и написании слова «бичва» в случае обозначения скорпиона и вида кинжала. Скорее, нужно обратить внимание, что оба этих слова происходят от одного и того же термина, означающего «повреждать» или «ранить»[17]. Следует предположить, что «бичва» - это региональное название кинжала с защитной дужкой. Интересно отметить, что именно этим термином лорд Эгертон обозначает обычный индийский кинжал с двойным изгибом и защитной дужкой, называемый им в других случаях «ханджар» или «чиланум» [18]. Ранее это считалось его ошибкой. В свете вышеизложенного, к такому кинжалу применимо любое из указанных названий.

Известен один из основных видов подготовки в мусульманских воинских практиках – «пата кхилана». Если второе слово обозначает просто «двигаться» или «упражняться», то в однозначном толковании первого слова имеются обоснованные сомнения. Общепринятое и устоявшееся значение этого слова принимается как название меча с латной рукавицей и, почему-то, трактуется как «лист» травы или растения или «клинок меча». Существующие описания практики «пата кхилана», сделанные Шараром по обрывочным воспоминаниям и свидетельствам, представляют собой смесь из упражнений с деревянным посохом, упражнений с неким «деревянным мечом» и упражнений непосредственно с железным мечом пата. Но наиболее часто упоминаемое название – именно «деревянный меч». При этом «деревянный меч» для обычного фехто-

вания может быть из рассмотрения исключен, так как такой предмет хорошо известен и многократно описан под конкретными названиями как отдельный вид учебного оружия в индийских практиках. Практики с таким предметом описаны Шараром отдельно, и к тому же с ним невозможно совершать действия, приписываемые искусству «пата кхилана». Также слово «пата» для обозначения оружия встречается в Тарикх-и-Хусаин Шахи (Дуррани-наме) – истории династии Дуррани, создаваемой Имам уд-Дин Хусайни Чишти на протяжении многих лет и законченной в 1798 году. Он упоминает, что маратхи в битве при Панипате в 1761 году имели отряд из нескольких тысяч «патабаз», и это слово на языке деккани означало именно воинов, вооруженных мечами или «умелых» воинов[19]. Если бы эти воины были вооружены обычными мечами, то речь на языке деккани, скорее всего, шла бы о шамширах или саифах. Также существует упоминание Джахангиром в его мемуарах о занятиях искусством меча, которое, на языке деккани, называлось «пултабази» [20]. Переводчик поясняет, что он не смог найти значение слова «пулта», но по предположению его друга Вильяма Ирвайна, автора труда «Армия Моголов», это слово следует читать как «патта» и понимать как деревянный меч. Возможные другие трактовки слова, употребленного Джахангиром, достаточно спекулятивны. Максимально близкое по звучанию и «оружейному» значению - это слово «пхул», означающее плод, цветок, наконечник копья, клинок меча, но при этом многократно использовавшимся тем же Джахангиром в значении украшенного «расцветченного» кинжала «пхул катара» предназначенного для дорогих подарков[21]. Также можно предположить указанный тем же переводчиком вариант «специальные позиции» в контексте искусства фехтования или слово «палта» в значении «реакция» или «реагировать» [22] и соотнести их с указанным в Дуррани-наме значением «умелые воины». Но более оправданным представляется обратить внимание на то факт, что для слова «пата» в отношении оружия в языке урду, который очень близок к деккани, есть только слово, обозначающее дубину, деревянный меч, а также «рапиру» [23]. Это же слово встречается в одном из словарей языка хинди[24]. Интересно отметить, что перемена местами двух букв в этом слове, дает аналогичное по звучанию, но другое по значению слово – тот самый

«лист», причем не в основном его значении. Непосредственно для обозначения листа растения или режущей части инструмента существует другое слово, иное по произношению и в урду, и в маратхи (который, вместе с персидским языком, послужил основой для языка деккани) [25].

Таким образом в наличии имеется предмет, который был функционально похож и на дубину, и на посох, а также использовался в качестве деревянного учебного меча (рапиры) в процессе подготовки «умелых воинов», сражающихся, впоследствии, уже с настоящим мечом. И этот настоящий меч, скорее всего, не был обычным шамширом или привычным саифом. В этой ситуации трудно удержаться, чтобы не провести аналогию с предметом, который использовался народностью кхонд еще в середине XIX века. Кхонды жили в непосредственном соприкосновении с маратхами, деканскими султанатами и на территориях, входивших в состав Виджаянагарской и Могольской империй. То есть на стыке могольской культуры, культуры южной Индии и маратхской культуры. Речь идет о предмете с клинком из ствола бамбука и закрытой гардой из головы кабана соединенной с деревянным наручем – то есть классической конструкции меча с латной рукавицей [26]. (Рис. 4). Известны южноиндийские предметы аналогичной конструкции, но с железным клинком

Рис. 4.

и вырезанной целиком из дерева защитной частью в виде головы животного. Можно предположить существование аналогичных по конструкции учебных мечей с деревянной латной рукавицей и бамбуковым клинком.

Также следует обратить внимание, что на указанном изображении присутствует обычный деревянный меч, который использовался для подготовки фехтовальщиков по всей Индии. Вполне допустимо, что именно в изолированных сообществах, которыми несомненно являлись кхонды, проживающие

преимущественно в горных областях, могли сохраниться практики, от которых в остальной Индии остались только названия. Использование деревянного предмета в процессе обучения, конструктивно схожего с реальным железным мечом, представляется вполне обоснованным. Перенос названия «пата» возможен как с деревянного предмета на железный, так и наоборот. Также возможно смешанное использование похожих созвучных слов. И, если учебный меч назывался термином, обозначающим деревянный меч, то название его железного варианта могло впоследствии ассоциироваться с похожим по произношению и написанию словом, но на языке пенджаби - означающим «резать» или «разделять». Интересно обратить внимание, что основные понятия, такие как «разбивать в куски», «резать на части», «осколок», «фрагмент» на трех индийских языках в их старых вариантах дают слова, по своему звучанию и написанию равнозначные обозначению трех известных в оружейведении видов индийских мечей: на хинди и маратхи - «кханда», на пенджаби - «пата» и на урду - «кирч» [27].

Относительно названия меча кханда ведущие исследователи также приводят созвучное слово, означающее «плечи» [28], которое странным образом в старом языке хинди использовалось в составе фраз, означающих «изувечить тело» или «перерубить тело». Возможно это связано с повреждением верхней части тела, обезглавливанием (в смысле оставить одни плечи) или с «ударить с плеча». Такая фраза часто использовалась индийским поэтом XII века Чанд Бардаи[29]. Сами индийцы в большинстве случаев независимо от вида мечей использовали слово «саиф».

Подводя итог, следует отметить, что в Индии существовали гораздо более тесные связи и коммуникации, чем принято считать. На протяжении столетий были открыты торговые пути, связывающие субконтинент от Афганистана и Непала до Южной Индии. Территории неоднократно объединялись под властью мусульманских султанатов, моголов и маратхов. Наемники из числа арабов, синдцев, афганцев, раджпутов и джатов нанимались и служили по всей территории северной и центральной Индии. Деканские султанаты и маратхи тесно взаимодействовали с Виджаянагарской империей южной Ин-

дии. Маратхи на пике своего могущества распространили свою воинскую культуру на большую часть субконтинента. С учетом указанных факторов представляется бесперспективным классифицировать виды оружия по этническому или территориальному признакам, за исключением оружия изолированных «диких» племен. Также необходимо с известной долей осторожности использовать названия видов оружия, зафиксированных не этнографами, а коллекционерами в XIX веке и обозначающими в большинстве случаев родовые названия предметов, являющиеся производными от понятий «резать» или «повреждать».

Библиографический список

1. Sharar Ablul Halim. Lucknow: the last phase of an oriental culture. Oxford University Press, 1994
2. Trivedi Madhu. The Making of the Awadh Culture. Primus Books, 2010
3. Sharar Ablul Halim. Op. cit. P. 109.
4. Stone G.C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor: in All Countries and in All Times. Courier Corporation, 2013. P. 312.
5. Thompson, J.T. A Dictionary of Oordoo and English, compiled from the best authorities, and arranged according to the order of the English alphabet. Serampore, 1838. P. 16.
6. Plate I, Plate IX, 335. Egerton Lord of Tatton. Indian and Oriental Arms and Armour. London, 1896.
7. Jacob A. Les armes blanches du monde islamique: armes de poing, épées, sabres, poignards, couteaux. J. Grancher, 1985. P. 245.
8. Sharar Ablul Halim. Op. cit. P. 115.
9. Jaʿfar Sharīf. Qanoon-e-Islam: Or, The Customs of the Moosulmans of India; Comprising a Full and Exact Account of Their Various Rites and Ceremonies, from the Moment of Birth Till the Hour of Death. London, 1832. P. 295.
10. О значении Непала для аскетов во время восстания см. Bhattacharya, Ananda, Sannyasi and Fakir Rebellion in Bihar (1767-1800), Islam and

- Muslim Societies: A Social Science Journal Vol. 6, No. 2 (2013), pp. 28-44.
11. В XVIII веке отряды нагов участвовали в войне за контроль над долиной Катманду. Известен эпизод, когда отряд из 500 нагов полностью погиб в сражении.
 12. Farquhar, J.N., The Organization of the Sannyasis of the Vedanta, The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland No. 3 (Jul., 1925), pp. 479-486, p. 485.
 13. Ibn Baṭ ṭ ah. Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe, accompagné d' une tr. par C. Defrémery et B.R. Sanguinetti. 4 tom. [and] Index alphabétique. Paris, 1858. P. 31.
 14. Bābur. Memoirs of Zehir-Ed-Din Muhammed Baber: Emperor of Hindustan. London, 1826. P. 338.
 15. Bramley P. Cold Steel, and Indian Swordsmanship, The Journal of the United Service Institution of India. vol. XXVIII No134: Jan 1899. P. 74-87.
 16. Baden-Powell B.H. Hand-book of the Manufactures & Arts of the Punjab. Punjab Printing Company, 1872. P. 292.
 17. Thompson J.T. Op. cit. P. 35; A Dictionary of the Panjābi language, Lodiana. American Presbyterian mission. Printed at the Mission Press, 1854. P. 338; Bahri Hardev. Advanced learner's Hindi English Dictionary. vol. 2. Rajpal & Sons, 2006. P. 1220.
 18. Plate X, 494. Egerton. Op. cit.
 19. Irvine W. The Army of the Indian Moghuls. London, 1903. P. 165.
 20. Jahangir. Op. cit. P. 253.
 21. Thompson J.T. Op. cit. P. 400.
 22. Shakespeare J. A Dictionary: Hindustani and English and English and Hindustani. Pelham Richardson, 1849. P. 2362.
 23. Thompson J.T. Op. cit. P. 424.
 24. Bahri Hardev. Op. cit. P. 1005.

25. Thompson J.T. Op. cit. P. 392; Baba Padmanji. A Comprehensive Dictionary, English and Marathi. Printed at the Education Society's Press, 1870. P. 67.
26. Campbell J., A Personal Narrative of Thirteen Years Service Amongst the Wild Tribes of Khondistan. London, 1864. P. 16.
27. Bahri Hardev. Op. cit. P. 400; Baba Padmanji. Op. cit. P. 77; A Dictionary of the Panjábí language. Lodiana. American Presbyterian mission. Printed at the Mission Press, 1854. P. 305; Thompson J.T. Op. cit. P. 242.
28. Khorasani M.M., Lexicon of Arms and Armor from Iran. A Study of Symbols and Terminology, Legat Publisher, 2010. P. 214.
29. Bibliotheca Indica: Collection of Oriental Works Published by the Asiatic Society of Bengal, vol. 77, Calcutta, 1873-1886). P. 60.

СЕРГЕЙ ЛОПАРЕВ

**САМОДЕЛЬНЫЕ ПИСТОЛЕТЫ-ПУЛЕМЕТЫ
В БЕЛОРУССКОМ СОВЕТСКОМ ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В статье рассматривается организация процесса изготовления пистолетов-пулеметов, как копий, так и оригинальных систем в условиях партизанского движения в Беларуси в 1941 – 1943 гг. В этот период для восполнения нехватки автоматического оружия в партизанских отрядах был налажен выпуск пистолетов-пулеметов. Основная масса оружия делалась путем копирования таких известных систем, как ППД, ППШ, ППС. Однако некоторые партизанские мастера изготавливали серийно автоматы собственных оригинальных систем. Несмотря на то, что оружие делалось с использованием минимума станков и специального оборудования, оно получалось достаточно эффективным и надежным.

Ключевые слова: *пистолет-пулемет, самодельное оружие, партизаны, Беларусь, мастерская, ствол, оригинальная конструкция, Менкин, Темяков, Сергеев*

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории БССР действовало самое мощное партизанское движение в истории Европы, боровшееся против агрессии нацистской Германии. Партизанские отряды

были организованы уже в первые дни войны. Основой, костяком большей части этих отрядов становились кадровые военнослужащие РККА, бойцы истребительных батальонов, партийные и советские работники и инициативные мирные жители, имевшие опыт военных действий периода Первой Мировой и Гражданской войн.

Ко времени освобождения республики в 1944 г., партизанское движение из малых разрозненных слабовооруженных групп превратилось в мощную силу, имеющую централизованное управление, развитую армейскую систему координации и субординации. Партизаны имели свой фронт и тыл, удерживали существенную часть республики, на которой продолжала действовать советская власть. К этому времени они имели кроме пехотных частей кавалерию, артиллерию и бронетанковые силы. Для борьбы с этой армией вермахт был вынужден снимать с фронта крупные войсковые подразделения в сотни тысяч человек, усиленных авиацией, танками и артиллерией.

Важную роль в боевых действиях партизан играло самодельное оружие и, в первую очередь пистолеты-пулеметы со свободным затвором, которые использовали пистолетные патроны 7,62x25 ТТ. Это оружие изготавливалось потому, что именно автоматического оружия катастрофически не хватало партизанам. Особенности партизанской борьбы значительно отличают тактику боя партизан от тактики боя регулярных армейских соединений. Основа партизанской тактики – метод «удар и отход» - требует значительной интенсивности стрелкового огня на небольшое время. Результаты боя могут быть решены за несколько минут. И определяющую роль здесь чаще всего играет скорострельность оружия. Отчеты партизанских бригад в Белорусский штаб партизанского движения показывают, что в отдельных отрядах и бригадах доля самодельного оружия занимает от 30 до 60 % от всех пистолетов-пулеметов, которые имелись у них на вооружении.

Опыт и база

К собственному производству автоматического оружия партизаны пришли не сразу. Важным этапом на пути к организации его производства стала организация мастерских по ремонту.

Летом-осенью 1941 г. на ранней стадии развертывания партизанского движения, в отрядах имелось большое количество неисправного оружия, которое было подобрано на месте летних боев Красной Армии с Вермахтом. Многие были погнуты, повреждены пулями и осколками, пламенем, гусеницами бронетехники, корродировано. Имелось и оружие, вышедшее из строя в ходе боев партизан с немцами, от плохого ухода и т.п. За ремонт оружия брались люди, которые имели опыт работы с металлом – слесарный, кузнечный, часовой и др. От легкого ремонта постепенно переходили к сложному. Параллельно организовывались и оснащались мастерские – приобретался инвентарь и инструменты. К 1943 г. мастерские крупных партизанских отрядов могли выполнять впечатляющий объем работ. Так, например, мастерская Пинского партизанского соединения, бригады имени Буденного, отряда имени Котовского с апреля 1943 по 14 июня 1944 г.г. изготовила: пистолетов-пулеметов ППШ-41, ППД-40, ТМ-44 – 107 шт., отремонтировано и восстановлено: пистолетов-пулеметов – 25. Пулеметов – 17. ПТР – 5. Винтовок всех систем – 260 шт. Пулеметов (с доделкой новых частей затворной рамы)– 10 шт. Пистолетов - 42 шт. Саперных лопат – 239 шт.

Большое значение в распространении изготовления самодельного партизанского оружия имела деятельность мастерской партизанской бригады «Разгром» Минской области и ее создателя и первого руководителя П.В. Чигринова.

Уже в августе 1942 г. было организовано производство с разделением труда по изготовлению пистолетов-пулеметов системы Шпагина ППШ-41. Это первый из известных нам крупных центров по созданию самодельного оружия в Беларуси. В мастерской работали кроме П.В. Чигринова семь человек. С лета 1942 г. до соединения с частями Красной Армии, по сведениям самого П.В. Чигринова, в мастерской был изготовлен 181 пистолет-пулемет разных систем. Нужно учитывать, что эта мастерская, как и все остальные, занималась не только изготовлением оружия, но и многочисленными другими необходимыми партизанам делами. Это и ремонт поврежденного стрелкового оружия, и изготовление холодного оружия, и подготовка фугасных мин разного типа действия, изготовление или переделка взрывателей. Деятельность

мастерской не могли остановить попытки немцев уничтожить изготовление оружия с помощью бомбардировок.

Успешный опыт организации и разделения труда содействовали развитию изготовления оружия в других отрядах и бригадах. Мастерская Чигринова стала также своеобразными курсами по подготовке мастеров по изготовлению самодельного оружия. В мастерскую регулярно приезжали для практики и опыта мастера-оружейники из других партизанских соединений. Они обеспечивались вспомогательными материалами – чертежами и шаблонами отдельных частей и деталей оружия и, даже, отдельными деталями, которые они сами не могли изготовить. Это стало возможным благодаря тому, что мастерская до 1943 г. было обеспечена некоторой автоматизацией работы. Это были станки, которые приводились в действие с помощью конных или ручных приводов и мускульной силы партизан.

Копирование автоматических систем

Независимо друг от друга у многих оружейников во второй половине 1942 - первой половине 1943 гг. стала возникать идея копирования заводских систем оружия, прежде всего пистолетов–пулеметов, как наиболее простых в изготовлении: ППД-40, ППШ-41, ППС-43.

Эти системы занимают лидирующее положение по количеству изготовленных образцов. По приблизительным подсчетам пистолеты-пулеметы со свободным затвором занимают до 80% объема полностью самостоятельного производства оружия в партизанских мастерских. Причины этого кроются в крайней простоте конструкций этих пистолетов-пулеметов, что существенно облегчало получение «сырья» для изготовления. Так, например, при копировании ППД-34 и ППД-40 использовались водопроводные трубы произвольного диаметра от 3 до 6 сантиметров для корпуса и кожуха охлаждения. Затвор мог быть изготовлен без применения фрезерной обработки, только напильниками и ножовкой. Любопытно, что более простые для заводского изготовления ППШ-41 и ППС-43, при изготовлении которых использовалась штамповка и сварка, в партизанских условиях стали более сложными – штамповка

заменялась холодной ковкой, а сварка – резьбовыми и заклепочными соединениями.

С материалами обычно не было принципиальных проблем. Для изготовления использовался самый разный металлолом, который мог найтись в деревнях, а также добытый партизанами на диверсиях против немцев. Для изготовления затворных рамы и крышки, использовалось любое листовое железо толщиной 0,8-1,2 мм. Это могли быть патронные ящики, бензиновые бочки и др. В некоторых случаях могли использоваться водопроводные и другие стальные трубы разной толщины. Затвор изготавливался из цилиндрических фрагментов стали – часто это были оси от взорванных авто- и бронемашин.

Пружины, необходимые для работы автоматики оружия, для возвратно-боевой пружины, пружины подачи патронов в магазине, изготавливались из проволоки – это могли быть куски проволоки из автопокрышек, другая стальная проволока, которая закалялась партизанами самостоятельно. Процесс закалки пружин был одним из наиболее сложных в виду необходимости создания одинаковой температуры для всей заготовки. В условиях полевой кузницы это было непростое дело.

Приклады изготавливались из металла в том случае, когда это был складной приклад, и из дерева – когда постоянный. Чаще всего для деревянных прикладов использовались береза и клен, а этой древесины, как писал в воспоминаниях мастер из партизанской бригады «Гроза» Витебской области В.Н. Долганов, в лесу хватало.

Единственной по-настоящему серьезной проблемой была проблема стволов. Даже в промышленных условиях на обработку канала ствола привлека-

Самодельный пистолет-пулемет ППД-40

ются только самые опытные работники – ведь отклонение от нормы хотя бы в десятых долях миллиметра неизбежно отрицательно скажется на огневых характеристиках. Для изготовления нарезов применяется специальное оборудование, которого у партизан не было и которое они не были в состоянии изготовить. По исследованным материалам о партизанских оружейных мастерских нигде не удавалось изготовить нарезной ствол к самодельному оружию. В некоторых случаях упоминается о гладкоствольном стволе, без нарезов. Но использование такого ствола, изготовленного чаще всего из некондиционной стали, с большим несоответствием калибра ствола и калибра пули, приводило к плохим баллистическим характеристикам оружия, снижало его убойную дальность до 50-100 метров, делало невозможным прицельную стрельбу на дальность свыше 20-30 метров.

Однако абсолютное большинство из исследованных образцов самодельного оружия из коллекции Белорусского государственного музея истории ВОВ обладают нарезным стволом калибра 7,62 мм. Эти стволы были взяты партизанскими оружейниками от поврежденных образцов оружия РККА калибра 7,62 мм. По проведенному исследованию использовались стволы от следующих образцов оружия: 7,62 мм магазинная винтовка системы Мосина и различные ее модификации; 7,62 мм самозарядная винтовка системы Токарева СВТ-40; 7,62 мм ручной пулемет системы Дегтярева обр. 1928 г. ДП-28, 7,62 мм пистолеты – пулеметы ППД-34,40, ППШ-41.

Винтовки системы Мосина в разных модификациях являлись основным оружием пехоты Российской империи и СССР с конца 19 века и до середины 1944 г. Значительное число «трехлинеек» осталось на полях сражений лета 1941 г., при стремительном наступлении Вермахта. Многие из них, пролежав год-полтора на земле, заржавели, некоторые были повреждены во время боев. Именно винтовки Мосина стали основой вооружения партизанских формирований во все годы борьбы с фашистами. Эти винтовки также портились и выходили из строя в процессе эксплуатации или во время боя. Одним из наиболее часто встречающихся повреждений было раздутие ствола вблизи дульного среза, встречавшееся вследствие использования загрязненного оружия.

Опиленные винтовочные стволы походили для создания пистолетов-пулеметов – необходимо было только уменьшить размер патронника, укоротить длину и переставить мушку прицела. Из одного целого винтовочного ствола можно было изготовить два-три ствола для пистолета-пулемета.

Такой же переработке подвергали и стволы от самозарядных винтовок системы Токарева (СВТ-38 и СВТ-40). Эти винтовки встречались гораздо реже, чем системы Мосина, зато ломались гораздо чаще. Автоматика самозарядок Токарева требовала тщательного и заботливого отношения со стороны владельца, не терпела резких ударов и перепадов температур. Особой заботы также требовал сложный газовый регулятор – с которым был знаком даже не каждый кадровый боец РККА, не говоря уже о партизанах. Неумелая эксплуатация и тяжелые бытовые условия быстро приводили к выходу самозарядок из строя. Их сложная конструкция не позволяла провести ремонт без заводского оборудования и хорошей квалификации мастеров. В результате разобранные СВТ становились источником запчастей для ремонтируемого или самодельного оружия.

Конечно, шаг и форма нарезов стволов рассчитанных на мощный винтовочный патрон неидеально соответствовали форме пистолетной пули, мощности пистолетного патрона. В первую очередь из-за данных несоответствий страдала точность стрельбы.

Однако на практике самодельные образцы оружия под сравнительно мощный патрон 7,62x25 ТТ даже в таких неидеальных условиях обеспечивали главную задачу - обеспечение плотного автоматического огня на коротких и средних дистанциях.

Уникальные конструкции

Накопленный партизанскими мастерами опыт не заставил ждать полностью самостоятельных конструкций автоматического оружия.

Создание огнестрельного оружия является тяжелой задачей, требующей значительных технических и инженерных знаний. Обычно изобретением оружия занимаются целые коллективы, используя большое количество промышленного оборудования. Партизаны были вынуждены ограничиваться

примитивными инструментами и отсутствием станков. Но в глубоком тылу врага, не имея электричества и станков для изготовления оружия, без инструментов и оборудования, без профессиональных конструкторских и оружейных знаний, партизанские мастера создавали образцы огнестрельного оружия, которые по качеству и техническим характеристикам могли соперничать с заводскими. В первую очередь изготовление самодельного оружия было распространено в крупных партизанских бригадах и отрядах, которые могли отвлечь для решения этой задачи от боевых операций одного или нескольких партизан, обеспечить их минимумом необходимого оборудования и материалами.

В 1944 г. два самодельных пистолета-пулемета партизаны Пинского партизанского соединения отправили на большую землю в подарок маршалу СССР Ворошилову К.Е. и Пономаренко П.К. Оружие показалось Пантелеймону Кондратовичу удачным, и он прислал ответную телеграмму 21 июня 1944г.: «Благодарю от своего имени и от имени К.Е. Ворошилова за присланные образцы автоматов. Мастерскую вашего соединения целиком сохраните для музея Отечественной войны белорусского народа». [1].

Присланные пистолеты-пулеметы были изготовлены партизанами Пинского партизанского соединения, бригады имени Буденного, отряда имени Котовского Менкиным Я.А. и Темяковым Я.И. Эти два мастера и их мастерская неразрывно связаны с историей создания музея. В апреле 1943г. боец Янкель Абрамович Менкин предложил командованию изготавливать самодельные пистолеты-пулеметы. Янкель Менкин до войны работал механиком в службе кинофикации. Сумел бежать из Слуцкого гетто в п/о «Комарова» (В.З. Коржа), в отряде сразу занялся неисправным оружием, одалживая инструменты для работы в сапожной мастерской. Когда он создал мастерскую - ему было 23 года. Менкин возглавил группу из восьми партизан, в которую входил и Яков Темяков.[4].

Темяков Яков Иосифович в 1940 г. окончил Киевское танковое училище в звании воентехника 2-го ранга. Чудом выжил в лагере для военнопленных в Слуцке, куда, контуженный, попал в бою под Минском 3 августа 1941 г. 6 ноября 1941 г. бежал с группой бойцов и командиров и после долгих скита-

ний попал к пинским партизанам. Темяков хорошо владел слесарным и токарным делом, досконально знал стрелковое оружие. [5].

В скором времени в мастерской изыскали небольшое количество инструментов и оборудования: тиски, напильники, ножовку, три сверла, железный лом. Вначале было решено изготавливать оружие по конструктивной схеме ППШ-41, затем ППД-40. После накопления значительного опыта работы Я. Темяков предложил изготовление пистолета-пулемета собственной конструкции. Новое оружие получило название «ТМ-44» - «Темяков-Менкин образца 1944г.». Сохранилось любопытное описание списка частей, из которых изготавливали некоторые из ТМ-44:

«Из старых негодных к езде велосипедов, велосипедных рам, из водопроводных труб – кожух автомата. Затвор – из вала мельницы. Спусковой механизм из железа старой бензиновой бочки. Ствол – винтовочный из дефективной винтовки с разрушенным стволом. Пружины из тросов трофейного немецкого воздушного шара. Дюралюминиевые накладки из сбитого немецкого самолета. Щечки из рога крупного рогатого скота». [5].

Пистолет-пулемет ТМ-44

Конструкция системы Темякова-Менкина обр. 1944 г. по подобию заводских образцов получила название «ТМ-44». Это был пистолет-пулемет построенный по схеме отдачи свободного затвора. Питание его осуществлялось из коробчатых магазинов на 30-35 патронов калибра 7,62x25 ТТ. ТМ-44 имели складной металлический приклад, который часто изготавливался из велосипедных рам, кожух – из водопроводной трубы, или частей иного оружия.

Воронение частей производилось луковой шелухой. Пайка производилась с помощью стекла и борной кислоты.

Пистолет-пулемет системы Долганова является прекрасным образцом конструкторского гения простого человека, который не имел специальных оружейных знаний. Система взвода затвора, которая была разработана и воплощена В.Н. Долгановым, при которой возвратно-боевая пружина взводилась складным штоком, утопленным параллельно затворной коробке, и выходящим на затыльник приклада, практически не имеет аналогов в мире. Похожими на нее являются системы финского «Суоми» и австрийского МР-34. В.Н. Долганову удалось создать более технологичную и простую систему, превзойти профессиональные коллективы Финляндии и Австрии.

Пистолет-пулемет Долганова

Еще одна чрезвычайно оригинальная система взвода затвора была разработана мастером Н.С. Сергеевым из партизанской бригады «Разгром» Минской области. Мастеру удалось создать интересный вариант решения важной проблемы, над которой и теперь сражаются многие конструкторские коллективы в мире. Это проблема уменьшения габаритов оружия, при сохранении боевых качеств и баланса. Чрезвычайно смелое решение Н.С. Сергеева заключалось в перенесении рукоятки взвода затвора со стороны затворной коробки на ствол и соединение ее с другой деталью – мушкой. Таким образом, мушка становилась и прицельным приспособлением и рукояткой взвода затвора. Экономились габариты, и уменьшалось количество деталей. При стрельбе штоки взвода мушки-рукоятки взвода затвора разъединялись с затвором, и его движение не оказывало прямого воздействия на мушку. Конечно, подвижность мушки давала некоторый люфт, что снижало точность оружия. Однако пистолет-пулемет Н.С. Сергеева разрабатывался, как оружие

скрытого ношения диверсионно-разведывательных групп. Этот пистолет-пулемет делался максимально компактным - со складным прикладом, весьма миниатюрных размеров. Его назначение было - при случайной встрече членов ДРГ, маскировавшихся под мирных жителей с патрулем противника, давать возможность прятать его под одеждой, легко извлекать и обеспечивать плотный автоматический огонь на дистанции ближнего боя - до 10- 20 метров. В этих условиях невысокая точность пистолета-пулемета Н.С. Сергеева не являлась существенным недостатком. В бою на такой дистанции стрельба часто ведется без прицеливания вовсе – «навскидку».

Пистолет-пулемет Сергеева

Конечно, самостоятельно разработанные системы не имеют законченной эстетики оружия, разработанного в КБ и изготовленного в заводских условиях. Но вклад партизан-конструкторов в мировое оружейное искусство трудно переоценить. Некоторые из их образцов имеют оригинальные схемы действия и конструкционные узлы. По стиливым и дизайнерским решениям партизанских оружейников в отдельных узлах конструкций, в эргономике оружия, в оформлении и изготовлении пистолетов-пулеметов, их можно отнести к ценным образцам оружейного искусства. И еще большую ценность им придает тот факт, что изготавливались они не профессиональными оружейниками, а народными мастерами.

Библиография

1. Документы государственного учета БГМИВОВ
2. Военный энциклопедический словарь М. Воениздат. 1986г. с.17,с.575
3. И.Ю.Воронкова «Создание и становление Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны», Минск 2001
4. А.М. Киселев «Умельцы военной поры», М.: Воениздат, 1986г. с. 110-132
5. В.И. Кузьменко «Партизанские оружейники», Мн.: «Наука и техника», 1990г.
6. Военно-исторический журнал 1974г. №1, статья «Изобретатель партизанского оружия» с. 60-62.

Материалы фондов БГМИВОВ, личные дела:

1. Отчеты в Белорусский штаб партизанского движения партизанской бригады «Разгром» Минской области за 1943-1944гг.
2. Рукописные партизанские журналы.
3. Личное дело: Чигринов П.В. - оружейный мастер п/о «Знамя» п/бр. «Разгром» Минской области.
4. Личное дело: Шавгулидзе Т.Е. – инструктора подрывного дела при штабе руководства партизанского движения Минской области.
4. Личное дело Я.А. Менкина.
5. Личное дело Я.И. Темякова.

ЛЕОНИД АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ПАРЕНЬСКИЙ НОЖ. ЛЕГЕНДЫ И БЫЛЬ¹

В статье реконструируется технология изготовления так называемых «пареньских ножей» - ножей, ковавшихся кузнецами в камчатском селении Парень на севере Пенжинского района Камчатского края. Селение возникло предположительно в XVIII веке и названо по расположению на берегу реки Парень. Автор выделяет три вида пареньских ножей - самый большой, «ременный» или «плечевой» с длиной клинка более 30 сантиметров при толщине обуха 7-8 мм, «поясной нож» меньше, с длиной клинка от 15 до 18 сантиметров при толщине обуха 4. 5-5 мм и маленький, вспомогательный, с длиной клинка 7-10 сантиметров. Клинки ковались из металла, долго пролежавшего в соленой воде, проржавевшего и дырявого как решето. Ножи наилучшего качества получались из металла норвежского парохода «Торрес», потерпевшего крушение у полуострова Тайгонос в начале 20-го века. Рукояти и ножны изготавливались из дерева.

Ключевые слова: Нож, рукоять, ножны, кузнец, кузнечная сварка, Камчатка

¹ Выражаю глубокую признательность всем авторам использованных в статье фотографий, владельцам подлинных ножей и очевидцам их изготовления и использования.

По определению римского механика и философа Витрувия, всякая хорошая вещь должна обладать тремя неизменными свойствами, а именно – полезностью, прочностью, красотой. О красоте ножей здесь речь не пойдет (дело вкуса), о прочности скажу чуть позже, поэтому начну с полезности.

Глянем вокруг – на выставках и полках магазинов кучи, груды ножей порой немислимы, т.н. «авторских» дизайнов. Вспыхивающие ажиотажи, пиарщина в полный рост... и через год-два глубокое забвение таких кратковременных брэндов. Почему? Потому что бесполезны, непрактичны в своей основе. И здесь становится интересным пристальное рассмотрение «выживших» моделей ножей. Особенно тех, которые выживали столетиями. Их немного, этих народных или, как я их именую, «земляных» ножей, т. е. таких, которые созданы для жизни «на земле», на нашей суровой земле. Финка, якутский нож... и «парень», пареньский нож. О нем и пойдет речь.

Считается, что пареньские ножи получили свое название по месту производства в камчатском селении Парень на севере Пенжинского района Камчатского края. Оно возникло предположительно в XVIII веке и названо по расположению на берегу реки Парень. Происхождение же названия самой реки Парень, равно как и Пареньского озера в соседней Магаданской области, неясно. Сами местные жители называли реку Пойтывыем [1] или Пойтыла [3], а село Парень, в сущности, состояло из двух отдельных селений по обеим сторонам реки, именуемых аборигенами Кайчу-ойто и Гельвяно [2].

Есть основания думать, что вплоть до начала 20-го века село Парень было лишь зимним селением. Так, о российском этнографе В. И. Йохельсоне известно, что в октябре 1900 года его группа достигла зимнего селения коряков на реке Парень, но жителей в нем не оказалось. Из этого следует то, что металл в селении Парень обрабатывался только зимой, т. е. в наименее продуктивный для охоты и собирательства период. Об этом же неоднократно упоминали и другие этнографы.

В советское время в селе Парень проживали коряки рода Пойтильо (паренцы-пойтыле). В нем были детский сад, школа и больница, но в ноябре 1986 года оно было административно ликвидировано. По решению Корякского окружного исполкома всех жителей Парени предписывалось переселить и

трудоустроить в других сёлах района. Однако, часть местных жителей отказались покидать насиженное место и продолжили обитать в этом крошечном селении.

Производимые в селении Парень коряками-паренцами ножи были издавна весьма популярны на всем северо-востоке страны. Местные оленеводы, охотники и рыбаки ценили производимые кузнецами коряков ножи выше привозных, что объяснялось как приспособленностью формы ножей к местным условиям и нуждам, так и их высоким качеством – остротой и, главным образом, надежностью.

Собственно пареньских ножей три вида:

1. Самый большой, «ременный» или «плечевой» в ходу у оленеводов. Длина клинка более 30 сантиметров при толщине обуха 7-8 мм, поэтому рубит он отлично. При этом более длинные ножи, с клинком до полуметра, предпочитали покупать чукчи, потому что они забивали оленя ударом в сердце, а коряки бьют в шею между позвонками более коротким ножом², а длинным лишь разделывали тушу. Обушком большого ножа еще и дробят кости, т. к. коряки мозгуют - едят сырой мозг из трубчатых костей ног оленя.

2. Второй, «поясной нож» меньше, с длиной клинка от 15 до 18 сантиметров при толщине обуха 4. 5-5 мм. Этот нож использовался при еде, при вырезании мелких изделий из дерева, кости, им же стригли или брили волосы, потрошили рыбу, закалывали оленей. Характерным был острый сход конца клинка, потому что нож часто использовали при проделывании-прокручивании отверстий в нетолстом дереве или напротив, в толстой коже. Вследствие такого использования острие было не слишком твердым, чтобы не отломилось, да и затачивалось не очень остро, так что толщина на кромке могла быть 0. 7 мм и более. Этот нож использовали и женщины, которые носили его главным образом в торбасах (меховых сапогах), так что его можно назвать и «засапожным».

3. Третий маленький, вспомогательный, с длиной клинка 7-10 сантиметров. Клинок узкий и тонкий.

² Так же, как и якуты

Рис.1. «Плечевой» нож. Из собрания Российского Этнографического музея г. Санкт-Петербург. Длина клинка 39 см, ширина 4. 2 см. Подарен В. И. Йохельсоном.

Рис. 2. «Поясной нож». Длина клинка 17 см, ширина 2. 8 см, длина рукояти 13 см, ширина 3. 3-3. 9 см. Ножны из шкуры нерпы. Селение Парень, начало 70-х годов 20-го века.

Рис. 3. Вспомогательный нож. Подарочный пареньский нож. 60-е годы 20-го века.

Рис. 4. Парные ножи. Современная работа мастерской В. К Сушко. Камчатка.

Часто носили сразу два ножа - либо большой и маленький, либо средний и маленький, иногда в особой двойной кобуре (ножнах).

Наиболее распространенным и популярным был средний, основной нож. К нему, собственно, и относится название-бренд «пареньский нож».

Кстати, как правильно – пареньский, пареньский или пареньский?

По правилам паренского диалекта чукотско-камчатской языковой семьи ударение ставится на второй слог от начала слова. В названии этногруппы «паренцы» три слога, поэтому ударение ставится на второй слог, т. е. произносится «пареньцы». Коряки, кстати, так же произносят название и реки и села - Парень.

Можно копнуть чуть глубже. По сообщению К. Бауэрмана, в начале 20-го века кузнечное дело практиковали в пяти из семи селений, в которых жили паренцы (он их называл пареньцы), и с большой долей уверенности можно думать, что нож назвали пареньским потому, что он сделан паренцами. Интересно, что эвены вообще всякий мужской нож называли заимствованным словом «пуйталади», что на языке паренцев и значит «паренский нож, нож па-

ренцев».

Далее. В прилагательном «парЕнский», образованного от существительного мужского рода «Парень», по правилам русского языка мягкий знак пропадает: «конь — конский», «Пермь - Пермский». Но... самое большое озеро в Магаданской области официально называется ПаренЬским. Вероятно, такое произношение, с мягким знаком, это устоявшаяся местная традиция.

В общем, можно говорить и так, и эдак, хотя на Севере принято произносить и писать с мягким знаком - парЕнЬский, и название «парЕнЬский нож» с 1998 года официально зарегистрировано на Камчатке как торговая марка-бренд.

Особую славу эти ножи получили в советское время, когда началось тотальное освоение северных территорий. Золотодобыча в Магаданском крае, разведка других полезных ископаемых, укрупнение совхозов (коллективизация на Камчатке была закончена в 1948 году), госплановый вылов всего и вся морского, привели в эти глухие места множество рабочего и служилого люда. Разумеется, жизнь в суровых северных краях немыслима без хорошего надежного ножа.

Надежность ножа, помимо качества клинков, обеспечивалась особым подходом к изготовлению рукояти и ножен. В качестве заготовки для рукояти паренцы использовали березовый или ольховый чурбачок, который сутки вымачивали в воде. Нагревали докрасна тонкий хвостовик клинка и прожигали им посадочное место в рукояти – так, что паз в дереве точно соответствовал форме и размерам хвостовика именно этого клинка. Так сказать, индивидуальная подгонка. Несколько дней дожидались, пока дерево просохнет и плотно обтянет металл хвостовика, затем окончательно обтачивали форму рукояти. Там, где кончался хвостовик, продельвали отверстие и под прямым углом загибали тонкое завершение, фиксируя клинок в рукояти. Отверстие плотно закрывали березовой пробкой-чопиком. Говорят, что такие рукояти никогда не расшатывались.

Переднюю оковку изготавливали из тонкой листовой меди, латуни или железа. Отрезав полоску нужной длины, ее сворачивали и скрепляли фальцевым замком так же, как на железной кровле. Форма рукояти в поперечном се-

чении практически всегда яйцевидная. (Рис. 5-6)

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Ножны делали из сосны или березы, хотя могли встречаться и кожаные ножны, из шкуры нерпы. Половинки не склеивали, так что они как бы «дышали», что позволяло вкладывать нож даже грязным и ножны не растрескивались. Через остающиеся щели вытекала и случайно попавшая в ножны вода (Рис. 7). Интересно, что аналогичную конструкцию имели и ножны, привезенные из горного Алтая известным режиссером и каскадером Андреем Ростоцким, с тем лишь отличием, что роль скрепляющих оковок в них играла обмотка кожаным шнуром.

Про остроту ножей их владельцы рассказывали, что даже при легком касании лезвия оно как бы прилипает к руке, поэтому попытки проверить остроту «как обычно», проведя пальцем по лезвию, заканчиваются порезом. Рассказывают еще, что острота ножей была такова, что после обработки рыбы срезы настолько идеальны, что когда рыбу развешивают для сушки, мухи не откладывают яйца в зазубринки и трещины разреза - их нет, поверхность гладкая, так хорошо и чисто срезано. Про камчатских мух не скажу, не знаю, но в Японии требования к действительно хорошему рыбному ножу схожи – срез должен проходить даже сквозь клетки ткани, чтобы источался сок, а не

мять и вырывать их, образуя «лохматую» поверхность.

Остроту и прочность пареньских ножей объясняли главным образом особой технологиейковки клинков. Однажды я услышал легенду, что когда-то давно у нашего северного побережья затонул корабль, перевозивший среди прочего груза и несколько ящиков с иголками. Обитавшие там местные умельцы их достали и стальные иглы переработали в ножи. Понятно, что аборигены должны были быть весьма умелыми кузнецами, раз они смогли из пучков тонких и коротких иголок изготовить клинки ножей. Говорят, что еще во времена СССР такие «игольчатые» ножи были высокоценны по всему Северу, и мне рассказывали, что ими можно было даже снимать стружку с лезвий обычных столовых ножей. Со временем нашлись и люди, которые вроде бы реально владели этими (такими?) ножами. Их изготовление и приписывали кузнецам **коряков**, северо-восточных аборигенов Камчатки.

Позже эту историю я слышал не раз и слышал по-разному. Например, как о факте говорят, что помимо «игольчатых» коряки делали и «трубчатые» ножи. Трубчатые потому, что при изготовлении клинкового металла кузнецы набивали обрезки железных труб осколками чугуна вперемешку с мелкими кусочками стали и железа. Используя трубу как защитный и фиксирующий контейнер, неоднородную железистую начинку нагревали и проваривали в монолит, из которого и отковывали замечательные клинки.

Заинтересовавшись (меня всегда привлекали загадки старинных технологий), я начал не спеша собирать все доступные сведения. Для начала выяснилось, что Японию зря называют «Страной восходящего Солнца» - на самом деле утро наступает сначала на нашей Камчатке, а от Петропавловска-Камчатского до Токио солнце добирается лишь через два часа. На Камчатке, в этом суровом краю, издавна жили коряки, малый палеоазиатский народ. Кузнецы паренцев, самой малочисленной этнической группы коряков (несколько сот человек), умели изготавливать ножи, копья, различные кованые предметы быта, но это производство полностью зависело от привозного железа, которое сами они добывать из руд не умели.

Участник Второй камчатской экспедиции Витуса Беринга (1737—1742 г.г.) Георг Стеллер, писал, что коряки пользуются якутскими ножами. Хотя

коряки напрямую не контактировали с якутами, которые узнали о существовании самой Камчатки лишь от русских, все же склонен считать и даже уверен, что бывавший в Якутии добросовестный немец-исследователь знал толк в ножах и что в его время коряки, как и их соседи, действительно пользовались продукцией якутских кузнецов. К тому же мне встречалось упоминание о произведённом в советские времена спектральном (химическом?) анализе металла старинных камчатских предметов – якобы их состав аналогичен железу якутов.

Сам себя этот народ называет «саха», а слово «якут» по одной из версий – это производное от местного «джокут – чужак, пришлый». Согласны с этим не все этнографы, но в данном случае это не так важно, как то, что народ саха действительно пришел на северо-восток Сибири с юга, вероятно из района Прибайкалья. Они умели сами добывать железо из болотных и луговых руд, могли использовать и выходящие на поверхность рудные жилы сидерита. Из-за ряда технологических особенностей процесса выплавки химсостав сырцового металла якутов был нестабильным, поэтому иногда выплавлялось мягкое железо, а иногда среднеуглеродистая сталь, которую в архивных записях русских чиновников того времени из-за ее не слишком высокой твердости именовали «полуста-лью».

Якутские кузнецы владели и более сложными технологиями металлооб-

Рис. 8. Якутская печь для выплавки железа из руды.

Рис. 9. Первичная проковка-сварка железной крицы.

Рис. 10. Уплотнение кричного железа.

Рис. 11. Руда, крица, кричное железо, клинки якутских ножей.

работки, чем простая добыча железа из руды. Возможно, тем или иным образом они научили этим технологиям у кузнецов коряков. Впрочем, существует мнение, что паренцы научились грамотной ковке у казаков-переселенцев, живущих в расположенных неподалеку от Парени острогах-крепосцах.

На якутский след указывает и Г. Л. Майдель: «Самые искусные кузнецы находятся в Парени. Они очень долго куют клинки для ножей в полухолодном состоянии, точь-в-точь как якуты, в результате железо хорошо шлифуется, ножи получаются очень острые, почти не зазубриваются и очень легко точатся. В железо врубаются вычурным узором глубокие линии, в которые вгоняются пластинки из меди и латуни, а затем шлифуются».

Очевидцы того времени отмечают, что ножи и копья у коряков «щегольские». Собственно, такие же, как и у якутов, которые украшали инкрустацией латунью и медью свои копья-унуу и пальмы-батасы.

С якутами коряки напрямую не контактировали, между ними лежала территория чукчей, у которых вряд ли коряки многому научились в плане кузнечной обработки железа - в мифологии чукчей говорится, что боги создали русских для того, чтобы они продавали чукчам чай, табак и железо...

Об уровне железного дела у других соседей коряков, ительменов, есть свидетельство того же Стеллера, который пишет: «Если до прихода русских какой-нибудь островитянин раздобывал себе кусок черного железа длиною в два-три вершка и похожий на нож, то он считал его особым богатством и так кичился им, что выставлял его на шесте перед своим жильем, чтобы показать прочим соплеменникам свое значение и богатство... Раньше они шили иглами из собольих костей, потом крупными железными японскими, которые и были их первыми железными предметами. От японского обозначения иглы — «зюзе» ительмены прозвали японцев зюземенами, игольщиками. Если игла у них ломается, они очень ловко вновь оттачивают конец ее, если же сломается ушко, они раскаляют иглу на огне, затем ковкою возвращают ей первоначальную форму и просверливают с помощью другой твердой иглы и деревянной дрели новое ушко, так что поправленная игла может служить по-прежнему».

Это свидетельство о крайне бережном отношении коренных обитателей Камчатки к железу вообще и к иглам в особенности, практически полностью

опровергает версию об использовании ими столь ценных предметов как иглы в качестве металлургического сырья. Таким образом, красивая легенда об «игольчатых» ножах не подтвердилась.

На самом деле корякские кузнецы предпочитали работать с полосовым или тонким кусковым железом, причем зачастую марки КН – «какое найдешь». Местное коренное население всегда жило в условиях металлического голода и каждый гвоздь находил свое применение. Металл тратили скупно, расчетливо и точно. К. Бауэрман пишет о том, что коряки даже старые стволы ружей, которые попадали к ним от русских, перековывали на наконечники для стрел и копий, делали ножи.

Видимо, кузнечное ремесло паренцев стало регулярным их занятием лишь в первой половине 19-го века, да и то делом сезонным, в зимний период. Говорят, что со временем местные кузнецы стали ковать хорошие ножи из срубленного во время отливов железа аварийных кораблей, притопленных в прибрежной полосе. И свежий металл не брали, а брали лишь долго пролежавший в соленой воде, проржавевший и дырявый как решето... Ножи наилучшего качества получались из металла норвежского парохода «Торрес», потерпевшего крушение у полуострова Тайгонос в начале 20-го века.

Вот и нашлись корни кораблекрушения из легенды – действительно, оно было. В Пенжинской губе приливы-отливы очень высокие, до 15 метров по высоте и на несколько километров от берега, плюс сильнейшие течения. Бывали случаи, и говорят до сих пор такое случается, что приливные волны утаскивали в море слишком далеко зашедших от берега людей, которые собирали на обнажившемся в отлив дне залива всякого рода дары моря и не успели вовремя добежать до берега. А у мыса Тайгонос еще и сильнейшие ветра – однажды три дня подряд была пурга со скоростью ветра до 200 км\час. Ничего нет удивительного, что корабль сел на камни и его обшивку из качественного скандинавского металла растащили на ножи.

Тонкий и ржавый листовой металл (иногда использовали и старые обручи от бочек) сваривали в более-менее массивные заготовки для ножей применяя кузнечную сварку, которой паренцы к тому времени уже владели (рис. 13, 14).

Рис. 13.

Рис. 14.

Сварив рыхлый пакет в монолит, кузнецы отковывали из полученного своеобразного композита весьма острые клинки. По свидетельству владельцев таких ножей сварочные швы между отдельными пластинами проглядывались на клинке после его полировки как длинные неконтрастные линии шириной примерно в миллиметр. По опыту, такой вид соответствует примерно сотне слоев исходного полосового металла, т. е. паренцы, сварив исходный набор-пакет из ржавого листа, затем еще пару раз складывали и проваривали его для лучшего уплотнения.

Про владение паренцами технологией кузнечной сварки этнограф В. И. Йохельсон в начале 20-го века писал, что «они умеют сваривать железо, но не все умеют сглаживать следы сварки³. Клинки не полируют, но отделяют подпилками. Закалывать не умеют, поэтому ножи мягкие и к остриям хороших копий и ножей для увеличения твёрдости приваривают тонкие стальные пластинки. Сталь покупают у торговцев или на русском складе».

Такие железостальные ножи сами коряки называли «заварными» и процесс их изготовления довольно подробно описывает К. Бауэрман, через четверть века после Йохельсона работавший с кузнецами в Парени. Прочитав описание, я сначала мало что понял. И когда поразмыслил, буквально продираясь сквозь «концы», узкие и длинные «стороны» - тоже. Сильно мешал мой собственный опыт, сталкивая объяснения на проторенные дороги.

Память подсказала аналог из скандинавской практикиковки ножей - обернуть короткую стальную пластинку железом, затем сварить все вместе и получить в итоге классическую трехслойную заготовку. Ан нет, из текста следовало, что коряки поступали иначе - про сложение вдвое и оборачивание нет

³ Кстати, не очень понятно, что он имел в виду (Л.А.)

ни слова.

Что ж, для уяснения стал пошагово повторять указания Бауэрмана:

1. Для начала отковывались стальные и железные куски в виде плоских пластин, которым придавалась «несколько остроконечная форма». Стальная пластина была не тоньше и не уже железной, но в среднем в два раза короче.

В среднем – т. е. могла быть и еще более короткой? Для придания смысла пришлось не придирается к словам и заменить «в среднем» на «примерно». Отковал куски железа в 11 см длиной, а стали - в 7 см, которые и «привел в несколько остроконечную форму». (Рис. 15).

2. Кузнец берет остывшие куски руками и в руке же складывает их нужными сторонами и выступающими с обеих длинных сторон концами.

Рис. 15.

Рис. 16.

Рис. 17.

Рис. 18.

Подумав и даже посоветовавшись, разобрался с «концами» и «сторонами». (Рис. 16)

3. Затягивает губками кузнечных клещей со стороны узкого конца, кладет в горно и нагревает до красна, после чего пригоняет оба куска вплотную.

Ну, это понятно... если разобраться, где «узкий конец». (Рис. 17 – 18)

Рис. 19

4. Снова нагрев куски, он окунает их до губ клещей в глинистый песок.

Песок – самый простой и распространенный сварочный флюс. Сплавляясь с окалиной и очищая от нее свариваемые поверхности, он образует жидкотекучий шлак. Кстати, Бауэрман не сказал, что следует перехватить клещами за другую сторону... Впрочем, это не слишком важно. (Рис. 19)

Рис. 20

5. Нагревает в горне до светлого каления, пока не появятся частые искры. Быстро вынимает из горна и на наковальне быстро же, но сначала очень слегка ударяет по узкой стороне несколько раз и кладет вновь в горно.

Затем вынимает и начинает более усиленно приглаживать плоскую поверхность с обеих сторон и в то же время приводя конец со сваренной стороны в ножевидную форму. Сделав это, кузнец зажимает в клещи сваренную сторону и вновь повторяет все сначала до окончания сварки.

В описании Кахрамона Элиарова тифлисской технологии 19-го века сказано проще: «взяв оные пластины в клещи, сварить песком обычным порядком». (Рис. 20).

Рис. 21.

Рис. 22

6. Сделав сварку...кузнец утолщает и вытягивает черенковой конец, затем обрабатывает клинок, утончая до острия лезвенную часть и выработывая конец ножа. (Рис. 21-22)

7. Во время этой обработки (при оттяжке лезвия), кузнец нагревает клинок до темно-красного цвета, смачивает водой или втыкает в снег и смотрит. Этим он восстанавливает крепость стали.

8. После окончательной обработки начинается закалка и отпуск ножа. Значит, умели все-таки закаливать...

9. Затем клинок попадает в другие руки для обработки крупной насечки напильником (черновая шлифовка), затем обрабатывается на точиле.

Таким образом, клинок «заварного» пареньского ножа лишь примерно на четверть состоял из твердой, но хрупкой стали. Хвостовик и малая часть клинка перед всадом в рукоять отковывалась из вязкого (и дешевого) железа. Сломать такой нож можно было лишь специально.

Бауэрман пишет, что оленеводы предпочитали неказистые с виду пареньские ножи красивым импортным американским, потому что те были сделаны целиком из стали и в лютые морозы ими нужно было работать с осторожностью, чтобы не сломать. А чисто железные и заварные ножи паренцев морозов не боялись... да и стоили в 3 раза дешевле.

Эта популярность и даже слава ножей из Парени в советское время привели к тому, что паренцам спустили план по снабжению ножами оленеводов и прочих советских трудящихся. Уже в 30-е годы ножи ковали тысячами. Например, в Парени в зиму 1930-1931 гг. работало 11 кузниц и помимо 35 топоров и 55 наконечников копий было произведено 2880 ножей. В поздние советские годы план стал увеличиваться. Очевидцы рассказывали, что в олене-

водческие совхозы ножи завозили буквально ящиками, и каждый мог взять себе нож без записи и без оплаты. Эти массовые ножи привозили совсем не точеными, и толщина кромки на лезвии составляла два миллиметра, хотя после трудоемкой заточки они резали вполне хорошо.

Ножи «для себя» по-прежнему ковали из чего находили, но находить стали в основном рессоры, клапана от двигателей и прочие ломаные детали машин и механизмов. Впрочем, традиция холоднойковки ножей все же сохранилась и такой процесс этнографы наблюдали еще в 70-х годах. Металл марки КН, холодный наклеп - острый, надежный и дешевый нож.

Что ж, прочитав доступные сообщения этнографов и раскопав корни легенд об «игольчатых» и «пароходных» ножах, я вплотную занялся легендой о ножах «трубных». А легенда постепенно, год от года, обростала подробностями. Уже как о известной технологии говорили, что после проковки в монолит набитой смесью железа, стали и чугуна трубы, кузнецы разрубали полученный брусок пополам вдоль по оси и выводили на лезвие этот своеобразный сварочный булат. При этом стенки трубы якобы играли роль вязкой железной рубашки трехслойного, по сути, клинка.

Мне эта технологическая схема еще 20 лет назад, когда впервые о ней услышал, показалась негодной. Во-первых, качественно проварить рыхлую смесь разнородных кусков неправильной формы в сплошной брусок, без пустот и шлаковых включений, не просто трудно, а очень трудно. Во-вторых, даже если это блестяще удалось, то на лезвие, на его режущую часть, будут поочередно выходить длинные участки то мягкого нережущего железа, то перегретой крупнозернистой стали, то включений абсолютно хрупкого чугуна. В-третьих, толщина «трубной» железной рубашки заготовки клинка будет мала и никакой прочности ему не добавит, даже если не сошлифуются до дыр при обточке.

Тогда же, давно, для проверки все же взял и попробовал. Результат получился ожидаемым – длина разнородных участков на лезвии достигала нескольких сантиметров, режущих свойств и прочности не было совсем. Никаких.

Что ж, обратился к истории – нет ли там аналогов? Нечто схожее нашлось. Во-первых, колотый чугун как составную, науглероживающую часть клинкового металла использовали в Индии, где им посыпали заготовку при сварке. Так же поступали и цыганские бродячие кузнецы, потомки выходцев из Индии, которые были вынуждены ковать свои ножи из всякого бросового металла марки КН. Проведя сварку с посыпанием чугуном несколько раз, они повышали содержание углерода в мягком «бытовом» железе до вполне приличного для ножа уровня. Заодно выравнивали состав и измельчали структуру набранного из отходов металла, так что лезвия получались и твердыми, и острыми.

Исходя из такого понимания смысла процесса, отработал «трубную» технологию и отковал по ней несколько клинков. Они весьма прилично показали себя в работе, а один добрался даже до Бразилии, где среди прочих нюансов проявилась повышенная коррозионная стойкость такого металла.

Позднее для удобства работы заглушенную трубу стал заменять на открытую железную коробку из листового железа. По возможности плотно, с горкой, набивал ее обрезками железа и стали неопределенного состава (обрезки дамаска, стальных и железных пластин), к этой смеси добавлял колото-го чугуна от автомобильных тормозных барабанов (3,5% углерода и 2% кремния) с таким расчетом, что среднее содержание углерода в смеси с учетом веса коробки (или трубы) составляло примерно 1,5%. Часть углерода выгорит при нагреве и ковке, часть чугуна, по опыту, расплавится и вытечет, и в готовом металле останется несколько более 1% углерода, т. е. больше чем в рессоре, но меньше, чем в напильнике. (Рис. 23-24).

Рис. 23

Рис. 24.

Рис. 25.

Рис. 26.

Рис. 27.

Рис. 28.

Рис. 29.

Пакет посыпал флюсом-бурой и нагревал до температуры в 1100-1150 градусов, затем аккуратно проковывал по плоскости, сжимая кусочки до плотного контакта. Сразу нагревать выше, до большей температуры не следовало, потому что чугун расплавится и стечет на дно, а нужно, чтобы его куски были более-менее равномерно распределены по объему.

Этот первично уплотненный брикет нагревал уже выше температуры плавления чугуна и равномерно проворачивал, чтобы расплавленный чугун проник во все щели, растворяя оставшуюся окалину и насыщая углеродом поверхность стальных и железных кусков. Затем опять же аккуратно, не разбрызгивая чугун, еще раз проковывал для уплотнения и сварки, получая более-менее плотный плитку-брусочек. Полезно этот брусочек еще как следует сильно нагреть и пару минут потомить в углях - углерод из объемов жидкого чугуна перейдет в железные части к всеобщей пользе, т. к. и железо науглеродится, и чугун затвердеет, потеряв часть углерода.

Прокованный брусочек-плитку разрезал на 4 части, складывал в пакет и проваривал в монолит обычным порядком. (Рис. 25, 26, 27, 28).

Структура металла все еще слишком груба и не годна к изготовлению лезвия, поэтому брусочек снова складывается вчетверо и проваривается. Полу-

ченный многотрудный металл уже можно использовать в качестве центральной вставки трехслойного клинка для отковки лезвия.

Обкладки изготавливаю таким же образом, из смеси кусков, но без добавления чугуна, чтобы получился упругий и, главное, вязкий металл с невысоким содержанием углерода. (Рис. 29).

Готовый закаленный клинок без труда открывал консервы, при изгибе сначала пружинил, а с увеличением нагрузки мягко поддавался с остаточной деформацией - но не ломался. Что, собственно, и требовалось.

Легендарная технология оказалась вполне рабочей и даже хорошей. Но... с течением времени выяснился один нюанс – никто из местных коряков в Парени и окрестностях о ней даже не слышал, а приезжие довольно единодушно отвергали саму возможность того, что коряки-паренцы с нулевым уровнем пассионарности могли сами, с нуля, разработать столь сложную технологию. Да и откуда в тех краях чугун и трубы в нужном количестве?

Был слух в точности на уровне ОмБС (одна местная бабушка сказала), что «трубной» технологии местных кузнецов когда-то обучил некий ссыльный цыган (а что, цыгане подходят...), но при царях в окрестностях Парени за все время побывало лишь трое ссыльных, да и тех быстро переправляли в более гуманные места. В советское время – да, эзков и трудяг целые пароходы, но на 1000 километров западнее, в Магадане.

И даже нашелся очевидец, который реально видел процесс изготовления клинка по этой технологии на берегу Охотского моря... но лишь в 1983 году и в Аяне, за полторы тысячи километров от Парени. Да, была такая интересная технология, и была именно на Севере, но использовалась ли она когда-нибудь в Парени? Кажется, и эта красивая легенда о пареньском ноже не подтвердилась...

Реалии советской северной жизни привели к тому, что производство ножей в Парени к концу 80-х годов полностью прекратилось, да и само селение практически исчезло. Несколько домов, два десятка жителей – и ни одного кузнеца. Двухсотлетняя легендарная традиция изготовления пареньских ножей прервалась...

Библиографический список

1. Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: книжное издательство «Камчатский печатный двор», 1999 г.
2. Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: 1997 г.
3. Бауэрман К. Жизнь среди пареньских кузнецов (отчет инструктора Пареньской слесарно-кузнечной мастерской, 1929 год).
4. Богачев В. Сталь и пламя Парени. // Северные просторы

ДМИТРИЙ МИЛОСЕРДОВ

**«ЮЖНЫЙ» И «СЕВЕРНЫЙ» ЛУКИ
В КОЛЛЕКЦИИ «ОРУДИЯ ЛОВА»
ГОСУДАРСТВЕННОГО ДАРВИНОВСКОГО МУЗЕЯ**

В статье описываются два лука из собрания Государственного Дарвиновского музея (Россия). Первый – вогульский лук. Вогулы — это устаревшее название малочисленного народа России – манси, являющегося коренным населением Ханты-Мансийского автономного округа. Лук относится к сложносоставным. Его длинное древко (185 см) состоит из спинки и внутренней планки, склеенных между собой и дополнительно зафиксированных в шести местах обмоткой из сухожильных нитей. Второй лук – простой, использовавшийся аборигенами Новой Гвинеи. Он сделан из тёмной древесины саговой пальмы, очень плотной, не подверженной растрескиванию. Длина лука – 163 см. Тетива из полосы бамбука зафиксирована на луке при помощи узлов. Оба лука использовались для охоты и, по мнению, автора, демонстрируют нам две грани изменения охотничьего лука: развития на Севере и стагнации на Юге.

Ключевые слова: *Сложный лук, простой лук, стрелы, наконечник, Государственный дарвиновский музей, народы Севера, папуасы Новой Гвинеи.*

В нашей статье речь пойдёт о двух луках из фондов Дарвиновского музея, условно названных нами «северным» и «южным». Если же рассматривать экспонаты, о которых мы планируем рассказать, подробнее, то речь о вогульском луке и луке папуасов Новой Гвинеи.

Прежде всего, хотелось бы рассказать немного о луках вообще и о луках народов Севера.

Лук — охотничье и боевое оружие для метания стрел. Изобретение лука, примерно 10 тыс. лет до н.э., и последовавшая эволюция его формы привели к переходу от коллективной облавной охоты к другим способам её организации. Нет общего мнения, когда и где именно на Севере появился лук. Приблизительно, не боясь ошибиться, можно датировать его появление мезолитом. Древнейшие находки луков сделаны в Шигиринском торфянике (4–2-е тыс. до н.э.) [1], их изображения известны по сибирским и беломорским петроглифам (1-е тыс. н.э.) [2].

У народов Севера известны два вида луков — простой и сложный. Простой — гибкое, вырезанное из куска хвойного или лиственного дерева древко, согнутое в дугу, концы которого стянуты тетивой. Сложный лук, на котором мы остановимся подробнее, состоит из нескольких деталей. Каждая его часть имеет своё название: середина древка — рукоять, конец — пальцы, длинные упругие части между рукоятью и концами — рога или плечи. Сторона, во время стрельбы обращённая к цели, — спинка, а обращённая к стрелку — внутренняя. Места соединения деталей — узлы.

Сложный лук часто был короче простого, но обычно тяжелее. Спинку лука изготавливали из прочной смолистой древесины хвойных пород. Нанайцы и орочи делали лук из бука, нивхи — из ясеня, тополя и ивы, чукчи — из плавуна, собираемого на морском или речном берегу. Заготовки спинки сушили 2–3 дня и обтёсывали топором, придавая им форму планок с одной закруглённой и одной плоской стороной, и выгибали на деревянной дуге (гибале). Для сохранения формы спинку из смолистой древесины на гибале пропитывали кедровой смолой: нагревали над костром и втирали в неё мелкой древесной стружкой растёртую смолу, пока она переставала впитываться. Затем выгнутую спинку отвязывали, очищали от лишней смолы, берёзовую и смолистую половинки связывали плоскими сторонами при помощи кедрового корня или тонких жил, проклеивали, под привязь загоняли деревянные клинышки. Связанные заготовки сушили один день, после чего приклеивали к ним пальцы. Пальцы сложного лука делали из брусков черёмухи. Места со-

единений прочно скрепляли сплошной обмоткой из сухожильных нитей. Весь лук сушили, затем скоблили ножом, часто оклеивали для предохранения от сырости берестой, вываренной в рыбьем клее, и снова сушили. Высушенный ненатянутый лук выгнут в сторону, обратную той, в которую он выгибается в натянутом состоянии.

Е. А. Глинский выделяет локальные типы сложных луков народов Сибири, например, восточносибирский и арктический [3]. Однако у народов Севера бытовали не самые сложные из составных луков. Степные народы, китайцы и русские, использовали луки сложной конструкции «кочевнического типа»: на спинку наклеивали продольные сухожилия, придававшие ей большую эластичность, пальцы и рукоять закрывали костяными накладками сложного профиля, в результате чего лук получал характерную волнистую форму.

Хотелось бы отметить важное отличие луков северного типа от сложных луков евразийских степей. Центральные-азиатские луки исследователи подразделяют на типы по наличию и местоположению костяных накладок. По такому же принципу классифицируются луки средневековых племён Западной Сибири и Дальнего Востока. Характерной особенностью луков северного типа является отсутствие костяных накладок. Они снабжены костяными или деревянными концевыми вкладышами, служащими как усилителями, так и своеобразными рычагами, придающими дополнительную силу плечам лука [4].

На готовый лук надевали съёмную тетиву. У чукчей, эвенков, якутов и манси тетива делалась из сыромятных ремней. У ханты она свивалась из двух прядей конопляной или крапивной кудели, вымачивалась, вытягивалась путём наматывания на деревянные бруски, высушивалась, вновь вымачивалась в горячем клее, вытягивалась и просушивалась, затем оклеивалась берестой. У народов Приамурья для тетивы применялись покупные шёлковые нити. Существовало несколько способов крепления тетивы: у нанайцев она привязывалась через отверстия на концы древка, у манси накладывалась на продольную или поперечную нарезку на древке, у алеутов, чукчей, коряков навешивалась петлёй на скошенные концы древка, у нивхов, якутов, ханты,

ненцев, коми-зырян крепилась на специальной чашкообразной форме на древке.

Лук, хранящийся в нашем музее под номером НВФ-7926, записан как: «Лук вогульский. Из с.....(Неразборчиво) Березовского уезда Тобольской губернии». Попал он в наш музей вместе с другими орудиями лова из коллекции Пушного отдела Политехнического музея при её расформировании. Вогулы — это устаревшее название малочисленного народа России – манси, являющегося коренным населением Ханты-Мансийского автономного округа. Судя по признакам, перечисленным в нашей статье, лук на самом деле принадлежал манси.

Рисунок 1. Лук вогульский (манси ?)

Рис. 2. Отличия древесины спинки и внутренней планки сложного лука. Фиксация сухожильными нитями.

Рис. 3. Крепление тетивы вогульского лука

Давайте рассмотрим лук внимательней (Рис. 1). Лук из наших фондов относится к сложносоставным. Его длинное древко (185 см) состоит из спинки и внутренней планки, склеенных между собой и дополнительно зафиксированных в шести местах обмоткой из сухожильных нитей (Рис. 2). То, что древесина, использованная для изготовления спинки лука и внутренней планки разные, — видно невооружённым глазом. На концах древка — деревянные пальцы длиной в 20 см, которые крепятся к древку на клею и дополнительно зафиксированы сухожильными нитями. Типичная для манси тетива из кручёного сыромятного ремня, закреплена на поперечной нарезке на пальцах лука

Рис. 4. Стрелы

Рис. 5. Наконечник для охоты на пушного зверя.

(Рис. 3). Рукоятка лука не оформлена, что, как выше было сказано, типично для луков народов Севера.

Кроме лука, в нашей коллекции хранятся стрелы к нему (Рис. 4). Вообще стрелы представляли собой деревянный стержень (древко), на котором крепились наконечник и оперение. Для стрел выбирали дерево с прочной и прямослойной древесиной (береза, сосна, ель) [5]. Материал для стрел заготавливали осенью, чурбаки долго просушивали. Наконечники делали из камня (кремень), кости и железа. Они бывали втульчатыми (глухая коническая втулка крепится при помощи клея на заострённом конце древка) и черешковыми (острый шиловидный или плоский черешок, смазанный клеем, вставляется в торец древка, обматывается сухожильными нитками и иногда ещё тонкой полоской бересты). Кроме того, у народов Севера имелись специальные наконечники стрел для охоты на пушного зверя — тупые костяные или деревянные, чтобы не портить шкурку [6] (Рис. 5). Стрелы могли быть без оперения (например, нанайские стрелы без наконечника с заточенным концом, чукотские стрелы с костяными наконечниками; иногда оперение имитировалось краской на древке) и с оперением, защемлённым, привязанным или приклеенным к древку. Для прочности оперение укрепляли винтообразной обмоткой по клею конским волосом или ниткой, а конец пера (длиной до 2 см) закрепляли сплошной обмоткой по клею. Оперение имело 2, 3, 4, реже 6 одинаковых лопастей, загнутых в одну сторону (Рис. 6). Это способствовало устойчивости стрелы в полёте и придавало ей винтообразное движение.

Длинные стрелы из нашего музея (91 и 93 см) как раз предназначены для охоты на пушного зверя. Их оперение, состоящее из трёх лопастей, закреплено в пропилах на клею и дополнительно зафиксировано сверху и снизу сухожильными нитями. Сухожильные нити оклеены берестой для предохранения от влаги. Берестой же оклеена и пятки стрел — пропилы, в которые входит

Рис. 6. Оперение стрелы.

Рисунок 7. Пятка стрелы.

тетива при стрельбе (Рис. 7). Наконечники же стрел немного отличаются друг от друга. У одной стрелы наконечник представлен просто деревянной «колотушкой» — расширением древка. А у другой в подобную «колотушку» закреплён кусок обработанной трубчатой кости (Рис. 4).

В заключение надо добавить, что для предохранения лука от механических повреждений и сырости использовалось носимое с левой стороны налучье — плоский деревянный футляр-каркас, обтянутый кожей или плотной материей. Для стрел имелся колчан, цилиндрический, плоский или полукруглый, который изготавливали из дерева, бересты или кожи. Колчан в длину был на 10–20 см короче, чем стрелы. Иногда он закрывался сверху деревянной крышкой. Обычно колчан вмещал 15–20 стрел, окрашенных, в зависимости от назначения, в различные цвета и размещённых по внутренним отделениям оперением вверх. Колчан носили с правой стороны или за спиной.

К сожалению, налучье и колчан к нам в фонды не попали.

При стрельбе лучник доставал стрелу из колчана правой рукой, подавал наконечником вперед, придерживая древко стрелы пальцами левой руки, сжимающей спинку лука, проверял качество стрелы (отсутствие стружек, шероховатостей, состояние оперения); дойдя до ушка стрелы, резким движением накладывал её на тетиву. Тетиву натягивал до тех пор, пока наконечник стрелы не доходил до большого пальца левой руки. Самым рациональным из способов натяжения считался «арабский» — до полного сгиба правой руки, так, чтобы предплечье было на уровне плеча или немного выше. Для более точного прицеливания стрела должна была находиться на уровне глаз. У народов Севера был распространён так называемый «средиземноморский» способ захвата тетивы: тетива натягивается указательным и средним пальцами,

им помогает безымянный палец, стрела держится между указательным и средним пальцами, а большой палец и мизинец остаются свободными [7]. Для защиты пальцев использовались кожаные перчатки, а запястий — кольца и щитки. Стреляли из лука с земли или из лодки, стоя или с колена, дальность полёта стрелы была незначительной.

С распространением огнестрельного оружия у народов Севера в конце XIX - начале XX вв. луки практически вышли из употребления. Они повсеместно были заменены ружьями, сначала кремневыми, затем пистонными, а позже винтовками и дробовиками. Однако ещё в 40-50-е годы XX века при охоте на птиц и в некоторых видах охоты на дикого северного оленя, использовались луки, что в значительной степени было связано с дороговизной, и дефицитом боеприпасов.

А вот луки Южных морей, в том числе папуасов Новой Гвинеи, относятся к категории простых. Такие луки вообще получили наибольшее распространение среди так называемых «первобытных» народов – племён Африки, Южной Америки, островов Меланезии. До сих пор живущие в каменном веке аборигены Новой Гвинеи изготавливают примитивные луки. Несмотря на это, большинство таких луков – мощное оружие. Некоторые достигают 183 см и иногда выше [8]. Типичный папуасский лук изготовлен из древесины саговой пальмы. Сторона, обращённая к тетиве (брюшко) – плоская, внешняя сторона (спинка) – закруглённая. Тетива лука изготовлена из бамбука. Лук не изменился за последние 100 лет, в чём легко убедиться, взглянув на экспонаты из коллекции музея Азии и Тихого океана (Варшава), относящиеся к концу 19 века и представленные в каталоге выставки «Магическое оружие небес» [9] и луки, описанные этнографами в конце 19 – начале 20 века. Вот что пишет Стерлинг в своей книге «Аборигены Новой Гвинеи»: «Для жителей Новой Гвинеи лук — типичное оружие, изготовленный из чёрного пальмового дерева (*саговая пальма*) с бамбуковой тетивой» [10]. Лук из наших фондов под номером КП НВФ 13059 точно такой же, как описано выше (Рис. 8). Тёмная древесина саговой пальмы, из которой изготовлен лук, очень плотная, не подверженная растрескиванию. Длина лука – 163 см. Тетива из полосы бамбука зафиксирована на луке при помощи узлов (Рис. 8а).

Рис. 8. Лук папуасов Новой Гвинеи.

Рис. 8а. Крепление тетивы лука папуасов Новой Гвинеи

Рис. 9. Стрелы папуасов Новой Гвинеи

стрел [13]. Деревянные вставки длиной примерно 35-40 см утяжеляют стрелу, а наконечники — костяные (из трубчатых костей птиц) и из-за этого лёгкие. Деревянная часть фиксируется в тростнике на одной стреле при помощи ротанговой оплётки (традиционный способ), а на второй — при помощи тонкой медной проволоки. В отличие от лука, который никак не украшен, стрелы (их деревянная часть) богато орнаментированы резьбой, типичной для папуасов Новой Гвинеи [14, 15, 16]. Это различные геометрические узоры [17], окрашенные белым и красным красителями. Оперения у стрел нет. Но, это и не нужно, так как в джунглях нет необходимости стрелять на большое расстояние.

Рис. 10. Наконечники стрел папуасов Новой Гвинеи

В фондах так же хранятся две стрелы № КП НВФ 13061 и 13062, поступившие с луком (Рис. 9). Стрелы у папуасов сделаны искусно, с бамбуковыми или костяными наконечниками [11]. Древко стрел изготовлено из стеблей тростника [12], в которых расположены деревянные вставки. Длина стрел значительная: 111 и 131 см. Это — стандартная длина для таких

Наконечники, один из которых 8,5 длиной, а другой - 13 см, крепятся при помощи смолы [18] (Рис. 10). О том, что это охотничьи стрелы говорит отсутствие

зазубрин на наконечниках.

Несмотря на то, что стрелы кажутся лёгкими, папуасы Новой Гвинеи охотятся с ними на довольно крупную добычу, например, казуаров и диких свиней [19].

Эти два лука народностей, находящихся далеко от цивилизации, демонстрируют нам две грани изменения охотничьего лука: развития на Севере и стагнации на Юге.

Примечания

1. Археология СССР, Мезолит СССР/Под ред. Б. А. Рыбакова. — М.: Наука, 1989. — С. 140.
2. Саватеев Ю. И. Петроглифы Карелии. П.: Карелия, 1976. — С. 2-3.
3. Глинский Е. А. Лук и стрелы народов Крайнего Северо-Востока Сибири как историко-культурное явление:// Автореферат диссертации / — Л.: АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1986.
4. Шокарев Ю. В. Луки и арбалеты. — М.: Астрель, 2001. — С.23.
5. Там же — С. 27.
6. Матюшин Г. Н. Археологический словарь. — М.: Просвещение, 1996. — С.23
7. Стоун Д. К. Оружие и доспехи всех времён и народов. — М.: Астрель, 2008. —С. 377-378.
8. Стоун Д. К. Оружие и доспехи всех времён и народов.— М.: Астрель, 2008.— С. 373-374.
9. K. Morawski. Magikal Weapons from the Sky. From the Indonesian collection of the Asia and Pacific Museum in Warsaw. Warsaw/Moscow 2013.— P. 244
10. M. W. Stirling. The native peoples of New Guinea, Published by the Smithsonian institution, 1943.— P. 20.
11. Там же. — P. 20.
12. T. Bush. Form and Decoration of Arrows from the Highlands of Papua New Guinea.// Records of the Australian Museum, 1985. —P. 266.

13. K. Morawski. Magikal Weapons from the Sky. From the Indonesian collection of the Asia and Pacific Museum in Warsaw. Warsaw/Moscow 2013. —P. 244.
14. M. W. Stirling. The native peoples of New Guinea, Published by the Smithsonian institution, 1943. —P. 20.
15. B. Lewis. Field Museum of Natural History Decoration and ornament -- New Guinea; Decoration and ornament. Chicago, Field Museum of Natural History. Chicago, 1925. —P 2, P 21.
16. T. Bush. Form and Decoration of Arrows from the Highlands of Papua New Guinea.// Records of the Australian Museum, 1985.— P. 258.
17. B. A. L. Cranstone. Melanesia: A Short Ethnography. London: Trustees of the British Museum, 1961.— P. 62-64
18. T. Bush. Form and Decoration of Arrows from the Highlands of Papua New Guinea.//. Records of the Australian Museum, 1985. — P. 265
19. M. W. Stirling. The native peoples of New Guinea, Published by the Smithsonian institution, 1943. — P. 215.

Библиографический список

1. Археология СССР, Мезолит СССР./ Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1989
2. Глинский Е. А. Лук и стрелы народов Крайнего Северо-Востока Сибири как историко-культурное явление: Автореферат диссертации / Л.: АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1986.
3. Матюшин Г. Н. Археологический словарь.—М.: Просвещение, 1996
4. Саватеев Ю. И. Петроглифы Карелии. П.: Карелия, 1976
5. Стоун Д. К. Оружие и доспехи всех времён и народов. М.: Астрель, 2008
6. Шокарев Ю. В. Луки и арбалеты. М.: Астрель, 2001
7. T. Bush. Form and Decoration of Arrows from the Highlands of Papua New Guinea. Records of the Australian Museum, 1985.
8. B. A. L. Cranstone. Melanesia: A Short Ethnography. London: Trustees of the British Museum, 1961.

9. B. Lewis. Field Museum of Natural History Decoration and ornament — New Guinea; Decoration and ornament. Chicago, Field Museum of Natural History. Chicago. 1925.
10. K. Morawski. Magikal Weapons from the Sky. From the Indonesian collection of the Asia and Pacific Museum in Warsaw. Warsaw/Moscow 2013
11. M. W. Stirling. The native peoples of New Guinea, Published by the Smithsonian institution, 1943.

ДМИТРИЙ ЗАХАРОВ
ЭДУАРД ТЕРЕХОВ
АЛЕКСАНДР УСТЬЯНОВ

НЕОПИСАННЫЙ РУССКИЙ ТЕСАК
ШУВАЛОВСКОГО ОБСЕРВАЦИОННОГО КОРПУСА¹

В статье описывается разновидность саперного тесака, который до настоящего времени не вошел ни в одно из описаний русского холодного оружия. Автор атрибутирует его не как модификацию известного саперного тесака обр. 1797 г., а как предшествующую ему модель, тесак пехотный Шуваловского Обсервационного корпуса обр. 1756 г. Именно он послужил началом целой линии русского оружия, которая продолжилась саперными тесаками образца 1797 и 1827 гг., превратившись из боевого оружия во вспомогательное. Основное отличие шуваловского тесака от последующих саперных тесаков состоит в толщине клинка и следовательно весе оружия.

Ключевые слова: Тесак, саперный, Шуваловский Обсервационный Корпус, холодное оружие, Россия, модификация

Существует русский тесак, который не вошел ни в одно описание русского холодного оружия. Нет его ни в каталоге Кулинского, ни в других изданиях, хотя в обсуждениях на оружейных форумах он все же встречается, есть и в музейных собраниях Военно-исторический Музей артиллерии,

¹ Обсервационный корпус - подразделение русской армии принимавшее участие в Семилетней войне. Образован в 1756 г., расформирован в 1760 г. Численность 29 тысяч человек, состоял из одного гренадерского и пяти мушкетерских полков и полковой артиллерии («обсервационный» от лат. observetio, onis (наблюдение) – «наблюдательный»).

инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге и Тульского музея оружия. Точно атрибутировать его так никто до сих пор и не смог. Его либо атрибутируют как разновидность саперного тесака обр. 1797 года, либо как более позднюю модель начала 19-ого века. Из экспертизы Кулинского на тесак из коллекции А.Гнедовского: «Устройство ножен, да и общая архитектура предмета позволяют отнести его с абсолютной уверенностью к русскому холодному оружию... Скорее всего, эта модификация тесака обр. 1797 г. появилась в начале 19 в. или 1810 годах; она могла быть предназначена для использования в каких-нибудь саперных подразделениях или на флоте (но не в морской артиллерии, для которой был установлен специальный тесак)», «автору экспертизы известен аналогичный предмет без следов окраски, с ножнами почти идеальной сохранности, покрытыми коричневой кожей, многие годы хранившийся в Военно-историческом музее, причем не исключено, что в коллекции образцового оружия», «исследовавшийся тесак представляет собой большую историко-культурную ценность как довольно хорошо сохранившийся редкий экземпляр русского холодного оружия 1-й четверти 19 века».

Однако есть все основания считать, что обсуждаемый тесак является не производным тесака обр. 1797 года, а наоборот его предтечей, тесаком Шуваловского Обсервационного корпуса обр. 1756 г. Описание тесака Обсервационного корпуса из статьи Татарникова, источником которого является архивный документ: «Взамен обычных шпаг, унтер-офицеры, капралы, писари, барабанщики, флейтчики, цирюльники, строевые гренадеры и мушкетеры, гантлангеры, музыканты, русские мастеровые, полковые профосы и дьячки вооружались «малыми» или же «легкими» тесаками «наподобие кортика». Клинки у этих тесаков были кованые, точеные и полированные; эфесы «черные деревянные», со «сквозными гайками»; ножны из черной яловичной кожи, с костыльком (крючком), верхней и нижней бляхами полированного железа.»[1] Длина тесака - 68 см, клинок - 49 см, ширина - 52 мм обух - 64 мм вес - около 1000 (+-100) гр. Клинок стальной, незначительной кривизны. Эфес состоит из деревянной рукояти черного цвета и крестовины, концы которой загнуты в

противоположные стороны. В головке рукояти есть отверстие для темляка. Ножны деревянные, обтянутые кожей. Прибор ножен железный, состоит из устья с крючком и крестовины. На первых двух тесаках клейм обнаружить не удалось, однако на тесаке из коллекции Э.Терехова есть клеймо Тульского оружейного завода «ТЛ». (Рис. 1 – 8).

Рис. 1.

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6.

Рис. 7

Рис. 8

Количество изготовленных тесаков точно не известно, но их было не менее 7000 шт. «Одна из крупных партий нового оружия — 1.000 тесаков для Гренадерского полка, 7.000 тесаков для Третьего, Четвертого Пятого мушкетерских полков ... была отправлена к полкам в январе 1758 г.»[2]

Несмотря на то, что тесаки подобной формы в дальнейшем использовались как саперные или пионерные создан он был именно как тесак пехотный. Этот тесак послужил началом целой линии русского оружия, которая продолжилась саперными тесакими образца 1797 и 1827 гг. и в результате этих модификаций из боевого оружия превратился в вспомогательное. Основное отличие шуваловского тесака от последующих саперных тесаков в толщине клинка и следовательно весе. Вес шуваловского тесака около 1000 гр, а саперного обр. 1797 г около 1300 гр. Для саперного тесака 1797 г. потребовалась большая толщина клинка, чтобы можно было разместить двухрядную пилу. С этим же, вероятно, связано и изменение формы крестовины. Загнутые к рукояти концы крестовины как раз хорошо обеспечивают именно процесс пиления на всю длину пилы.

Первые тесаки образца 1797 года (ссылка на кулинский стр.269, 274), по всей видимости, повторяли обсервационный тесак, за исключением крестовины и имели мелкие зубцы (до 49). Однако такая пила плохо себя проявила, и принято было решение увеличить толщину клинка, чтобы увеличить размер зубцов. В связи с утолщением клинка потребовалось уменьшение веса тесака — отсюда появились большие долы и количество зубцов сократилось до 25.

После расформирования Обсервационного корпуса в 1760 г. тесаки продолжали использовать в русской армии и на флоте вплоть до царствования Николая I. Те тесаки обр. 1756 г. использовались около 100 лет - поразительное долголетие для холодного оружия.

Трудность с отслеживанием дальнейшего бытования шуваловских обсервационных тесаков состоит в том, что в дальнейшем тесак образца 1756 года именовался в документах по-разному. Наряду с названием «шуваловский» или «обсервационный» тесак использовались и такие наименования как «фашинный нож», «пионерный тесак».

Несколько упоминаний удалось найти в литературе и архивах.

«Огнестрельное и холодное оружие нижних чинов флота было регламентировано 1 декабря 1803 г.: «Слушали предложение г-на товарища министра морских сил и кавалера Павла Васильевича Чичагова, при котором, препровождая разные по артиллерийской части вещи, а именно: мушкетоны и тесаки двоякого рода, пистолет, портупею, патронташ и рог для пороху,

которые представлены были им на усмотрение Его И.В., и кои высочайше повелено иметь образцами, предлагает: о учинении предписания артиллерийской экспедиции, чтобы тесаков по образцу под № 1 сделано было столько, сколько имеется в магазинах тесаков старых Шуваловского observationalного корпуса, а по образцу под № 2, такое количество, какое из старых гусарских сабель набрать можно будет, мушкетонов — половину коротких, а другую половину - длинных, пистолеты же все иметь на портупее через плечо и на крючке».[3]

«15 Октября 1804 года Генерал-Цейхмейстер Геринг – Чичагову: «... за сим ...недоставать будет 286 гусарских сабель да 350 тесаков каковые уповательно имеются в комиссариате военной коллегии, от которой отобрано мною сведение, что гусарская сабля стоит 4 руб 70 5/8 коп, а шуваловский observationalного корпуса тесак под именем тесака пионерного 1 руб 48 коп.»[4]

«11-го Апреля 1817 - новоучрежденнымъ Военно-рабочимъ баталіонамъ ведомства Путей Сообщенія присвоено нижеследующее обмундированіе и вооруженіе: Рядовымъ мастеровымъ и рабочимъ - мундиръ однобортный темнозеленый, съ воротникомъ, обшлагами и погонами черными, съ выпушкою (вокругъ воротника, обшлаговъ, клапановъ и на фалдахъ), номеромъ баталіона на погонахъ и подкладкою подъ оными светлозеленаго цвета и съ пуговицами оловянными; зимнія панталоны темнозеленыя съ светлозеленою выпушкою и съ козырьками у крагъ, а летнія - изъ фламскаго полотна, киверь безъ этишкетовъ съ репейкомъ, у коего окружіе белое, а середина черная, съ чешуею изъ белой жести, и съ такою же арматурою, изображающею две на-крестъ-положенныя лопаты; шинель серая съ воротникомъ и погонами такими же какъ на мундире; фашинный ножъ, безъ

темляка съ рукояткою и ножнами черными и съ оправою железною, портупея черная лакированная, съ пряжкой изъ желтой меди, ранце и водоносная фляжа пехотные, съ ремнями черными.»[5]

«Сентября 23 дня 1830 года. Рапорт Капитан-лейтенанта Тюкина в Артиллерийский Департамент Морского Министерства. По предписанию Арт Депа от 4-го числа Сентября принято в здешние Артиллерийские магазины сего числа , из сухопутного артиллерийского арсенала, потребные к отправлению в Кронштадт для нижних чинов находящихся во вновь сформированной №6 Арестантской роте, - Тесаков Пионерных Старого образца без пил с ножнами двадцать, Арт Деп-у донести честь имею и о записке показанных тесаков в приход прошу снабдить повелением.»[6]

«К 1 числу Марта 1831 года по наличию в Кронштадте Тесаков в Магазилах нового образца с медным прибором - 115 годных - 345 починочных старого манира с медными эфесами - 35 починочных с железными - 72 починочных обсервационных - 4 починочных в Арсенале нового образца с медным прибором - 369 годных - 66 починочных»[7]

Библиографический список

1. К. Татарников Обсервационный корпус. 1756-1760 гг.
Обмундирование и снаряжение. (На правах рукописи) стр. 14 // <http://www.reenactor.ru>
2. К. Татарников Обсервационный корпус. 1756-1760 гг.
Обмундирование и снаряжение. (На правах рукописи) стр. 11 // <http://www.reenactor.ru>
3. Устьянов А.Л. Гравюра «Русские морские солдаты и моряки в Лейпциге 7 апреля 1810 года» как исторический источник // История военного дела: исследования и источники. - 2013. - Т. IV. - С. 179-180.
4. РГА ВМФ ф. 166 оп. 1 д. 1993 л. 10
5. Историческое описание одежды и вооружения российских войск», 1900, т. 12, с. 61 - 64
6. РГА ВМФ ф. 165 оп. 1 д. 137 л. 12
7. РГА ВМФ ф. 165 оп. 1 д. 92 л. 46

КОНСТАНТИН АНИКИН

ШПАГА МАРКШЕЙДЕРА В.Ф. ЛУДЛОВА¹

Статья представляет интересный образец холодного оружия из коллекции Свердловского областного краеведческого музея – шпагу с заказным клинком, принадлежавшую горному инженеру Лудлову.

Ключевые слова: Шпага, В. Ф. Лудлов, горный инженер, Новая Земля, Златоуст, Шаф и сыновья, Бушуев, Горное ведомство

В фондах Свердловского областного краеведческого музея хранится шпага, некогда принадлежавшая В. Ф. Лудлову. Этот уникальный предмет поступил в музей Уральского общества любителей естествознания в марте 1913 г. от Д. Орлова. (Рис. 1.)

Рис. 1. Пехотная офицерская шпага обр. 1798 г., принадлежавшая В.Ф. Лудлову

Готтлиб Вильгельм Лудлофф родился в 1779 г. в небольшом немецком городке Зондерсхаузен (Sondershausen) в Тюрингии, в то время бывшем столицей княжества Шварцбург-Зондерсгаузен. В двадцатилетнем возрасте, 22 апреля 1799 г. он подает прошение в Курсаксонский Обербергамт (высшее горное начальство) о приеме на обучение в Берг-академию Фрайберга. 10 мая Обербергамт сообщил об этом удельному князю, курфюрсту Фридриху Авгу-

¹ Автор выражает искреннюю признательность эксперту Министерства культуры РФ А. В. Гвоздевичу за профессиональную консультацию.

сту, а уже 23 мая княжеским рескриптом учёба Лудлоффа в Берг-академии была согласована.

Будучи местным уроженцем, Лудлофф, вероятнее всего, приступил к обучению немедленно. Как свидетельствует доклад ректора Берг-академии Абрахама Готтлиба Вернера от 16 декабря 1799 г., молодой человек изучал «Искусство горного дела» и ориктогнозию (раздел минералогии, посвященный способам распознавания и классификации минералов) [1].

По окончании наук Лудлофф служит горным ассессором княжества Шварцбурга, а в 1805 г. приезжает в Россию, где поступает на службу в чине берггешворена (горный чин XII класса, надзиратель за ходом работ в руднике). Год спустя граф Н. П. Румянцев на собственные средства снаряжает экспедицию на Новую Землю с целью поиска серебра и золотоносных руд. По рекомендации действительного статского советника А. Ф. Дерябина руководство экспедицией поручают нашему горному чиновнику, на тот момент уже именовавшемуся на русский манер Василием Федоровичем Лудловым и служившему на Гороблагодатских заводах на Урале.

Выделить и снарядить судно для путешествия на Новую Землю должна была Беломорская компания, которая «избрала для этого одномачтовый тендер «Пчелу», в 35 тонн, который она прежде употребляла для промыслов и который с 1806 на 1807 год зимовал в Екатерининской гавани. Для управления им наняли штурмана 9-го класса Пospelова... Пospelов отправился из Архангельска 7 марта 1807 года и прибыл 21-го в Колу, а 29-го того же месяца присоединился к нему и Лудлов, который еще в конце июля 1806 года приехал в Архангельск» [2], где ему и пришлось зимовать.

Благодаря энергичным действиям и поморской смекалке Пospelова судно удалось довольно быстро привести «в совершенную готовность к походу». 29 июня «Пчела выходит в море, имея на борту, помимо Пospelова и Лудлова, кормщика Мясникова, восемь матросов и двух работников. Лишенный привычки к морским путешествиям инженер на протяжении всего пути сильно страдает от морской болезни.

Утром 17 июля путешественники увидели берег Новой Земли. Однако прилежные изыскания Лудлова не дают желаемого результата – он обнару-

живает лишь гипс, серу и медный колчедан. Несмотря на очевидную неудачу в поиске серебра, Лудлов находит Новую Землю достойной более обстоятельных минералогических исследований. Кроме того, им высказывается гипотеза о том, что горы Новой Земли не являются продолжением Уральского хребта, как это считалось прежде.

12 августа Поспелов докладывает Лудлову о готовности судна к плаванию и получает приказ немедленно сниматься с якоря и кратчайшим путем идти в Архангельск. На обратном пути корабль несколько раз попадает в шторм. 2 сентября 1807 г. Василий Федорович, «не будучи более в состоянии переносить жестокую морскую болезнь», сходит на берег в деревне Ручьи, чтобы далее следовать в Архангельск берегом.

По возвращении в Санкт-Петербург Лудлов удостоивается высочайшей аудиенции у государя и награждается чином маркшейдера IX класса. Впрочем, широкой известности экспедиция по понятным причинам не получает. Лишь в 1818 г. журнал «Сын Отечества» (№ 45) публикует небольшую статью, записанную со слов Лудлова. Помимо множества фактических неточностей (все же прошло 11 лет), статья содержала нелюбезные и несправедливые упреки в адрес Поспелова. Очевидно, отношения этих двух незаурядных людей были далеко не простыми.

Отдохнув от экспедиционных передышек, Василий Федорович возвращается на Урал. 15 апреля 1808 г. он был назначен помощником управляющего Серебрянского завода, однако пробыл там недолго и 28 августа 1808 г. был перемещен на Пермские заводы в качестве главного горного смотрителя и члена Главной конторы. В 1814 г. Лудлов по собственной его просьбе был уволен со службы (вероятнее всего, в связи с неважным состоянием здоровья). В 1816 г. Лудлов возвращается в должность бергмейстера по Юговской и Кыласовской горным дистанциям и члена Главной конторы и пребывает на ней до 1819 г. Судя по всему, инженер был убежденным холостяком, поскольку в возрасте сорока лет не был женат и не имел детей. [3]

Последняя достоверная информация о карьере Лудлова приводится в Горном журнале за 1825 г.: «28 февраля 1825 г. учрежден Ученый комитет по горной и соляной части при Департаменте горных и соляных дел Министер-

ства финансов (33 действительных члена, 27 сотрудников, 43 члена-корреспондента). В число последних от Горных заводов Уральского хребта вошел маркшейдер Лудлов». [4] Сведений о дальнейшей судьбе Василия Федоровича в настоящее время не обнаружено.

Пехотная офицерская шпага образца 1798 г., принадлежавшая Лудлову, примечательна заказным клинком, изготовленным в Златоусте предположительно в начале 1820-х годов, о чем свидетельствует раннее клеймо фирмы «Шаф и сыновья» с надписью «Златоусть.». (Рис. 2) Особенности композиции и техники гравюры на стали позволяют предположить, что перед нами одна из ранних работ знаменитого русского оружейника Ивана Бушуева. Клинок мог быть заказан к 40-летнему юбилею Лудлова (1819 г.), когда Бушуев уже работал у «Шафов», но еще не имел права подписывать свои работы.

Рис. 2.

С одной стороны клинка выгравировано имя владельца «G.W. Ludloff», с другой – старинный девиз немецких шахтеров «Glück auf!» (пожелание счастливого возвращения из шахты на поверхность земли). (Рис. 3, 4) Символику горнодобывающей отрасли дополняют перекрещенные шахтерские молотки и другие инструменты горного инженера – книги, глобус, секстан, реторта и т.д. (Рис. 5, 6, 7) К сожалению, предмет поступил в музей с серьезной утратой – обломленным острием клинка.

В настоящее время уральским историкам неизвестны другие подобные шпаги горных офицеров с заказным клинком. Поэтому вопрос, почему по-

добное оружие было изготовлено именно для горного чиновника не самого высокого ранга В.Ф. Лудлова, пока остается открытым.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Литература:

1. Архив Университета Фрайберга, фонд Обербергамта (Universitätsarchiv Freiberg, Bestand OVA 13, 188)
2. Литке Ф. П. 1828. Четырёхкратное путешествие в Северный Ледовитый океан
3. Формулярный список о служащих при Пермских заводах. 1819 г.
4. Горный журнал. 1825 г.

СЕРГЕЙ САМГИН

**ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ЛЕКЦИОННОГО КОМПЛЕКСА
«ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ»**

В статье обобщается опыт разработки и чтения курса лекций по теме «Введение в историческое оружиеведение». Историческое оружиеведение давно имеет статус вспомогательной исторической дисциплины. Но в России это направление пока еще не сформировалось до конца. Основная причина – ограничение изучения истории оружия в советский период: деятельность специалистов прерывалась, исследования не печатались, иностранные труды не переводились. Сегодня историческое оружиеведение в России вновь завоевывает утраченные позиции. И достаточно успешно.

Однако ситуация с подготовкой будущих специалистов в этой области не изменилась: образовательных программ по этому направлению просто не существует. Между тем, такие программы способствовали бы не только формированию интереса к историческому оружию, но и закладывали бы основу для профессиональной специализации историка.

Эти задачи должен был решать курс лекций «Введение в историческое оружиеведение», разработанный летом - осенью 2013 г. Курс состоит из трех блоков: базовый - 6 лекций (12 часов), факультативный - 2 лекции (4 часа), специализированный - 5 лекций (10 часов). В совокупности все три блока образуют углубленный курс из 13 лекций (26 часов).

При разработке курса использовалась литература, изданная в XIX - XX в.в., и включающая российские и зарубежные исследования по оружиеведению. В практических занятиях использовалось историческое оружие, предостав-

ленное Тамбовским областным краеведческим музеем и частными коллекционерами.

Курс лекций представляет собой одну из первых попыток создания курса по историческому оружиюведению в России. Его преимуществами являются использование большого количества иллюстративного материала, сгруппированного в комплекты слайдов к каждой лекции, организация практических занятий с образцами исторического оружия, гибкость и адаптируемость к требованиям образовательного процесса.

Курс был апробирован весной 2014 г. в ходе занятий со студентами-историками 2-го курса Тамбовского Государственного Университета. Полученные результаты могут быть расценены как положительные.

Ключевые слова: *оружиеведение, историческое оружие, исследовательские центры, вспомогательная (специальная) историческая дисциплина, курс лекций, Тамбовский государственный университет.*

Отношение к историческому оружиюведению в российской исторической науке варьируется от устойчивого причисления к вспомогательным (специальным) историческим дисциплинам «в последние годы» [1] до отнесения к вспомогательным дисциплинам, которым еще только предстоит определение объекта исследования, формулировка задач и методов по его изучению [2].

Между тем, если следовать логике содержания понятия «вспомогательные (специальные) исторические дисциплины», нахождение среди них исторического оружиюведения видится бесспорным. Данная дисциплина давно уже имеет свой объект, предмет и методы исследования и оказывает серьезное содействие истории - роль оружия как исторического источника трудно переоценить: его исследование способно не только подтвердить или опровергнуть какие-либо сведения, датировать или определить культурную принадлежность какого-либо памятника, но и оценить уровень развития экономики древних обществ, уточнить их хронологию и территориальные границы. Историческое оружиюведение взаимодействует с другими вспомогательными историческими дисциплинами. Так, например, вместе с палеографией и эпиграфикой занимается изучением подписного оружия, а вместе с геральди-

кой и эмблематикой – оружейные клейма и монограммы. Есть у исторического оружиеведения и прямой выход на другие науки – результаты, полученные этой дисциплиной, используются в исторических исследованиях культуры, экономики, общества практически всех периодов. Да и по времени возникновения историческое оружиеведение как минимум не моложе многих других дисциплин – сам термин «оружиеведение» (Waffenkunde) вошел в научный оборот в середине XIX в. [3], а к концу XIX в. начал активно использоваться термин «историческое оружиеведение» [4]. Более того, в России начала XX в. историческое оружиеведение завоевало вполне устойчивое положение среди других вспомогательных исторических дисциплин [5].

Как представляется, основная причина неопределенности положения исторического оружиеведения в системе современной российской исторической науки обуславливается отношением к оружию и людям его изучающим, сложившимся в советский период ее развития: любой интерес к историческому оружию вызывал подозрения, деятельность специалистов прерывалась [6], их исследования либо печатались ограниченными тиражами, либо не печатались совсем, иностранные труды практически не переводились [7]. Это привело к тому, что российское историческое оружиеведение, вполне сформировавшись как вспомогательная историческая дисциплина в начале XX в., в дальнейшем так и не приобрело самостоятельного звучания в системе вспомогательных исторических дисциплин, развиваясь преимущественно трудами и упорством отдельных энтузиастов.

Положение несколько спасало археологическое оружиеведение – именно в советский период в этом направлении были получены не только крайне интересные и, безусловно, фундаментальные результаты, но и сложились специализированные исследовательские центры: Москва и Ленинград - вооружение и военное дело Руси и России, Новосибирск - вооружение и военное дело населения Северной и Центральной Азии, Киев – вооружение и военное дело скифов и сарматов. Однако археологический уклон в историческом оружиеведении привел к другой крайности – некоторые специалисты стали говорить о необходимости оформления археологического оружиеведения как составной части археологии [8].

Иностранные ученые не испытывали идеологических проблем, в связи с чем их исследования развивались вполне поступательно и систематически. С 20-х г.г. XX в. в Европе и Америке было издано большое количество работ самого разного плана, целый ряд которых составил не только теоретическую базу современного исторического оружиеведения, но и вполне обосновал его место среди не только вспомогательных исторических дисциплин, но и среди междисциплинарных научных направлений. В этот же период за рубежом происходит и специализация исторического оружиеведения по направлениям общей истории, историческим периодам, географическому региону, видам оружия и оружейных комплексов.

После распада СССР российское историческое оружиеведение было вынуждено практически заново завоевывать утраченные позиции. И можно сказать, что этот процесс развивается достаточно успешно.

Информационный вакуум стали заполнять как репринтные или адаптированные переиздания трудов российских и зарубежных оружиеведов XIX в., так и сравнительно недавние и совершенно новые исследования зарубежных специалистов XX - XXI в.в. Активно формируется и дискуссионная среда как привычная - на конференциях [9], так и пока еще непривычная – на специализированных сайтах [10]. В этот же период появляется большое количество трудов российских авторов.

Однако в массе российские историкооружиеведческие исследования представляют собой достаточно специализированные или сугубо описательные работы, которые, при всем профессионализме исполнения (в ряде случаев – достаточно относительном), неплохо возмещая недостачу практической информации, мало способствуют заполнению вакуума теоретического, в лучшем случае обеспечивая аналитическую базу для последующих исследований. Лишь сравнительно небольшую часть опубликованных работ можно отнести к разряду научных исследований и уж совсем небольшая их часть формирует теоретический блок современного российского исторического оружиеведения. Чаще всего эта диспропорция объясняется стремлением подготовить работу, интересную для максимально более широкого круга потенциальных читателей, чтобы способствовать коммерческому успеху издания.

Однако иногда слабая теоретическая составляющая таких исследований – следствие недостаточной научной (академической) подготовки автора.

Гораздо сложнее складывается ситуация в оформлении исторического оружиеведения как учебной дисциплины – программ по подготовке будущих специалистов-историков в области исторического оружиеведения просто не существует. При этом можно констатировать, что они отсутствовали и в до-советский период развития исторического оружиеведения, хотя некоторые специальные обучающие разработки присутствовали. Так, по крайней мере, до начала Великой Отечественной войны при Государственном Историческом музее велись курсы, слушатели которых получали сведения по консервации, реставрации, определению и систематизации оружия, а в конце 60-х г.г. XX в. на историческом факультете ЛГУ Л.И. Тарасюк читал лекции по истории средневекового оружия, проходившие в том числе и в хранилище Эрмитажа. Между тем, очевидно, что образовательные программы, как специализированные, так и общего направления способствовали бы не только формированию грамотного интереса к историческому оружию и его изучению, но и закладывали бы основу для профессиональной специализации историка-оружиеведа.

Основная цель, которая была поставлена при разработке лекционного комплекса «Введение в историческое оружиеведение», и обуславливалась именно этими насущными необходимостями – созданием учебной программы, направленной на формирование грамотного интереса к историческому оружию и создание основы для профессиональной специализации историка-оружиеведа.

Основным условием, определившим структуру курса, стало ограниченное количество лекционных часов, которые могут быть выделены в рамках достаточно ригидного учебного процесса, и потенциально разная аудитория. Эти условия и привели к идее комплексной конструкции курса, в рамках которой были сформированы несколько блоков: базовый, факультативный и специализированный.

Базовый курс состоит из 6 лекций (12 часов): «Историческое оружиеведение как вспомогательная (специальная) историческая дисциплина», «Исто-

риография исторического оружиеведения», «Историческое оружие: понятие, классификация, терминология», «Основные технологические приемы металлообработки и отделки при производстве оружия», «Описание и атрибуция исторического оружия», «Реставрация, копирование и подделывание исторического оружия».

Его основной задачей является формирование у слушателей базовых знаний, необходимых для грамотного подхода к исследованию исторического оружия. Соответственно, в качестве основных вопросов выделяются:

- место исторического оружиеведения в системе вспомогательных (специальных) исторических дисциплин;
- понятие, задачи и методы исторического оружиеведения;
- основные этапы развития исторического оружиеведения как вспомогательной (специальной) исторической дисциплины в России и за рубежом;
- основные источники исторического оружиеведения;
- понятие исторического оружия;
- классификация оружия и терминология исторического оружиеведения;
- технологии изготовления оружия и украшение оружия;
- методики описания и атрибуции исторического оружия;
- технологии реставрации исторического оружия;
- копии, реплики и подделки оружия в историческом оружиеведении.

Факультативный курс состоит из 2 лекций (4 часа): «Законодательное регулирование оборота исторического оружия в России и за рубежом» и «Коллекционирование, хранение и экспонирование исторического оружия». В первой лекции рассматриваются вопросы, связанные со спецификой законодательного регулирования оборота исторического оружия как в России, так и за рубежом (в США, Англии, Германии), обращается внимание на специфические требования и имеющиеся пробелы в российском законодательстве, которые при обращении с оружием могут привести к образованию состава преступления как административного, так и уголовного. Вторая лекция посвящена специфике коллекционирования оружия, правилам его хранения и

сохранения, действующим в музеях России и Европы, современным тенденциям в разработке и организации выставок исторического оружия.

Специализированный курс включает в себя 5 лекций (10 часов): «Оружейная терминология», «Оружейная типология», «Оружейные клейма», «Стили в украшении оружия», «Оружейные комплексы». Цель курса – дать студентам дополнительные и специальные теоретические и практические знания по заявленным темам, которые, в комплексе с лекциями из других блоков помогли бы им более эффективно атрибутировать образцы исторического оружия и получить знания, которые могли бы способствовать дальнейшей специализации обучающихся.

В совокупности все три блока образуют углубленный курс из 13 лекций (26 часов). В качестве формы отчетности предусматривается зачет.

Весь лекционный комплекс снабжен большим количеством слайдов, иллюстрирующих излагаемый материал. В конце каждой лекции предусмотрено время для практической работы с образцами исторического оружия, в рамках которой слушатели получают возможность закрепить прослушанную информацию. Лекционные блоки снабжены списками рекомендованной литературы.

Теоретической базой комплексу послужил достаточно большой объем литературы, изданной с середины XIX по начало XXI вв., включающий как собственно оружейведческие исследования российских [11] и зарубежных [12] авторов, так и работы по вспомогательным (специальным) историческим дисциплинам [13], источниковедению [14], музееведению [15], реставрации [16], методам исследования [17], законодательству и т.д. Самые актуальные для достижения целей лекционного комплекса исследования были сведены в список рекомендованной литературы. Практической базой стало историческое оружие, представленное Тамбовским областным краеведческим музеем, и оружие из частных коллекций.

В целом разработанный лекционный комплекс «Введение в историческое оружейведение» представляет собой одну из первых попыток создания цельного курса по историческому оружейведению. В его рамках обосновано место исторического оружейведения в системе вспомогательных (специаль-

ных) исторических дисциплин и истории как науке; отмечена его связь с другими научными дисциплинами; проведен анализ большого количества специальной литературы; сформулированы и обоснованы базовые понятия исторического оружиеведения», предмет, объект и основные методы оружейведческих исследований, систематизированы специальные знания, способствующие эффективному исследованию оружия как важного исторического источника.

В качестве преимуществ комплекса следует отметить использование большого количества иллюстративного материала, сгруппированного в комплекты слайдов к каждой лекции, организацию практических занятий с образцами исторического оружия, гибкость и адаптируемость комплекса в зависимости от количества выделяемых часов и предполагаемой аудитории.

Лекционный комплекс был разработан летом-осенью 2013 г. и апробирован весной 2014 г. в ходе занятий со студентами-историками 2-го курса Тамбовского Государственного Университета им. Г.Р. Державина. Полученные результаты могут быть расценены как положительные. В настоящее время курс дорабатывается и готовится к сертификации в качестве учебно-методического комплекса.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кулинский А.Н. Методические рекомендации. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов метательного оружия и штыков. СПб., 2007. С. 6.
2. Шустова Ю.Э. Вспомогательные исторические дисциплины в современном гуманитарном знании и образовательной модели. XXV Международная научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании», 31 янв. - 2 февр. 2013 г., ИАИ РГГУ, Москва. // Отеч. архивы. 2013. № 2. С. 124-125.
3. Demmin A. Die Krigswaffen in ihren geschichtlichen Entwicklungen von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart, eine Enzyklopädie der Waffenkunde. Leipzig, 1869.

4. В 1897 г. в Германии начал издаваться «Zeitschrift fur historische Waf-fenkunde», основателем и редактором которого стал известный исто-рик оружия В. Бехайм.
5. Ленц Э. Императорский Эрмитаж. Указатель отделения Средних ве-ков и эпохи Возрождения. Часть 1. Собрание оружия. СПб., 1908.С. 2.
6. Так, например, в 1937 г. был расстрелян известный историк оружия и военного дела В.В. Арендт, оружейвед М.Ф. Косинский с 1934 г. по 1953 г. провел в лагерях и тюрьмах 12 лет, в 1959 г. на три года был осужден советский историк-оружиевед Л.И. Тарасюк, позже эмигри-ровавший из СССР [С. Самгин].
7. Кирпичников А.Н. О книге и ее авторе. Предисловие к изданию на русском языке труда В. Бехайма «Энциклопедия оружия» // Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995. - 576 с. С. 6.
8. Герасимов Ю.В. Оружиеведение в отечественной археологии: история и механизмы формирования научного направления. Автореферат дис-сертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Омск, 2005.
9. С 2010 г., на базе Военно-исторического музея артиллерии, инженер-ных войск и войск связи (Санкт-Петербург) ежегодная Международ-ная конференция «Война и оружие. Новые исследования и материа-лы», с 2013 г. на базе Тульского государственного музея оружия – ежегодная Международная научно-практическая конференция «Ору-жие в исторических событиях, человеческих судьбах, музейных и ча-стных коллекциях».
10. www.guns.ru; www.wv2.ru, www.oriental-arms.com;
<http://www.swordforum.com>
11. Архангельский Л.Б. О булатах и булатных клинках // <http://trova.far.ru/Bulat.htm>; Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавка-за. История оружия. Москва-Нальчик, 1995; Винклер П. Оружие: Ру-ководство к истории, описанию и изображению ручного оружия (с древ. времен до начала 19 в.). - М., 1992. - 330 с.; Горелик М.Р. Ору-

жие древнего Востока, 4 тысячелетие - 4 в. до н.э. М., 1993. – 347 с.; Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I: в 6 отд. и доп. к отд. III. М., 1849—1853 гг.; Жиль. Ф. Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего Государю Императору. СПб., 1860; Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск 1-3. Москва-Ленинград, 1966 – 1971 г.г.; Кулинский А.Н. Методические рекомендации. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов метательного оружия и штыков. СПб., 2007; Кулинский А.Н. Европейское холодное оружие. Москва, 2009; Ленц Э. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Часть 1. Собрание оружия. СПб., 1908; Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV – XVIII веков. Определитель. М.: Военное издательство, 1992. 223 с.; Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого.// МИА СССР №65. М., 1959; Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896 г. 224 с.; Федоров В.Г. Холодное оружие. Москва, 2010. 288 с.; Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. -190 с. и др.

12. Бертон Р. Книга мечей. Холодное оружие сквозь тысячелетия. Москва, 2005; Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., "Санкт-Петербург Оркестр", 1995 г. -576 с.; Джонсон Т.М. Коллекционирование холодного оружия Третьего рейха. В 2-х т.т. М.: «Стрелец», 2008; Окшотт Э. Археология оружия. От бронзового века до Ренессанса. . М.: Центрполиграфиздат, 2006. 400 с.; Петерсон Я. Норвежские мечи эпохи викингов: топохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб., 2005. – 236 с.; Стоун Дж. Большая энциклопедия оружия и доспехов. М.: АСТ: Астрель, 2010. -767 с.; Эгертон Э. Индийское и восточное оружие. От державы Маурьев до империи Великих Моголов. Москва, 2007. 294 с. и др.
13. Вспомогательные исторические дисциплины: историческая география и картография, сфрагистика, геральдика и генеалогия. Учебное посо-

- бие. Под ред. Литвина А.Л. Казань; Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А. Вспомогательные исторические дисциплины. –М., Просвещение, 1984 г. -208 с.; Специальные исторические дисциплины. – Киев: НМК ВО, 1992. - 324 с. и др.
14. Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. Москва, 1957 г. 453 с.; Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.; Клейн С.Л. Археологические источники. Ленинград, 1978; Козлов В.П. Фальсификация исторических источников: источниковедческий, историографический, архивоведческий аспекты. // Архивистика на рубеже веков: XX – XXI. Труды Историко-архивного института т. 35. Москва, 2000 и др.
15. Исследование и сохранение музейных коллекций. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Военное прошлое государства российского: утраченное и сохраненное». СПб., 2009; Музееведение. Музеи исторического профиля. Учеб. пособие для ВУЗов по спец. «История». // Под ред. К.Г. Левыкина, В. Хербста. М.: Высшая школа, 1988 г. – 431 с.; Сохранение, реставрация и экспонирование памятников военной истории. Материалы секции международной научно-практической конференции. 12-14 мая 2010. С.-Пб., 2010; Яловко Г.А. Правовые основы музеефикации оружия. // Вопросы музеелогии. № 1, 2012 г. С. 161-164. И др.
16. Очерки по методике технологического исследования реставрации и консервации древних металлических изделий. ОГИЗ, Государственное социально-экономическое издательство. Москва-Ленинград, 1935 г.; Фармаковский М.В. Консервация и реставрация музейных коллекций. Москва, 1947 г. 141 с.; Хореев В. Антикварное оружие: экспертиза и реставрация. Ростов-на-Дону, 2011; Яхонт О.В. Проблемы консервации, реставрации и атрибуции произведений искусства: избранные статьи. М.: СканРус, 2010. с. и др.

17. Клейн Л.С. Археологическая типология. Ленинград, 1991. – 444 с.; Киселева А.Р. О методах исследования художественных произведений и о классификации вторичных работ в отделе научной экспертизы // <http://art-con.ru/node/1755>; Колпаков Е.М. Теория археологической классификации. СПб., 1991. 112 с.; Дервянко А.П., Холюшкин Ю.П., Воронин В.Т., Костин В.С. Некоторые подходы к статистическому анализу технологических признаков палеолита Алтая // // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Вып.11. - Новосибирск: НГУ, 2006. - С.86-95; Археология и естественнонаучные методы. Сб. статей / Научные редакторы Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 216 с. и др.

ЭДУАРД фон ЛЕНЦ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СТАРИННОМ ХОЛОДНОМ ОРУЖИИ

Статья была опубликована в «Альманахе армии и флота» в 1902 г. Эдуард фон Ленц - заведующий собранием оружия Эрмитажа с 1899 по 1919 г. Автор кратко рассматривает эволюцию холодного оружия в Европе в X – XVIII в.в., отмечает его некоторые конструктивные особенности, связанные со спецификой боя в этот период. Обращает внимание на различия в эволюции европейского и восточного оружия на примере различий в конструкции эфеса. Отдельно автор касается украшения и клеймения клинкового оружия. Автором описываются клейма, ставившиеся мастерами Германии, Италии и Испании.

Ключевые слова: *холодное оружие, эфес, клинок, украшение холодного оружия, клейма, Европа, Восток.*

Довольно твердо установилось мнение, что у нас в России, за весьма немногими исключениями, нет людей, интересующихся историческим развитием оружия и что такое равнодушие к памятникам боевой старины, - как это ни странно, - встречается преимущественно среди военного сословия.

Не нам судить о том, насколько основателен делаемый нашему офицерству упрек; считаем, однако, своим долгом засвидетельствовать, что если безразличное отношение к прошлому оружейного искусства составляет правило, то мы тем более должны быть благодарны счастливому случаю, познакомившему нас с целым рядом «исключений», с людьми, понимающими толк

в старинном оружии, умеющими ценить в нем и боевые качества, и производство художника и памятник старины. Такого рода личный опыт дает нам право полагать, что и вне круга наших случайных знакомых найдется немало лиц, относящихся с любовью к истории оружия, найдутся любители, интересующиеся подробностями по части производства, отделки и украшения, найдутся собиратели, желающие по историческим данным проверить свои личные наблюдения, найдутся, наконец, и знатоки, могущие дополнить и исправить сообщаемые здесь сведения.

Вот те соображения, которые побудили нас, по приглашению редакции «Альманаха Армии и Флота» предложить читателям краткий очерк исторического развития холодного, или, вернее, белого оружия. Само собою разумеется, что в узкой рамке журнальной статьи нечего и помышлять о полноте и систематичности изложения: даем лишь в самых крупных чертах набросок постепенного изменения форм белого оружия, с указанием наиболее характерных признаков, могущих руководить при определении времени и места изготовления клинков. Изложение коснется, преимущественно, западноевропейского оружия, как наименее знакомого нашим соотечественникам; исходною же точкою очерка возьмем эпоху крестовых походов, в тех видах, что оружие, принадлежавшее к более отдаленным временам, почти исключительно составляет достояние музеев и едва ли попадает в руки частных собирателей...

I. Очерк развития белого оружия.

Определение времени и места изготовления клинка представляет немало затруднений даже в тех случаях, когда на помощь исследователю являются техника различных украшений, рисунок узоров, знаки и клейма мастеров; при отсутствии же подобных вспомогательных данных, когда приходится судить по одной лишь форме предмета, с тем большим вниманием следует придерживаться основного положения о том, что всякое наступательное оружие непременно рассчитывалось как во внешних своих очертаниях, так и по внутренним качествам в строгой зависимости от современных ему оборони-

тельных средств и что, наоборот, оборонительное оружие видоизменялось соответственно ходу развития наступательного.

Руководствуясь этим соображением, наши собиратели не делались бы так часто жертвами *грубого обмана* и относились бы более критически к *уверениям продавцов старинного оружия*, без всякого стеснения приписывающих напр. легкий сабельный или шпажный клинок – временам крестовых походов, алебарду с прорезным слабым топориком и вычурным крюком – эпохе Карла Смелого и т.п., тогда как достаточно одного взгляда на подобное оружие, чтобы убедиться в полной его непригодности против воина указанных времен, закованного в плотную стальную броню, положительно непроницаемую для таких невинных наступательных средств.

В XII в. рыцарский доспех уже на столько усилился, что мечи для достижения своей цели должны были иметь достаточную длину и вес для раздробления, напр., шлема или щита и часто, для некоторого облегчения массивного широкого клинка в 80 сант. до 1 метра длины, по обе стороны выбиралось по плоскому широкому долу и на конце рукоятки приспособлялся круглый плоский набалдашник, как необходимый противовес непомерной тяжести полосы. Рука была защищена от неприятельских ударов одним только крестом с небольшими концами и притом весьма мало возвышающимся над боковыми плоскостями клинка; несомненная недостаточность такого оборонительного приспособления объясняется весьма естественно тем, что мечи в то время служили исключительно для нанесения ударов, не для отражения неприятельского оружия, от которого рыцарь укрывается под щитом.

В течение XIII и XIV вв. доспех постепенно совершенствовался, превращаясь, по мере развития искусства в обработке металла, в целую систему плотно связанных между собою стальных пластинок. Соответственно сему изменились и полосы мечей: клинок усилился, вместо плоских дол часто выковывались крепкие крутые ребра, полосы постепенно все более и более применялись к уколу и с этой целью сводились к тонкому острию, способному проникать между досками доспехов и пробивать кольчугу. В то же время меч всадника окончательно отделился от меча пешего ратника и выработался особый тип «всаднического меча на полуторы руки» (Reiterschwert zu ander-

thalb Hand) с рукоятью, не достигающею чрезмерной величины позднейших «двуручных» мечей ландскнехтов, но достаточной длины, чтобы, для усиления размаха, можно было приложить и левую руку.

В XV в. рыцарский доспех достигает полного развития и, вместе с тем, за ненадобностью, исчезает щит, с XII в. постепенно уменьшавшийся по мере того, как ноги всадника тщательнее прикрывались стальными досками. С исчезновением щита, настала необходимость отражать удары противника мечом, а для сего прежде всего нужно было приспособить рукоять меча к более действенной защите руки. С этою целью середину гладкого до сего времени креста снабдили сперва с одной, а вскоре и с обеих сторон, горизонтальными кольцами, а затем, в начале XVI в., прибавили еще несколько спускающихся по направлению к острию дужек, которыми удар противника останавливался на безопасном для руки расстоянии.

Таким образом все усилия были направлены к тому, чтобы удержать рыцарский меч на высоте его назначения, но далее идти было уже некуда: величина и тяжесть полосы делали ее пригодною только для всадника и то не на очень продолжительное время и, во всяком случае, не для постоянного ношения.

Явилась потребность в белом оружии других, более легких и удобных образцов, соответственно чему к концу XV в. возник ряд новых типов, из них приведем наиболее характерные.

В помощь мечу, уже бессильному против усовершенствованной брони, рыцарь брал в бой пристегнутую к седлу большую шпагу с узким и тяжелым трех- или четырехгранным клинком, тонкое, особенно тщательно закаленное острие которого при сильном напоре могло разъединить доски доспеха и пробить плетение кольчуги. На востоке это оружие было уже ранее известно под названием «кончар» и находилось в употреблении в Польше и в России до конца XVIII в. причем рукоять конечно, имела совершенно иную, чисто восточную форму.

Много разнообразия в вооружение внесли швейцарские и немецкие полки наемников, имевшие совершенно своеобразную организацию, особую тактику и особое, примененное к новым боевым условиям оружие: сюда отно-

сятся короткие, носимые за поясом, мечи ландскнехтов с широким обоюдо-острым клинком, расширяющиеся к верхнему концу рукоятью и загнутой горизонтально в виде буквы S защитой; значительно большие двуручные мечи тех же ландскнехтских полков, служили в XV в. для прокладывания дороги сквозь сплошные ряды пехоты, впоследствии же составляли принадлежность отборной по росту и силе роты, которой вверялась защита полковника и знамени; затем широкие мечи с закрытым решетчатым эфесом конных наемных отрядов, служивших Венецианской республике и, по-своему преимущественно славянскому составу, носивших название «*schiaivona*». Наконец, с XV в. в особенности в Италии, большое распространение получили так называемые «воловы языки» (*lingua dibue*), нечто среднее между большим и широким кинжалом и коротким мечем.

К упомянутым типам следует причислить также носившиеся дворянами вне походов «городские мечи» в общем сходные с формой рыцарских мечей, но более легкие и изящнее отделанные, а также разного рода короткие тесаки с кривой полосой об одном лезвии пеших ратников, горожан и крестьян.

Радикальный переворот, происшедший в течение XVI в. во всем военном деле вследствие появления новой тактической единицы – организованной пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, коснулся самым решительным образом и дальнейшего развития белого оружия. Выше было упомянуто о том, что с XIII в. уже началось постепенное приспособление клинка к уколу, вызванное невозможностью раздробить доспех даже самую тяжелую полосу. Процесс перехода от рубки к уколу продолжался безостановочно и в XVI в. привел к превращению раздробляющего меча в колющую шпагу, а могло это случиться конечно только в тот момент, когда стальной пластинчатый доспех, вследствие развития ручного огнестрельного оружия, сошел со сцены навсегда.

Не имея возможности проследить здесь шаг за шагом постепенное превращение «рыцарского» боевого доспеха в освященный традициями парадный костюм дворянского сословия, ограничимся указанием, что во второй половине XVI в. уже установился тип «ландскнехтского» или «легкого» доспеха и что затем всадники-дворяне, хотя крайне неохотно и медленно, начали

по частям слагать с себя старинную броню, не имевшую более практического боевого значения.

Ко времени решительной победы демократического начала пеших полчищ над аристократией – рыцарскими всадниками относится быстрое распространение выработанного в Италии и в Испании нового типа белого оружия – шпаги, носившей в известном смысле также демократический характер, в том, по крайней мере, отношении, что она, вытеснив быстро все разновидности меча, сразу сделалась принадлежностью не одного только привилегированного класса, но всех без исключения сословий: придворного кавалера и рядового наемника, всадника и пехотинца, мирного горожанина и бретера-авантюриста. Крайней разнородностью задач, которым должно было служить новое оружие, объясняются и бесконечные его разновидности, выражающиеся в устройстве рукояти, длине, весе, форме и отделке клинка. В конце XVI в. железные рукавицы вышли из общего употребления и, следовательно, эфес шпаги прежде всего должен был обеспечить всестороннюю защиту руки от удара и укола, каковую задачу каждый изобретательный оружейник решал по своему, вследствие чего получились бесчисленные варианты немногих основных, наиболее простых форм: эфесы делались «открытыми», т.е. оборонительные приспособления сосредотачивались под крестом, вокруг пяты полосы, или «закрытыми», обхватывающими руку со всех сторон, причем плетение из дуг устраивалось и под и над крестом. Совокупности крупных и мелких дуг, перехватов, колец, прорезных и глухих щитков придавались различные формы: чашки, тарелки, корзины, решетки и т.п. Равным образом, и клинки выковывались разных образцов, смотря по их назначению: тяжелые полосы об одном лезвии преимущественно приняты были в конных отрядах, пехота предпочитала многогранные обоюдоострые клинки, широкие упругие рапиры сделались излюбленным оружием знатных кавалеров, узкие шилообразные клинки употреблялись чаще в поединках и т.д. Будучи всесословною шпага стала вместе с тем и международною, сохраняя в общем свою основную испано-итальянскую форму, изменяющуюся разве в частности уступками национальным вкусам.

Господство шпаги продлилось слишком 300 лет, но уже с конца XVIII в. она постепенно стала утрачивать характер боевого оружия и все более превращалась в принадлежность придворного костюма, военного и гражданского мундира; в настоящее время шпага доживает свой век в жалкой, изуродованной по позднейшим французским образцам форме.

В XVI в. замена рыцарского вооружения общим, если можно так выразиться «вольным» оружием привела за собою введение в европейских войсках кривого сабельного клинка, завоевавшего себе, наравне со шпагою, господствующее положение и, по справедливости, даже пережившего шпагу в качестве боевого оружия. Переход от обоюдоострой прямой полосы к кривой об одном лезвии представляет, как известно, значительный шаг вперед в деле оружейной техники: прямое лезвие раскалывает и раздробляет твердые предметы, на мягких же его действие оказывается весьма умеренным; кривое же лезвие не только раскалывает но, вместе с тем, режет и распарывает, соединяя в себе действия топора и ножа. Несмотря на такие преимущества сабли, издревле известной на Востоке, рыцарство не ввело ее в употребление у себя, хотя познакомились с кривыми полосами еще до эпохи крестовых походов; причиной тому было с одной стороны, враждебное и пренебрежительное отношение к оружию «неверных», а с другой – недостаточно сильное раздробляющее действие на броню сравнительно легкой и не очень длинной сабельной полосы. Но если сабли и не привились среди привилегированного класса, то, тем не менее, кривые полосы в том или ином виде мало по малу приобретали право гражданства и в Европе, хотя в начале более между плохо вооруженными пешими ратниками, городскими жителями и крестьянами; так во Франции искривленные тяжелые полосы встречаются с XIII-XIV вв. под названием «fauchion» (коса) или «badelaire», в Италии подобной же формы большие «ножи» - «cortelas» «coltelaccio» в употреблении с начала средних веков, в Германии – с XIV века под тем же названием, но искаженном в «Kordelätsch».

Не вдаваясь в подробности, касательно устройства и видоизменений европейских сабельных клинков, мы не можем не остановиться на мелкой, но чрезвычайно характерной и поучительной особенности, как нельзя лучше

рисующей превосходство в оружейной технике восточных мастеров над их западными последователями: мы разумеем оборонительное приспособление сабельного крыжа. Восточный крыж изумительной простоты состоит из прямого креста, по обе стороны которого выковано по поперечному шипу (перекрестье), верхние половины коих наглухо приделаны к рукояти, между тем как нижние спущены по направлению к острию, возвышаясь на 2-3 сантиметра над плоскостью полосы; устройство, как видно, весьма несложное, но вместе с тем безусловно обеспечивающее защиту руки от скользящих вдоль полосы неприятельских ударов, под каким бы углом они ни приходились. Лезвие противника, смотря по направлению удара к плоскости отбивающей полосы, или останавливалось крестом, или же защемлялось между полосой и одним шипом перекрестья. Эта простейшая система защиты руки еще более развита в эфесах мавританских мечей и польских сабель, называемых «карабела», у которых кроме средних шипов перекрестья, еще и концы креста спущены к полосе, так что между ними и лезвиями образовывались узкие щели, в которых должен был застревать клинок противника.

Западные оружейники не поняли, а если и поняли, то не пожелали применить этой системы; шипы перекрестья, правда, встречались и у них, но на шпажных эфесах они, уменьшенные до размеров маленьких, выпиленных из креста мысиков, плотно прилегали к клинку и, следовательно, для защиты руки были безразличны, к сабельным же крестам прикреплялись, и то более для украшения, щитки в виде тонких треугольных языков, между тем как защита руки обеспечивалась системой дуг, щитков и перехватов, близко подходившей к образцам шпажных эфесов.

Сабельные полосы как и шпажные клинки бывали весьма различных форм, смотря по кривизне, длине и весу полосы, величине и числу выбранных по ней долов, устройству острия, отлого сведенного на нет или выкованного в широкий обоюдоострый елман и т.п., но эти разновидности более внешнего характера не имели решающего значения для боевой пригодности сабли, зависящей от совокупности многих, на сколько нам известно далеко еще недостаточно выясненных условий; сила удара является результатом столь многочисленных и сложных по взаимному соотношению данных, как-

то: отношения кривой, образуемой линией удара к кривизне полосы, к длине, весу и точке равновесия клинка, к положению оси рукояти и пр. что мнения специалистов до сего времени значительно расходятся в вопросе о том, основана ли форма восточных сабель на тонких, неизвестных нам вычислениях или же на собранных веками эмпирических наблюдениях. Мы, конечно, не беремся судить о том, предшествовала ли установлению образцов сабель и шашек для европейских войск всесторонняя разработка указанной теоретической стороны вопроса, но считаем себя в праве высказать сомнение в том, *что при такой разработке в достаточной степени был принят во внимание тот богатейший материал, который хранится в наших музеях в виде замечательнейших экземпляров старинных сабельных клинков, выкованных исконными нашими учителями в оружейном деле – индусами, персами, арабами и турками.*

В наши дни сабля является последним представителем белого оружия, устоявшим против всеильного огнестрельного механизма. Но и мы стоим на рубеже...

II. Способы украшения клинков. Клейма.

Считаем не лишним краткий очерк развития белого оружия дополнить хотя бы сжатым перечнем наиболее употребительных способов украшения клинков, тем более, что хотя бы и поверхностное знакомство с этой стороной дела могло бы нередко предохранить наших собирателей старинного оружия от *грубого обмана со стороны продавцов.*

В XII в. на широких плоских набалдашниках рыцарских мечей появились врезанные в металл имена, изредка и гербы собственников, на клинках же стали помещать более или менее пространные надписи, состоявшие иногда только из начальных букв, как то: O.S. (O Sancte!) или S.S. (sacrificium sanctum), в других случаях из целых молитвенных воззваний, изредка из стихов светского содержания; довольно частые случаи когда – особенно в XIII в. – выбивались ряды готических или латинских букв без всякого смысла, естественнее всего объясняются безграмотностью рабочего, копировавшего непонятные для него знаки, но весьма нередко подобные надписи умышленно

делались неразборчивыми, дабы придать им таинственный характер заклинания или заговора, недоступного пониманию простого смертного. Такая уловка, рассчитанная на суеверие темного люда, была преимущественно в ходу у мастеров города Пассау на Дунае, заклинания которых (Passauer Waffensegen) считались наиболее действительными.

Как упомянутые буквы и надписи, так и другие украшения, гербы, разводы и клейма, о которых ниже будет сказано подробнее, в течение XII – XV вв. или просто прорезывались в металле, или врезанные линии заполнялись еще другим металлом: медью, серебром или золотом. Рукояти украшались серебром и золотом с чернью, эмалью и резьбой, резные и гравированные узоры на клинках золотились. В особенности замечательно совершенство шлифовки, которою преимущественно славились миланские оружейники: выбирались удивительные по тонкости и правильности поперечные и продольные долы разных профилей, шлифовались и другие фигуры, кружки, розетки, и т.п., в том числе круглые и плоские углубления, служившие якобы благочестивым воинам вместо четок; такие клинки носили название «Paterposter». Наконец, большой известностью пользовались испанские и итальянские клинки с тонкими сквозными прорезями, которым люди с романтическими наклонностями присвоили – без всякого, впрочем, основания, - название «нарезов для яда» (Giftzüge).

В XVI в. возникли новые способы украшения клинков путем вытравливания узоров крепкой водкой, воронения стали синими, фиолетовыми и красными побегам и золочения накладным листовым золотом. Разводы в стиле эпохи возрождения стали появляться все реже и реже, и к концу века преобладали латинские и немецкие изречения и изображения античных героев в перемешку с современными коронованными особами и полководцами. В XVII в. дают себя чувствовать мусульманские нашествия, венгерское и польское влияние: любимыми сюжетами для украшения клинков стали изображения Богородицы с Младенцем, затем рука, вырастающая из облака и держащая турецкую саблю, турки в чалмах, крест, звезды и полумесяц. К концу XVII и к XVIII в. относятся фигуры всадников и пеших воинов в венгерском

костюме с соответствующими надписями: «Vivat Hussar», «Vivat Pandur», двуглавые орлы, «Vivat Maria Theresia» и т.п.

На шпажных клинках этого времени преобладают девизы на французском языке.

Сравнительно недавно стали обращать внимание на особые знаки и клейма, указывающие на происхождение оружия из известного города или мастерской, и только за последнее десятилетие, благодаря образцовым исследованиям ныне покойного директора Венского музея В. Бегейма, дело определения этих знаков продвинулось значительно вперед и получило настолько удовлетворительную обработку, что в скором, сравнительно, времени можно будет ожидать издания словаря известных оружейников с рисунками употребившихся ими клейм.

Не имея возможности дать хотя бы сколько-нибудь полный перечень наиболее выдающихся мастеров, мы должны ограничиться кратким очерком развития и указанием особенно характерных сторон в деле клеймения белого оружия по главным центрам его производства: Германии, Италии и Испании.

За время средних веков сохранились некоторые имена знаменитых оружейников, но они упоминаются большей частью в народных преданиях или в поэтических произведениях и, как полусказочные, исторического значения не имеют; к тому же, подлинных предметов этого времени дошло до нас не много и в большинстве случаев плохой сохранности; наконец, и современные воззрения на творения рук человеческих не благоприятствовали продвижению личности мастера: творец отступал перед своим творением на задний план, и только в эпохе возрождения мастер-художник отстоял свои права на личную славу.

III. Германия. Знаменитый «Волчок» и подделка его. Солингенские «Волчки».

С XIII в. на белом оружии начали появляться врезанные в металл знаки, обыкновенно выложенные красной или желтой медью, которые, не имея еще характера лично принадлежащего известному мастеру клейма, его так сказать, фабричной марки, указывали однако на происхождение предмета из оп-

ределенного центра производства, города или даже мастерской: таково, например, клеймо Миланской мастерской, изображающее скорпиона. Наиболее известное из них – и на нем мы остановимся несколько подробнее – знаменитый и высоко ценимый как на западе, так и на востоке «волчек», знак оружейников города Пассау на Дунае (рис. 1) железное производство которого процветало уже в IX в.

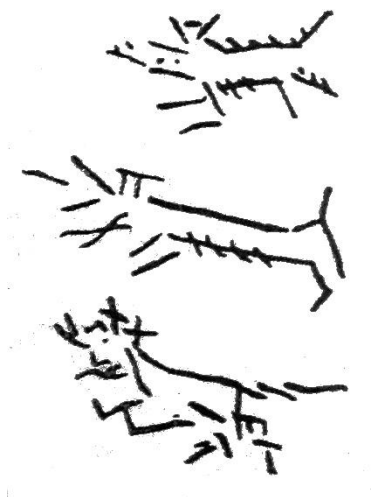

Рис. 1

Рис. 2.

В старинной хронике города Пассау сказано, что герцог Альбрехт II в 1349 г. даровал городским мастерам право выбивать на клинках из Пассауского герба (серебряный волк в красном поле) фигуру волка, но, по мнению авторитетных лиц, это известие неточно и «волчки» выбивались уже с XIII в.

Очертания фигуры, имеющей отдаленное сходство с бегущим зверем, глубоко врезывались в металл и заполнялись медью, мелкие же поперечные черточки, изображавшие, по мнению некоторых специалистов, щетинистую шерсть зверя, как нам кажется, служили совершенно иной цели: при плотном вбивании инкрустации в прорези, медь расплющивалась, частицы ее входили в тонкие поперечные щели и таким путем достигалось более цепкое соединение металлов. Кроме «волчка» мастерские, подчиненные Пассаускому епископу, клеймили свои клинки знаком епископского посоха (рис. 2), также выложенного медью.

Произведения Пассауских мастеров вскоре приобрели вполне заслуженную известность и за пределами Германии, но если главной причиной их

Рис. 3

быстрого распространения были доброкачественный материал и унаследованное от отцов и дедов искусство мастеров, то немалой долей своей славы Пассауские клинки обязаны грубому суеверию ратных людей. Оружейники сумели окружить себя таинственностью, слыли опытными заклинателями оружия, обладающими сверхъестественными способностями и состоящими в тесной связи с нечистой силой; понятно, что и произведениям их рук народная молва приписывала такие же сверхъестественные качества: пассауский меч бил безусловно насмерть, обладателя же чудодейственного клинка не брало никакое оружие. Таким образом слава этих мечей, основанная на действительно выдающихся их боевых качествах и поддерживаемая суеверным страхом современников, до того усилила спрос на «волчки», что полосы с другими клеймами, хотя бы и не уступающие качеством, вовсе не находили сбыта. Появились подражания и подделки, но опасным соперником пассауской монополии мог сделаться только такой центр оружейного мастерства, который стоял на равной высоте, как по качеству, так и по количеству производства.

Таким конкурентом явился город Солинген, славившийся выделкою клинков уже с XII в. Начиная с XV, в особенности же в XVI и XVII вв., солингенцы выступили со своим «волчком», постепенно получившим еще большее распространение, чем пассауский оригинал, в особенности на востоке, и вытеснившим наконец окончательно клинки старого образца.

Сделанное при этом заимствование чужого фабричного знака едва ли можно назвать подделкой в обычном смысле этого слова, так как нельзя здесь усмотреть намерения обмануть покупателя тождественностью клейма: даже непривычному человеку с первого взгляда должно было броситься в глаза различие в рисунке волка (рис. 3) и отсутствие медной инкрустации, тем более, что солингенские мастера весьма часто к изображению зверя прибавляли свои личные клейма, или даже надпись «In Solingen». Не гонясь вовсе за нынешней тождественностью своих произведений с коинками пассауских

мастерских, они обеспечили за собой возможно широкий сбыт товара путем применения его к требованиям спроса и, действительно, не ошиблись в расчете на неразвитую массу, приобретающую клинки непременно с изображением какого-то бегущего зверя. Мы видим повторение того же явления во второй половине XVII в., когда спрос на «волчки» сменился общей погоней за клинками известнейших в то время испанских мастеров; на этот раз подражания гораздо более носили характер настоящей подделки, воспроизводившей пробное клеймо города Толедо, знаки и имена копируемых мастеров, но и здесь Солингенцы нередко рядом с испанскими выставляли клейма своих собственных фирм.

Из приведенных данных, впрочем, отнюдь не следует выводить заключения, что оружейники города Золинген занимались исключительно подражанием наиболее ходким чужим образцам; напротив, именно в Солингене уже с XVI в. мы находим большое число вполне самостоятельных мастерских, отмечающих свои изделия клеймами совершенно оригинального рисунка, именем мастера и девизами или изречениями, являющимися по крайней мере в начале, такой же исключительной принадлежностью известной фирмы, как и клеймо; наиболее употребительные в Солингене надписи такого рода: *Soli Deo Gloria, Fide sed cui vide, Inter arma silent leges, Pro aris et focus, Nec temere nec timide, Vincere aut moris* впоследствии, т.е. уже с конца XVII в., эти девизы употреблялись без разбора всеми или по крайней мере очень многими местными фирмами и вырезались на клинках не по одной, а по две, по три и более за раз. В наложении клейм Солингенцы также не скупались, выбивая их обыкновенно по несколько раз, и в добавок кроем клейма за редкими исключениями помещали на своих изделиях еще имя и фамилию мастера с прибавлением слов «*me fecit Solingen*». Таким образом произведения Солингенских оружейников довольно легко распознаются по обилию выставляемых знаков и точное определение иногда затрудняется лишь тем обстоятельством, что с конца XVII в. учащаются случаи продажи одной фирмой своего клейма другой мастерской, перепродажи того же фабричного знака в третьи руки и т.д.

Кроме мастерских в городах Пассау и Солинген, в Германии и Австрии

Рис. 4.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 6

Рис. 10.

процветали еще многие центры оружейного производства в Штигии, Богемии, Тюрингии, Тироли и других местах, но мы должны ограничиться приведенными здесь данными; добавим лишь для примера рисунки нескольких характерных клейм наиболее известных солингенских мастеров: *Peter Munsten* или *Münsten*, работавший в Солингене, Лондоне, а может быть и в Испании в конце XVI в. (рис. 4); *Weilm Klein* – XVI в. (рис. 5); *Clemens Horn*, между 1580 и 1630 г.г., часто помещает на клинках латинские изречения «Fide sed cui vide», «Inter arma silent leges» и др. (рис. 6); *Johanes Wundels*, 1560 – 1620, на клинках почти всегда латинские девизы и поговорки (рис. 7); *Hans Moum*, 1600 – 1625; (рис. 8); *Meves Berns*, нач. XVII в. (рис. 9); *Wilhelm Weyersberg Wirsberg* 1570 – 1630 (рис. 10).

IV. Итальянские мастера. «Гурда».

Итальянские мастера, в противоположность солингенским и вообще немецким мастерам, сравнительно редко клеймили свои клинки и если клеймили, то употребляли обыкновенно маленькие значки несложной формы (рис. 11), относившиеся, сколько известно, к мастерским городам Генуи, Брешии, Милана и Беллуно и не составлявшие личную собственность определенных мастеров. Исключение составляют лишь клейма некоторых миланских оружейников как напр. семьи *Пичинино*: *Antonio Picinino* 1509 – 1589, (рис. 12) сын его *Federigo*, раб. до начала XVII в., (рис. 13) и брат последнего *Lucio*

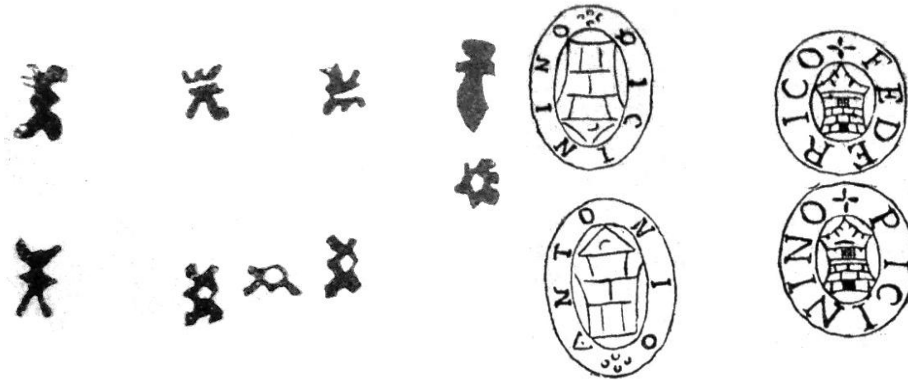

Рис. 11.

Рис. 12.

Рис. 13.

Рис. 14.

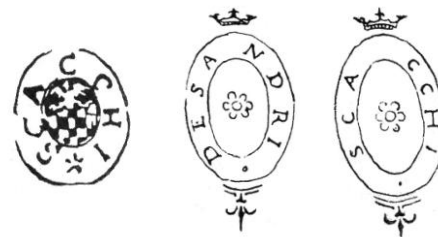

Рис. 15.

1550 – 1570, *Pietro Caino* раб. в Милане в конце XVI в. (рис. 14) *Scacchus*, помечавший свои изделия, *Desanpri Scacchi* и работавшего вероятно в Бресчии. (рис. 15).

Остановимся несколько подробнее на одном клейме, происхождение которого в точности еще невыяснено, но несомненно итальянском, получившем на востоке, в особенности же на Кавказе, громкую известность под названием «гурда». Считаем долгом оговориться – мы не имели случая ознакомиться с разновидностями подлинной кавказской гурды, но люди, близко знакомые с кавказским оружием, утверждают, что изображаемые здесь знаки (рис. 16) тождественны с «гурдою», т.е. с клеймом мифического восточного оружейника, про которого предание гласит, что он, озлобленный против хвалившегося превосходством своей работы конкурента с восклицанием «гурда» (т.е. «смотри») перерубил пополам соперника вместе с его клинком.

Это клеймо, встречающееся чаще всего на сабельных полосах, украшенных у пяты рядом продольных мелких долов, состоит из двух изогнутых в виде серпа или полумесяца линий с тонкими зубцами по наружным или внутренним краям; по концам линий расставлено обыкновенно по 1 – 3 точек,

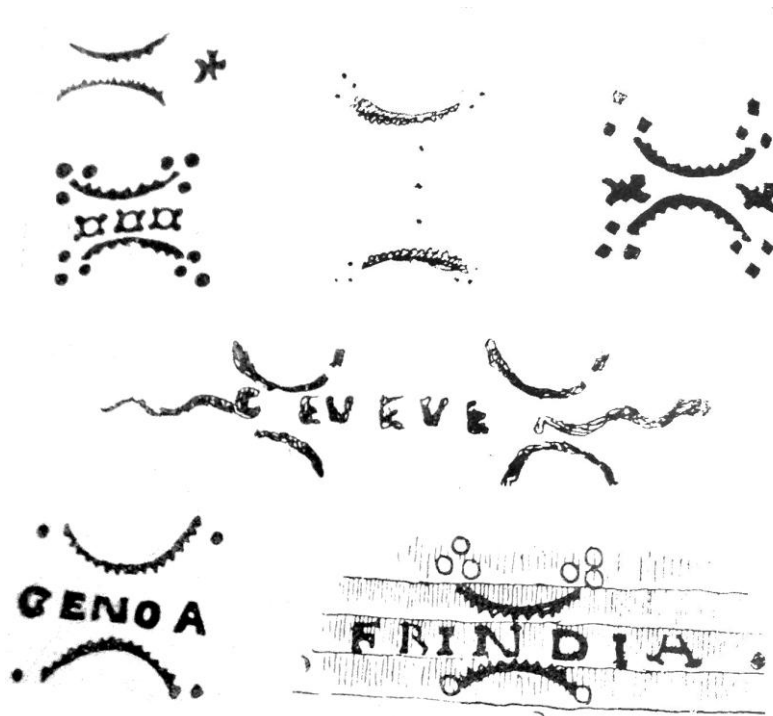

Рис. 16.

между линиями иногда выбиты или мелкие значки или слова: Genova, Genua, Geneve, или же, наконец, несколько загадочное слово Fringia с вариантами Frindia, Frinia, Frangia, Francia. Господствовавшее до сих пор мнение, что Fringia есть ни что иное как сопоставление начальных букв титула германского императора Фердинанда III (F(erdinandus) R(ex) IN G(ermania) I(mperator) A(ugustus)) теперь опровергнуто и в настоящее время остановились на объяснении слова fringia из турецкого ferengi или frengi, означающего «франкский», такое предположение подтверждается фактом, что клинки с рассматриваемым знаком в большом количестве вывозились на восток. Эти сабельные полосы со второй половины XVI в. выделялись в северной Италии, вероятно в генуэзских мастреских, впоследствии же, в XVII в. целыми массами подделывались штирийскими оружейниками и оттуда также усиленно вывозились в турецкие владения.

V. Испания.

Испания издревле славилась производством холодного оружия и долгое господство мавров в стране довело оружейную технику до высокой степени

совершенства; в XVI и XVII в.в. мастерские в городах Toledo, Bilbao, Sahagun, Albacete, Almeria, Sevilla занимали господствующее положение на европейском рынке и спрос на испанские шпажные клинки принял такое же исключительно-одностороннее направление как, в свое время, спрос на пас-сауские волчки. Остановимся несколько на изделиях Толедских мастеров, клейма и надписи которых требуют кое-каких объяснений.

Рис. 17.

Рис. 18.

Рис. 19.

Рис. 20.

Рис. 21.

Рис. 22.

Рис. 23.

Рис. 24.

Рис. 25.

Рис. 26

Прежде всего следует отметить, что все клинки, исходившие из мастерских этих городов, носили особое клеймо (рис. 17), накладываемое присяжными мастерами-смотрителями (в Германии они носили название *Beschau-Meister*), которые избирались ремесленными цехами для постоянного надзора за исправной, по всем правилам искусства, работой и свидетельствования годности поступающих в продажу предметов. Подобных знаков, назовем их, для краткости, «пробными» (в Германии *Beschau*, *Beschauzeichen*) мы встречаем особенно много в XV и XVI в.в., особенно в Германии, и хотя они выбивались чаще на оборонительном, чем на белом оружии, мы тем не менее полагаем, что некоторое знакомство с наиболее употребительными из них будет не без интереса для наших любителей и собирателей оружия; приводим для примера пробные клейма городов: Бильбао в Испании (рис. 18), Арагонских мастерских (рис. 19), Венецианской республики (рис. 20), Милана (рис. 21), Аугсбурга (рис. 22), Вены (рис. 23), Нюрнберга (рис. 24), Ландсгута в Баварии (рис. 25), Зуль в Тюрингии (рис. 26).

Кроме городского пробного знака, на клинках лучших мастеров часто еще выбивалось клеймо с изображением лилии (рис. 27), обозначающее, что оружейник был удостоен звания «*espadero del rey*», т.е. придворного постав-

щика; третье клеймо наконец, состоящее обыкновенно из щитка с буквою под короной, принадлежало уже лично мастеру. Относительно этих последних клейм необходимо сказать, что принадлежность их определенным оружейникам далеко еще твердо не установлен и что вопрос об окончательном приписании того или иного знака известному мастеру еще более затрудняется и запутывается массой подделок, которым подвергались испанские клинки не только со стороны Солингенских заводов, но и мастерских других стран.

Рис. 27.

Рис. 28.

Все упомянутые клейма выбивались испанскими мастерами по преимуществу на той части полосы, которая покрывается дужками эфеса, между рукоятью и началом лезвий, что, между прочим, не всегда соблюдалось фальсификаторами (рис. 28).

Кроме клейм, почти все испанские оружейники вырезывали свои имена в коротких узких долах шпага и для этих надписей употребляли совершенно своеобразные полуготические, вычурные буквы, довольно неразборчивые для непривычного глаза; укажем для образца на форму букв E и D в надписи En Toledo (рис. 29).

Рис. 29.

Рис. 30.

Рис. 31.

Рис. 32.

Рис. 33. Рис. 34.

Рис. 35.

Рис. 36

Рис. 37.

Рис. 38.

Рис. 39.

Наиболее известные мастера города Толедо следующие: 1) *Jwan Martinez* старший, жил около середины, младший в конце XVI в., кроме клейм и имени вырезывали девиз: *In te Domine speravi non confundar* (рис. 30); 2) Семья *Sahagun*, именовавшаяся по маленькому городку *Sahagun* в провинции Леон, *Alonso de Sahagun* старший, около 1570 г. (рис. 31), *Luis de Sahagun*, его сын (рис. 32); 3) *Hortino de Aquirre*, кон. XVI и нач. XVII в. имел звание *espadero del rey*, выбивал клеймо (рис. 33) и лилию, как и сын его *Domingo*, внук его *Nicolas* отмечал свои клинки знаком (рис. 34). 4) *Sebastian Hernandez* старший, окло 1570 г. (рис. 35); 5) *Pedro Hernandez*, жил в первой половине XVII в. (рис. 36); 6) *Pedro de Velmonte*, нач. XVII в. (рис. 37); 7) *Thomas de Ayala*, работавший приблизительно между 1570 – 1620 г.г.; клинки (рис. 38) его носили и другие клейма и весьма часто подделывались. 8) *Francisko Ruiz*, 1560 – 1620 г.г. работал первоначально в Германии (рис. 39), брат его *Antonio Ruiz* выбивал почти тоже клеймо – букву А под короной так что работы братьев различают не столько по знакам, сколько по форме клинков, которая в произведениях *Francisko Ruiz* ясно показывает влияние солингенской школы.

В заключение считаем долгом указать на некоторые капитальные сочинения, послужившие источниками при составлении настоящего очерка; из них же заимствованы по большей части помещаемые здесь рисунки.

W. Vocheim *Handbuch der Waffenkunde*. Leipzig 1890.

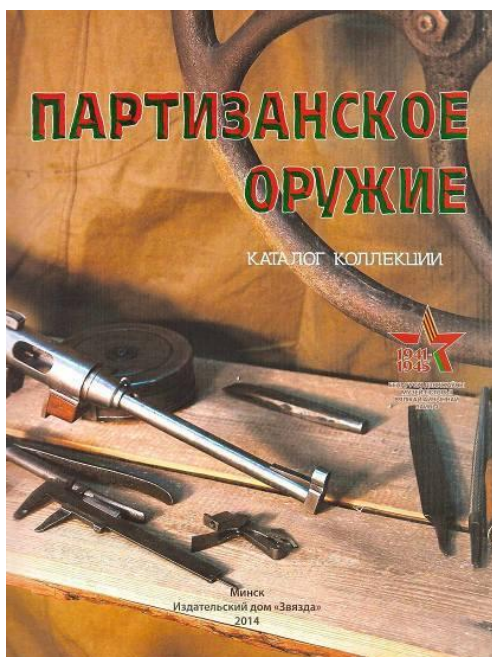
Его же *Meister der Waffenschmiedekunst*. Berlin, 1897.

M. Jahnus. *Entwicklungsgeschichte der alten Trutzwaffen*. Berlin 1899.

J. Szendrei. Ungarische kriegsgeschichtliche Denkmäler in der Millenniumsausstellung. Budapest, 1896.

Zeitschrift für historische Waffenkunde. Отдельные статьи.

Каталоги музеев в Париже, Мадриде, Турине, Берлине, Вене, Шварцбурге и др.

**ПАРТИЗАНСКОЕ ОРУЖИЕ:
КАТАЛОГ КОЛЛЕКЦИИ**

**Белорусский государственный
музей истории Великой Отечест-
венной войны;**

сост.: Г.В. Скоринко, С.А. Лопарев.

Минск: Издательский дом «Звезда», 2014. -192 с.: ил.

ISBN 978-985-7083-26-8

Книга представляет вниманию читателей, как специалистов, так и любителей, уникальную коллекцию самодельного оружия, которое изготавливалось и использовалось партизанами, действовавшими на территории Беларуси в 1941 – 1944 г.г. Ее основа была заложена в сентябре 1943 г., когда Бюро ЦК КП(б)Б заслушало вопрос «О создании музея истории борьбы белорусского народа с немецко-фашистскими оккупантами в Великую Отечественную войну». А уже 22 октября 1944 г. в Минске была открыта выставка «Вооружение белорусских партизан».

Каталог издан в год 70-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Авторы-составители каталога Г.В. Скоринко, заместитель главного хранителя фондов Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны и С.А. Лопарев, автор серии статей, посвященных партизанскому оружию.

Ядром книги является коллекция самодельных пистолетов-пулеметов, сделанных мастерами партизанских отрядов. Она включает как конструкции, скопированные с известных моделей (ППД-40, ППШ-41, ППС-43), так и полностью самобытные системы. Всего описывается более 50-ти образцов. Ин-

РЕЦЕНЗИЯ

формация о тактико-технических характеристиках и особенностях конструкции оружия отлично дополняется вполне удовлетворительными фотографиями экспонатов.

Помимо самодельных пистолетов-пулеметов, каталог презентует другие образцы огнестрельного (пистолеты, гранатометы, пушка) и холодного (ножи, кинжалы) оружия.

Книга снабжена именным указателем, списком литературы и материалов Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. В качестве отдельного плюса исследования следует отметить переводы на английский и немецкий языки вводных статей ко всем разделам.

В 1944 г. газета «Правда» писала: «Какую захватывающую книгу для нашего подрастающего поколения можно написать, глядя на эти автоматы, пистолеты, гранатометы самых причудливых форм и разнообразных, нигде не известных систем, собранные по винтику, по шурупчику руками самих партизан». Изучая каталог «Партизанское оружие», понимаешь, что газета «Правда» семьдесят лет назад сказала чистую правду.

С. САМГИН

12 января 2015 года на 71-м году жизни скончался **Михаил Викторович Горелик**, один из самых известных современных российских историков-оружиеведов. Искусствовед по образованию, он был ведущим специалистом Советского Союза и современной России в области исторической реконструкции.

Сделанные под его руководством научные реконструкции оружейных комплексов воинов древних и средневековых народов Евразии хранятся в российском Государственном Историческом музее и лондонском Тауэре, музеях Киева и Алма-аты. За разработку более сотни исторических костюмов к российскому художественному фильму «Ермак» Михаил Викторович получил премию «Ника» из рук Анни Жерардо.

Результатами научного интереса Михаила Викторовича к древнему и средневековому оружию Евразии стали книги «Армии монголо-татар X – XIV вв.» и «Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие - IV век до н. э.», десятки статей по истории оружия и военного дела этого периода.

Неоценим вклад Михаила Викторовича в популяризацию исторического оружиеведения. Его статьи и иллюстрации в журналах «Вокруг света», «Знание – сила», «Советский воин», «Цейхгауз», публиковавшиеся с 1972 года, сформировали интерес к истории оружия у огромного количества людей.

Мы глубоко скорбим по поводу его кончины и выражаем искренние соболезнования родным и близким.

Редакция журнала «Историческое оружиеведение»

С 13 по 15 мая 2015 г. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Россия, Санкт-Петербург, Александровский парк, 7) прошла Шестая Международная научно-практическая конференция «Война и оружие. Новые исследования и материалы».

Цель конференции – введение в научный оборот современных исследований и материалов по военной истории и оружию с древнейших времен и до настоящего времени, обмен информацией о памятниках военной истории, оружии и вооружении, хранящихся в отечественных и зарубежных музеях, обсуждение проблем сохранения, экспонирования и реставрации.

Конференция проводилась по трем секциям:

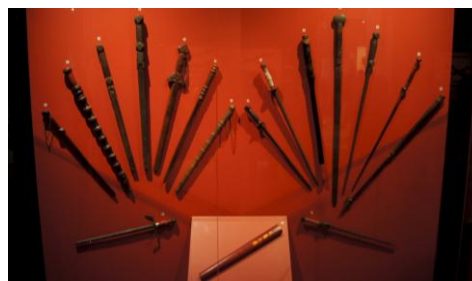
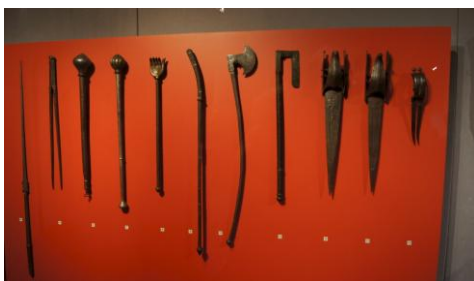
Секция 1. Военная история: Опыт современного изучения.

Секция 2. Оружие. Новые исследования в области оружейведения.

Секция 3. Сохранение, реставрация и экспонирование памятников военной истории.

Труды конференции изданы в 4-х томах в полном объеме.

С 7 апреля по 17 мая в Музее Востока (г. Москва) прошла выставка восточного оружия (индийского и китайского) из частных коллекций и фондов музея Востока «Смертельная красота». Индийское и восточное оружие в таком объеме в России ранее никогда не экспонировалось. Ряд предметов, представленных на выставке, можно отнести в разряд уникальных. По материалам выставки подготовлен каталог.

CONTENTS

CONTENTS

Bakradze I., Kiziria W. Swords and sabers with sloping hilt without cross of western Georgia and their place in the evolution of the Caucasus blade weapons	5
Sheremetev D. To cut or to stab? The use of the kinjal among Caucasian people in the 19th century	30
Kurochkin A. The use of Indian terms to identify Indian weapons	57
Loparev S. The self-made submachine guns used by Belorussian Soviet partisans during World War II	70
Arhangelskiy A. The Paren knife of Kamchatka Peninsula. Legend and Reality	82
Miloserdov D. «Southern» and «Northern» bows in the «Hunting weapons» collection of The State Darwin Museum	101
Zaharov D., Terehov E., Ustjanov A. Undescribed Russian fascine knife of Shuvalov's Observation Corps.	112
Anikin K. Smallsword mining engineer W.F. Ludlov	118
Samgin S. Attempt to create a course of studies «Introduction to historical Weaponology»	124
Lenz E. A few words about old edged weapons	136
Review: Guerrilla weapons: the catalog of collection.	157
Obituary: M.W. Gorelik	169

SUMMARY

Bakradze I., Kiziria W. Swords and sabers with sloping hilt without cross of western Georgia and their place in the evolution of the Caucasus blade weapons.

Annotation: The article examines a type of edged weapon, - kabiani khmali - fascinating, yet little known to scholars outside of Republic of Georgia. This type of cavlry swords supposedly emerged in the late 17 or early 18 century in Samegrelo and Imerety, regions of Western Georgia. Authors separately examine all distinctive features of the kabiani khmali starting with the one that gave it its name that literally means «sword in a skirt». This name was inspired by the peculiar form of its protective leather mantle arranged around the body of sword's scabbard in a manner resembling a skirt. The authors benefited from the research ideas forwarded by Eduard fon Lenz, the first scholar that drew attention to this type of edged weapon in his article «Eine Sabelstudie» published in Zeitschrift Für Historische Waffenkunde in 1912. The main purpose of the «skirt» was to protect scabbard from soaking in horse sweat. Otherwise it would happen inevitably since the sword was kept below the saddle, between horse's flank and the leg of a horseman. Extra protection would not allow sweat to penetrate through the scabbard and ruin the blade of a sword. Having examined miniatures created for a Middle Eastern manuscripts as well as works of some Western painters, the authors were able to trace the roots of this tradition to the 16th century. Other distinctive features of the sword that determined its functional characteristic are the hilt without cross guard and the pronounced (up to 30⁰) angle between the blade and the hilt. Disclosing a number of historical parallels from different cultures and times authors explain that the tilted hilt of a *kabiani khmali* that puzzled Eduard fon Lenz, had indeed a functional significance and was not just an attribute of a ceremonial type of weapon as it had been falsely assumed by foreign scholars. Two other features,- hilt without guard and manner in which these swords and sabers were suspended links this type of weapon to other distinctive edged weapon of Caucasus known as Caucasian or Circassian shashka. The authors point at the similarity of functional and structural features between *kabiani khmali* and Caucasian shashka or saber. Moreover, the

review of Georgian written sources and manuscripts of the 17-18 century suggest that *kabiani khmali* was not purely local Western Georgian phenomenon , but a part of a long process in the entire region of Caucasus , where Historical circumstances instigated development of new types of cavalry sword and saber. At the end of the article the authors describe in detail few examples of kabiani khmali kept in museums of Georgia, Russia and Europe. Few swords from museum's collections bear inscriptions on hilts and its examination helped to identify sword's original owners, mostly members of prominent aristocratic families of western Georgia.

Keywords: edged weapon, kabiani khmali, sword in a skirt, hilt without cross, Georgia.

Sheremetev D. To cut or to stab? The use of the kinjal among Caucasian people in the 19th century.

Annotation: The article describes some aspects of the kinjal use in the Caucasus in the 19th century. It considers technique possibilities of cutting and stabbing strikes with the kinjal in detail. As an example, which demonstrates the cultural meanings of the cutting strike, the article takes the situation of the single combat between two warriors equal in their standing. The conclusion has been made that the cutting strike expresses a superiority of the fighting spirit and the right to exercise power. As a cultural context manifesting the cultural points related to the stabbing strike the article considers the situation of the fighting against the beast – a case in which any equality between the warrior and the beast is impossible. There are certain examples demonstrating possibilities and risks of the stabbing strike in regard to the stronger opponent. The conclusion has been made that the two shown types of the single combat are different and are even opposed to each other but they both assist to promote the heroic pattern in the culture.

Keywords: Caucasian kinjal, stubbing strike, cutting strike, heroic warrior, single combat, duel, fighting with a beast.

Kurochkin A. The use of Indian terms to identify Indian weapons.

Annotation: The article considers some points of the Indian terms use for the identification of Indian cold weapons. The existing system of classification established

in the 19th century has used as the names of weapons the words like “khanda”, “pata”, “katar” as authentic Indian terms. The article shows that mostly these terms are common words in different Indian languages, which denote “to cut”, “to damage” or “to split” and are used for numerous types of weapons not as their names but as descriptions of the action with such items. Also the article shows the tight relationship between the terms for the kind of weapons and the names of martial art where such kind of weapons was used.

Keywords: *Indian weapons, Mughal weapons, ethnic weapons, martial arts, khanda, pata, katar, jamadhar*

Loparev S. The self-made submachine guns used by Belorussian Soviet partisans during World War II.

Annotation: The article considers organization of the production process of submachine guns, including copies of famous guns as well as completely original models during the guerilla war in Belarus in 1941-1943. The production of submachine guns was organized in the partisan troops for riddance of automatic firearm shortage. The major amount of such weapons was made as copies of famous guns such as PPD-40, PPSH-41, PPS-43. But some artisans made weapons of their own original design as repetition work. Despite such weapons were made with the use of minimum of machine-tools and special equipment they were effective and reliable enough.

Keywords: *submachine guns, self-made weapons, partisans, Belarus, workshop, barrel, original design, Menkin, Temyakov, Sergeev.*

Arhangelskiy A. The Paren knife of Kamchatka Peninsula. Legend and Reality.

Annotation: The article reconstructs the production technology of the so-called “Paren knives” that were made by smiths of the village “Paren” in the north of Kamchatka Peninsula. The village was founded in the 18th century and named after the river it is situated on. The author marks out three types of Paren knives: a big one with the blade more than 30 cm long and 7-8 mm thick; a knife for the belt with the blade 15-18 cm long and 4,5-5 mm thick; a small one “auxiliary” with the

blade 7-10 cm long. The blades of the knives were made from iron, which had been lying long in salt water and had rusted. The knives of the best quality came out from the metal of the Norwegian steamboat “Torres” that had crashed at the beginning of the 20th century.

Keywords: *Knife, grip, sheath, smith, Kamchatka Peninsula*

Miloserdov D. «Southern» and «Northern» bows in the «Hunting weapons» collection of The State Darwin Museum.

Annotation: The article describes two kinds of the bow of the “Hunting weapons” collection of The State Darwin Museum. The first one is the vogul bow. The Voguls is the old name of the numerically small national group of Russia – Mansi, which is the native population of the Khanty–Mansi Autonomous Okrug. The bow is a composite bow. Its long shaft (185 cm) consists of a back and an inner plate glued together and additionally fixed in six places by the winding made of tendons. The second one is a simple bow used by indigenous peoples of New Guinea. The bow is made of dark wood of a sago palm that is quite solid, firm and not prone to cracking. The length of the bow is 163 cm. The bow-string is made of a bamboo strip fixed on the bow by special knots. Both bows were used for hunting and, according to the author, to demonstrate two ways of changing the hunting bow: development in the North and stagnation in the South.

Keywords: *Composite bow, simple bow, arrows, arrowhead, The State Darwin Museum, peoples of the North, Papuans of New Guinea.*

Zaharov D., Terehov E., Ustjanov A. Undescribed Russian fascine knife of Shuvalov’s Observation Corps.

Annotation: The article considers a type of the Russian fascine knife that hitherto has not been included in any descriptions of Russian cold weapons. The author defines it not as a modification of the well-known type of 1797, but as the previous type: fascine knife of Shuvalov’s Observation Corps, the type of 1756. Exactly this type was a base for a separate branch of Russian weapons that consisted of types of fascine knives of 1797 and 1827 and which turned into auxiliary weapons instead of fighting ones. The main difference between the fascine knife of

Shuvalov's Observation Corps type of 1756 and the subsequent types is inequality in the thickness of blades and hence in the weight of the weapons.

Keywords: *fascine knife, Shuvalov's Observation Corps, cold weapons, Russia, modification*

Anikin K. Smallsword mining engineer W.F. Ludlov.

Annotation: *The article presents interesting example of bladed weapons from the collection of the Sverdlovsk regional museum of local history, Ekaterinburg – sword with a custom blade, owned by mining engineer G.W. Ludloff.*

Key words: *Sword, G.W. Ludloff, Mining engineer, New Land, Zlatoust, Schaff and Sons, Bushuev, Mining Department*

Samgin S. Attempt to create a course of studies «Introduction to historical Weaponology».

Annotation: *Historical Weaponology has had the status of an auxiliary historical discipline for a long time. However, in Russia, it has not formed yet because in the Soviet period professional activities were interrupted, studies were not published, foreign works were not translated. Today Historical Weaponology in Russia is successfully regaining the lost ground. However, the situation with the training of future experts in this area has not changed, in Russia there are no educational programs on Historical Weaponology. Meanwhile, such programs could not only contribute to the increase of interest in historical weapons, but also lay the foundation for the specialization of professional historians. To achieve the purposes the course of lectures "Introduction to the historical Weaponology" was developed in 2013. The course consists of three modules: the basic - 6 lectures (12 hours), optional - 2 lectures (4 hours), specialized - 5 lectures (10 hours). In total, all three modules form an advanced course of 13 lectures (26 hours). When developing the course there was used literature, published in the XIX - XX centuries, which includes Russian and foreign research on Historical Weaponology. The samples of historical weapons provided by Tambov regional museum and private collectors, were used during practical trainings. The course of*

SUMMARY

lectures is one of the first attempts to develop a course on historical Weaponology in Russia. Its advantages are the use of a large number of illustrative materials, grouped in sets of slides for each lecture, organization of practical trainings with samples of historical weapons, flexibility and adaptability to the requirements of the educational process. The course was piloted in 2014, during the studies with second-year students of the history department in Tambov State University. The results can be regarded as positive.

Keywords: *weaponology historical arms, research centers, auxiliary sciences of history, a course of studies, Tambov State University.*

Lenz E. A few words about old edged weapons.

Annotation: *The article was published in the «Almanac of the Army and Navy» in 1902. Eduard von Lenz - Head of the Hermitage collection of weapons from 1899 to 1919. The author briefly reviews the evolution of bladed weapons in Europe in the X - XVIII centuries, notes some of its design features connected with the specifics of combat during this period. Particular attention is drawn to the trade mark on the weapon from Germany, Italy and Spain.*

Keywords: *edged weapon, hilt, blade, stamp, Europe, East.*

Review: Guerrilla weapons: the catalog of collection. The Belarusian Great Patriotic War Museum; ed. G.V.Scorinko, S.A.Loparev. Minsk, 2014. ISBN 978-985-7083-26-8

Annotation: *The book presents a unique collection of self-made weapons, which were made and used by Soviet partisans who fought in Belarus in 1941-1944. The main content of the book is the collection of self-made submachine guns made by partisans of partisans' troops. The collection includes copies of famous guns (PPD-40, PPSH-41, PPS-43) as well as completely original models. The total number is more than 50 items accompanied by technical characteristics and images.*

January 12th, 2015 **Gorelik Mikhail Viktorovich** aged 71 passed away. He was one of the most famous contemporary Russian historians of weaponology. Educated as an expert of arts he was a leading expert in the field of historical reconstruction in the Soviet period and modern Russia.

Scientific reconstructions of weaponry suits and equipment of ancient and medieval peoples made under his supervision are stored in the Russian State Historical Museum, the Tower of London, the state museums in Kiev (Ukraine) and Almaty (Kazakhstan). He was awarded with the main Russian cinematic award for designing more than a hundred historical suits and equipment for the historical period drama «Yermak» about the Russian conquest of Siberia.

As a result of his scientific interest in ancient and medieval weapons of Eurasia are his books: «Armies of Mongolo-Tatars in 900-1300» and «Weapons of Ancient Oriental. 4000 BC-300 AD» and dozens of articles about the history of weapons and warfare.

He made an invaluable contribution to the increase of interest in the history of weapons among many people.

Наши авторы:

Аникин Константин - заведующий Музеем истории и археологии Среднего Урала, Свердловский областной краеведческий музей (Екатеринбург, Россия).

Архангельский Леонид - кузнец-оружейник, Президент Союза кузнецов России (Королев, Россия).

Бакрадзе Ираклий - кандидат исторических наук, деп. археологии Университета им. Ильи Чавчавадзе (Тбилиси, Грузия).

Кизириа Вахтанг - магистр исторических наук, консультант студии ГФМ (Тбилиси, Грузия), внештатный консультант оружейного фонда Метрополитен музея (Нью-Йорк, США).

Курочкин Алексей - заместитель главного редактора журнала «Историческое оружиеведение», редактор интернет-портала о традиционных воинских практиках Индии. Область научных интересов - традиционные воинские практики и оружие Индо-Персидского региона (Москва, Россия).

Лопарев Сергей - магистр искусствоведения. Область научных интересов – самодельное оружие времен Великой Отечественной войны (Минск, Беларусь)

Милосердов Дмитрий - старший научный сотрудник, заведующий сектором в Государственном Дарвиновском музее. Область научных интересов - оружие Ирана, Индии и Афганистана, этнические предметы охоты и лова (Москва, Россия).

Самгин Сергей – главный редактор журнала «Историческое оружиеведение», преподаватель Тамбовского государственного университета, кандидат политических наук (Тамбов, Россия).

Шереметьев Денис - ведущий научный сотрудник высшей категории, хранитель Оружейной кладовой Российского этнографического музея. Область научных интересов — оружие в традиционной культуре, символика оружия, традиционные воинские и охотничьи практики (Москва, Россия).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Редакция принимает к рассмотрению рукописи на электронном носителе объёмом не более 40 тысяч знаков, набранные в Word, шрифт Times New Roman суг, кегль 14, междустрочный интервал 1,5. Примечания отмечаются знаком сноски (¹) и выносятся из текста документа вниз полосы. Нумерация сквозная по всему тексту. Ссылки на источники и литературу, по выбору автора, могут быть *внутритекстовыми* или *подстрочными*. В первом случае они заключаются в тексте в круглые скобки (). Во втором – отмечаются знаком сноски (¹) и выносятся из текста вниз полосы. Нумерация сквозная по всему тексту. В обоих случаях *библиографическая ссылка* оформляется следующим образом: ссылка на издание: MARSHALL, 1994. Если у автора несколько изданий в одном и том же году: MARSHALL, 1994a, MARSHALL, 1994b. Ссылка на страницы издания: MARSHALL, 1994, pp. 125-129. Пристатейный библиографический список помещается после текста статьи и оформляется следующим образом: MARSHALL, M.Q. (1990), QUALITATIVE EVALUATION AND RESEARCH METHODS , 2ND ED., SAGE, NEWBURY PARK, CA.

Иллюстрации к статье должны быть предоставлены в формате jpg (разрешение не менее 300 dpi, желательный размер – не менее 10x15 см при разрешении 300 dpi, объем - 1-2 MB). Все присылаемые иллюстрации должны иметь порядковую нумерацию. В тексте должны быть четкие ссылки на иллюстрацию в нужном месте (Например: «Рис. 1» и т.д.). Иллюстрации в текст вставлять не нужно. Подписи к иллюстрациям предоставляются в виде отдельного файла.

Авторы должны предоставить на русском и английском языках: свои личные данные (фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёную степень, учёное звание, контактную информацию для переписки, которая будет помещена в бумажной и электронной версиях издания), а также расширенную аннотацию на свой материал и ключевые слова. Кроме этого необходимо сообщить в редакцию номера телефонов для связи, а также адрес электронной почты, если эти данные не были указаны ранее.